
АНДРЕЙ СНЕГОВ
1
КОДЕКС АГЕНТА

#Бояръ-Аниме. Кодекс Агента. Том 1

Андрей Снегов

Аннотация
#Бояръ-Аниме. Кодекс Агента. Том 1
Глава 1 —. Бал в особняке Воронцовых
Глава 2 —. Пробуждение в Приюте: Черная метка
Глава 3 —. Раздумья в Темной Комнате
Глава 4 —. Испытание: первая попытка
Глава 5 —. Неожиданное спасение
Глава 6 —. Бесполезная рефлексия
Глава 7 —. Испытание: вторая попытка
Глава 8 —. Сомнения и версии
Глава 9 —. Испытание: третья попытка
Глава 10 —. Новый дом и новые ощущения
Глава 11 —. Побег от себя
Глава 12 —. Первое покушение на меня
Глава 13 —. Вынужденный выбор
Глава 14 —. Ультиматум Шефа
Глава 15 —. Супер-костюмы для супер-аристо
Глава 16 —. Темное прошлое и радужное настоящее
Глава 17 —. Жалованная Грамота
Глава 18 —. Проверка тестикул на содержание

стали
Глава 19 —. Встреча с Темным
Глава 20 —. Прием в Императорскую Академию
Глава 21 —. Беседа с дознавателями
Глава 22 —. Я — Темный?
Глава 23 —. Приглашение на Бал в Кремль в мою же честь
Глава 24 —. Императорский бал: второе покушение на меня
Глава 25 —. Ложь во спасение
Глава 26 —. Храм в огне
Nota bene

Аннотация

Я – будущий киллер. А еще я – сирота, бесцветный бездарь и бастард какого-то аристо в придачу. Я ненавижу этих ублюдков – высших цветных аристо: все семь Великих Родов Российской Империи и Его Величество Императора лично.

В сокрытом от всех Приюте из нас создают агентов, которые должны положить конец тирании одаренных аристократов, и я просто обязан сделать все, чтобы этого добиться!

Постойте-ка! Я – не бездарь?! Да еще и чистокровный аристократ?! И, возможно, единственный наследник сильнейшего Великого Рода?!

Это чья-то злая шутка: я же их всех ненавижу и должен уничтожить?!

#Бояръ-Аниме. Кодекс Агента. Том 1

Глава 1 — Бал в особняке Воронцовых

Губы у княжны Воронцовой полные и чувственные, а язычок — бойкий и трепетный. Он дерзко

скользит по моей шее от подбородка к кадыку, и я нежно перебираю густые темно-русые волосы Елены, мягко направляя ее вниз.

Мы лежим на узком диване в чайной комнате и почти раздеты. Шампанское играет в крови, и потому опасность быть застигнутыми врасплох не пугает, а наоборот — возбуждает и раззадоривает.

Язычок княжны нежно ласкает кубики моего пресса, а руки стягивают с меня трусы, когда двустворчатые двери с грохотом распахиваются, и на пороге появляется несколько молодых людей в смокингах.

Вспыхивают люстры под потолком, и у парней сразу вытягиваются лица и сжимаются кулаки. Все бы ничего, я и не в таких переделках бывал, но один из вошедших — Цесаревич Алексей Романов и жених Воронцовой по совместительству. Его глаза светятся двумя яркими изумрудами — он на грани применения Силы. Княжна отпрыгивает от меня, будто ужаленная, и Наследник Престола с кривой улыбкой смотрит на мое стремительно опадающее естество.

— Еще не все благородные чресла облизала? — обращается он к княжне, не отрывая взгляда от моей скромной персоны. — Теперь даже безда-

рями не брезгуешь?

— Язык ты отрастил, получилось, а вот с остальными достоинствами не вышло! — язвительно отвечает княжна, собирает в охапку брошенную одежду и как есть — лишь в трусиках и туфлях дефилирует к выходу.

Поравнявшись с Романовым, она останавливается, оборачивается и дарит мне воздушный поцелуй. Порываюсь ответить тем же, но в последний момент решаю не переигрывать и всего лишь поправляю волосы — отбрасываю непослушную челку со лба.

— А с тобой, бесцветный, разговор будет коротким, — с угрозой в голосе произносит Цесаревич, дождавшись момента, когда цоканье каблучков Воронцовой стихло в коридоре. — Изукрасьте его смазливую рожу так, чтобы мама родная не узнала!

Он взял себя в руки и смотрит на меня без ненависти, злобы или презрения — глаза уже не светятся. Я для него всего лишь статист, досадная помеха, случайно возникшая на пути. Наглое насекомое, прилетевшее на венценосный свет, которому следует оборвать крылья и растоптать в грязи.

Через несколько секунд Алексей резко раз-

ворачивается на каблуках и уходит следом за княжной.

— Не убейте только! — добавляет он уже из-за дверей. — Если в щенке когда-нибудь проснется Дар, сам уложу его на дуэли!

Я вскакиваю с дивана, одним рывком натягиваю трусы и надеваю туфли. Собственная нагота не добавляет уверенности в себе, но будь я даже одаренным аристо, облаченным в ратные доспехи — вырубить четверых наследников Великих родов Юсуповых, Апраксиных и Трубецких шансов нет. Ни единого.

Но мне не нужна победа, план совершенно иной.

Смотрю на приближающихся парней, на их насупленные серьезные лица и осознаю, что влип в дерьмо по уши. Наследники Великих Родов Красных, Оранжевых и Синих — мощная сила. Плевать им на Дворянский Кодекс — изувечат, не снимая смокингов. Искалечат даже без применения магии. Отделают так, что целители Приюта будут год водить хороводы и танцевать вокруг меня с бубнами, а Романов в любом случае прикроет и наградит за преданность. Так они думают.

Княжичи приближаются молча и особо не спешат — деться мне некуда. На лицах предвкушение

быстрой расправы и спокойная уверенность в неизбежной победе. Оглядываюсь и вижу на стенах многочисленные портреты в золоченых рамах. Великие предки Воронцовых взирают на меня с укоризной, разве что пальчиками не грозят, но мне не одобрение от них нужно. Огоньки камер над картинами светятся зеленым, и я начинаю спектакль.

Поддеваю ногой резной антикварный столик и отправляю его в последний полет. Парни инстинктивно уклоняются, но чайник, чашки с горячим чаем, сахарница и блюдца с десертами попадают точно в намеченные цели. В ответ раздается ругань, проклятия и клятвы засунуть весь фарфор в мою задницу особо извращенным способом.

Я пячусь назад, упираюсь в злополучный диван и запрыгиваю на него, вынуждая Радослава Юсупова действовать в одиночку. Мой противник ускоряется, подпрыгивает и резко бьет ногой справа. Уклоняюсь, он, не встретив сопротивления, по инерции летит на меня и получает мощный удар в живот. Острый носок моей лаковой туфли сминается, Радослав хрипит от боли, отшатывается назад и сгибается пополам.

Его брат, Бореслав, нападает сбоку, целясь в сле-

пую зону. Следуя интуиции, уклоняюсь от атаки и наношу болезненный удар в голень, заставляя княжича вскрикнуть от боли.

— Ты покойник! — кричит мне Юсупов и не раздумывая бросается вперед.

Ускоряюсь, легко обхожу его справа, пропуская мимо себя, и бью локтем в спину. Аристо спотыкается, я добавляю ногой с разворота, и он падает вперед ничком.

Олег Апраксин, напоминает свирепого быка, ноздри его раздуваются от возбуждения, на челюсти играют желваки, а под тонкой шерстью смокинга бугрятся литые мышцы. Он приближается сзади, я делаю резкий разворот и пробиваю парня. Олег отшатывается назад, ошеломленный, и я добавляю ему ногой в грудь, окончательно ломая носок туфли. Апраксин падает на ковер, а Андрей Трубецкой наносит сокрушительный удар правой, неожиданно ускорившись. Я с трудом уворачиваюсь и отскакиваю назад.

— Молись, красноглазый! — цедит Трубецкой сквозь зубы и развивает молниеносную атаку.

Движения аристо быстры, плавны и непредсказуемы. Непредсказуемы для тех, кто не провел десять лет в тренировочных залах Приюта. Я же читаю противника словно открытую книгу,

предвижу каждый его выпад, просчитываю углы атак и без труда от них уклоняюсь.

В ответ наношу быстрые и решительные удары, буквально танцуя вокруг парня, безостановочно пробиваю в голову и живот до тех пор, пока, наконец, Трубецкой не валится на ковер.

Мой триумф быстротечен, но именно таким он и задуман. Противники медленно поднимаются с дорогого тюркского ковра, на этот раз молча, не растрачиваясь на дешевые угрозы.

Бросаю косой взгляд на стену за спиной, удостоверяясь еще раз, что камеры наблюдения работают.

В Москве одаренным запрещено использовать магию в пределах Бульварного кольца, но парни еще не прошли инициацию — их глаза не светятся. В любом случае они будут выполнять приказ Цесаревича без применения магии, полагаясь лишь на силу рук и ног. Благородная кровь уже кипит, и аристократическая гордость не позволяет усмирить агрессию и остановиться.

Княжичи осознали, что драться я умею, и стали действовать осмотрительнее, а из их движений исчезла небрежность. Они медленно окружают меня, и я стараюсь запечатлеть объемную картинку в голове, понимая, что на этот раз бой

будет более сложным. Внимательно наблюдаю за перемещающимися с грацией хищников парнями, удивляясь произошедшей с ними перемене, и жалею, что обделен Даром.

Радослав Юсупов бросается на меня с непостижимой скоростью, но я успеваю увернуться от его выпада. Он снова замахивается, и я блокирую удар рукой, чувствуя невероятную боль. Пришедший на помощь Бореслав швыряет в меня подобранный с пола чайник, но я отпрыгиваю в сторону, и он с тошнотворным хрустом врезается в лицо Апраксина. Минус один!

Теперь я двигаюсь осторожнее, стараясь держаться вне пределов досягаемости рук и ног нападающих — их мощные удары могут искалечить или отправить на тот свет. Я чувствую, как струйка пота скатывается по спине — детские игры закончились, и мне грозит реальная опасность.

Делаю глубокий вдох и сосредотачиваюсь, готовясь к атаке в режиме спурта. Намечаю линии перемещения, выбираю цели и с холодной решимостью бросаюсь на противников. Пробиваю в челюсть Бореславу, парень теряет равновесие, и удар его ноги обрушивается на брата, мгновенно выводя Радослава из строя. Сам он падает

на колени, а затем, что-то невнятно выкрикнув, валится на спину.

Трубецкой усиливает натиск. На меня обрушивается шквал ударов, но я уклоняюсь от них в безумных танцевальных па. Мои акробатические этюды имеют успех, но я слишком быстро теряю силы — бой на повышенных скоростях изнурителен как физически, так и психологически.

Княжич продолжает атаку, и я ухожу от ударов, используя преимущество в скорости и проявляя чудеса гибкости. Андрей теснит меня к дивану, и я снова запрыгиваю на мягкие подушки.

Падаю спиной на высокую спинку и встречаю его синхронным ударом ног. Трубецкой налетает на мои ступни, охает, сгибается пополам и валится на ковер — я попадаю ему в солнечное сплетение.

Обессиленный, сползаю с дивана. Сердце вырывается из груди, воздуха не хватает, и перед глазами плывут красные пятна. Мне нужен отдых. Хотя бы пара минут.

Прежде чем я успеваю отдышаться и насладиться победой, двери распахиваются, и в комнату врываются вооруженные магострелами охранники Рода Воронцовых. Они замирают в дверном проеме, с удивлением осматривая разрушенный

зал, и я лежу на полу, не двигаясь, чтобы не выделяться среди четырех стонущих и медленно поднимающихся на ноги парней в одинаковых смокингах.

— Взять его! — орет Апраксин, пришедший в себя первым, и взгляды охранников останавливаются на мне.

Нужно бежать, но единственный свободный путь — через окно, а мы находимся на втором этаже. Мысленно рисую сложную серию маневров, которая потребует точности и большой удачи, затем вскакиваю и несусь вперед, петляя как заяц.

За спиной раздаются выстрелы, но я не обращаю внимания на гудящие сгустки парализующей магии и крики охранников. Зажмурив глаза и прикрыв тело смокингом, прыгаю в проем высокого стрельчатого окна. Стекло разбивается, царапая грудь через тонкую ткань, и я лечу к земле. Падаю на крону невысокого дерева, затем скатываюсь в заросли кустов, кубарем качусь на газон и приземляюсь на спину. Неподалеку от меня в землю вонзаются разнокалиберные осколки стекла, а я напрягаю мышцы тела и выдыхаю с облегчением — переломов нет. Как и трусов, обрывки которых остались на колючих ветвях.

Отбрасываю ставший ненужным смокинг,

сбрасываю с ног изломанные туфли и бегу к гостевой стоянке. Слышу, как за спиной с руганью приземляются преследователи, и ускоряюсь, выжимая из тела максимум возможного.

Слева в ярко освещенных окнах особняка видны силуэты учеников, а справа, за оградой — застывшие фигуры полицейских. Они сдерживают многочисленных папарацци, следящих за гуляниями юных аристократов столицы.

Захлебываясь воздухом, несусь к своему спортивному Уралу словно гончая во время забега. Вспышки фотоаппаратов справа слепят глаза, а за стеклами окон слева появляется все больше и больше наблюдателей со смартфонами из числа аристо.

Завожу мотоцикл и с перегазовкой мчусь к закрывающимся воротам. Едва успеваю проскочить между створками и вылетаю на Кутузовский проспект. Мне везет: я вклиниваюсь в поток машин, не разбившись в лепешку и даже никого не задев.

Выравниваю байк, резко жму на педаль и несусь вперед. Через несколько секунд особняк Воронцовых исчезает позади, и я остаюсь наедине со звуками шумного ночного города и ревом мощного двигателя.

— Спасибо, Разделенный! — мысленно благодарю я несуществующего бога и замечаю в зеркале заднего вида черную Волгу.

Она на огромной скорости мчит посередине проспекта и беспрерывно сигналит уворачивающимся от нее машинам. Не нужно иметь семи пядей во лбу, чтобы догадаться по чью душу эта погоня.

Давлю на газ, выезжаю на встречку, а затем резко принимаю еще левее, чтобы избежать столкновения с автобусом. Зигзагом возвращаюсь на свою полосу, ускоряюсь и лечу между авто, лишь чудом не снося боковые зеркала.

В крови бушует алкогольно-адреналиновая буря, инстинкт самосохранения отступил перед верой в собственное бессмертие, а на моих губах застыла безумная улыбка. Впереди появляется относительно свободный участок дороги, я разгоняюсь до ста пятидесяти, сжимаю перстень на безымянном пальце левой руки, и контактные линзы в моих глазах начинают ярко светиться. Проезжаю под чередой дорожных камер, ставлю мотоцикл на заднее колесо, запрокидываю голову к звездному небу и хохочу во весь голос — задуманная провокация удалась!

Выехав на мост, я сбрасываю скорость и,

дождавшись, когда Волга преследователей догоняет, сворачиваю на противоположную сторону дороги прямо перед ней. Ныряю в широкий промежуток между движущимися машинами, и байк врезается в бордюр. Меня выбрасывает вверх и вперед, я перелетаю через невысокое чугунное ограждение и ныряю в черную гладь Москвы-реки.

Удар о воду обжигает кожу и выбивает воздух из легких. Урал падает в реку всего в паре метров от меня, и я снова шлю благодарности высшим силам, но на этот раз Тьме. Плыву под водой несколько десятков метров и поднимаюсь на поверхность уже под мостом. Слух режут крики склонившихся над водой зевак и грохот от проезжающих над головой автомобилей.

Какое-то время выжидаю под аркой моста. Убедившись, что добровольцев-спасателей не нашлось, ныряю за приготовленным пакетом. Надеваю маску для подводного плавания, прикусываю загубник трубки и включаю портативный подводный буксир. Нужно ускользнуть с места происшествия до того, как сюда пожалует полиция, скорая помощь и Имперские дознаватели.

Берусь за ручки, напоминающие мотоциклетные, запускаю винты на самую малую скорость и

плыву под водой вдоль одетого в гранит берега. Неспешное передвижение в холодном безмолвии и стремительно улетучивающийся из крови адреналин успокаивают мысли, и я начинаю привычно корить себя за самонадеянность и беспечность.

Операция удалась, цели выполнены, но обструкции от Шефа не избежать. Он вновь будет отчитывать за то, что действую безбашенно, как самоуверенный юнец! Но я и есть восемнадцатилетний юнец, Тьма меня раздери!

Даю себе слово, что обязательно исправлюсь, повзрослею и в следующий раз театральных эффектов не будет: никаких сальто, картинных вертушек в драках и вилли на мотоциклах!

Когда сквозь мутную воду Москвы-реки становится видно семицветье светящихся куполов Храма Разделенного Бога, я всплываю на поверхность и вздыхаю с облегчением — цель близка.

Ржавую решетку, ведущую в ливневый коллектор под Храмом, нахожу, следуя в потоке теплой воды. От пронизывающего холода мои мышцы стали резиновыми, а зубы выбивают барабанную дробь. Из последних сил сжимаю в непослушных пальцах ключ и открываю замок рычага.

Вплываю внутрь, опускаю решетку и понимаю,

что сил, чтобы закрыть замок уже не осталось. Поднимаюсь по наклонному тоннелю, выбираюсь из ледяной воды и без сил падаю на холодный бетон, который кажется теплым.

Усталость берет свое, я срываю маску с лица, закрываю глаза и борюсь с так некстати навалившейся сонливостью. Мысли теряют привычную скорость и остроту, хочу как можно скорее оказаться в горячем душе, а затем залечь в теплой кровати и отключиться до позднего вечера.

Собираю силы в кулак, поднимаюсь на подрагивающие ноги и неверным шагом иду к заветной двери. В одной руке — маска, а в другой — буксир. Пальцы дрожат от холода, и вытащить контактные линзы из глаз получается лишь с третьей или четвертой попытки.

Смотрю в видоискатель, замаскированный под кусок бутылочного стекла в бетонной стене, и ожидание кажется бесконечным. Луч лазера несколько раз сканирует сетчатку, система безопасности обрабатывает информацию, и, наконец, дверь медленно отъезжает в сторону.

Дом, милый дом!

На посту сегодня Кот и Мангуст. Я все еще стою на ногах лишь потому, что не желаю позориться перед младшими, для которых я — предмет для

подражания и почти былинный герой. Из одежды на мне только промокший парик и носки, и лица десятилеток расплываются в улыбках. Хорошо, что сегодня в страже нет девчонок!

— Привет, Симпа! — произносят пацаны хором и таращатся на меня широко распахнутыми, восторженными глазами.

О проверке паролем дети благополучно забыли, придется сменить милость на гнев. Но это будет завтра. А сегодня я сажусь на пол, облокачиваюсь на бетонную стену и стягиваю с головы опостылевший парик.

— Привет, малявки! — говорю я и устало улыбаюсь в ответ. — Парик и линзы бросьте в утилизатор!

— Может, и носки — тоже? — спрашивает Кот, с трудом сдерживая смех, и присаживается передо мной на корточки.

— Валяйте! — подмигиваю и ерошу вихрастую макушку. — И притащите хотя бы какую-то одежду, желательно — сухую и теплую…

Глава 2 — Пробуждение в Приюте: Черная метка

Просыпаюсь поздним вечером в собственной постели, в Приюте. Мина лежит рядом, обиженно дует губки и морщит аккуратный чуть вздернутый носик. Она разыгрывает роль ревнивой зазнобы. Подперев голову правой рукой, левой она гладит мою обнаженную грудь. Невесомые касания шаловливых пальчиков распаляют воображение, и я закрываю глаза, снова вспоминая княгиню Воронцову.

— Симпа, ты что-то недоговариваешь, — с напором говорит Мина, и я слышу в ее голосе неприкрытую угрозу. — Она тебе даже минет не сделала?! Не верю — у тебя весь вечер простынь палаткой стоит!

— Потому и стоит, что не сделала! — с иронией отвечаю я и поворачиваюсь набок. — Любимая, это всего лишь физиология!

Зеленые глаза Мины темнеют, губы кривятся, а руки угрожающе тянутся к моему паху. Играю на опережение, крепко обнимаю тренированное

гуттаперчевое тело, подтягиваю к себе, не обращая внимание на притворное сопротивление, и целую в шею.

— Знаешь же, что я твой и только твой! — шепчу в маленькое ушко и чувствую, что сопротивление ослабевает. — А Воронцова была просто заданием! Ты же сама подсказывала мне, как соблазнять девушек!

Говоря про задание, я не кривлю душой. Почти не кривлю. Воронцова потрясающе сексуальна, и, будь у меня возможность провести с ней ночь, я бы не устоял.

Мина немного отстраняется и заглядывает мне в глаза. Она видит в них именно то, что ожидает — любовь и неистовое желание. И в данном случае это не актерская игра, которой меня учили в Приюте много лет, а мои настоящие чувства.

Любимая опрокидывает меня на спину, обхватывает талию крепкими бедрами и тянется губами к губам. Я отвечаю на страстный поцелуй и краснею от стыда — перед внутренним взором снова возникают точеные черты лица Воронцовой и ее язычок, облизывающий пухлые губки. Мина очень красива и умела в постели, но Воронцова не менее горяча, а мне всего восемнадцать, и я не всегда могу контролировать позывы плоти.

Звук вызова раздается в самый неподходящий момент. На черном корпусе коммуникатора загорается кнопка, под которой коротко написано «Шеф». Нехотя отвечаю — субординация обязывает.

— Извини, что отвлекаю — уверен, что ты занимаешься тем, что у тебя получается лучше всего, — говорит Шеф, и язвительная ирония буквально сочится из динамика.

— Я не в тире, вы ошиблись, — отвечаю я, принимая игру, и показываю поднятый вверх средний палец камере, замаскированной в углу мой спальни.

— Говорят, что ты хорошо стреляешь не только пулями, — парирует Шеф.

Мина давит смешок и прыскает в кулачок.

— Продолжишь в душе самостоятельно! — озорно шепчет она, перекатывается набок и проворно вскакивает с кровати.

— Зайди ко мне, нужно срочно кое-что обсудить, — произносит Шеф елейным тоном, и я представляю добродушную ухмылку на его лице — он точно услышал девичий шепоток.

— Буду через пять минут, — коротко подтверждаю я и отключаю связь, избавляя себя от необходимости выслушивать очередную шутку

ниже пояса.

Опаздываю буквально на минуту и, пригладив мокрые после душа волосы, захожу в кабинет.

Шеф сидит боком к входу и с удовольствием смотрит на экран монитора, установленного на приставном столике. В его руках чашка дымящегося кофе, а на породистом лице застыла удовлетворенная улыбка Чеширского Кота. Видео записано из-за забора усадьбы Воронцовых — я сразу узнаю помпезный фасад и собственные белые ягодицы в мерцающем свете вспышек фотоаппаратов.

— Полную версию еще не видел? — спрашивает Шеф, не отводя взгляд от экрана.

— Нет! — коротко отвечаю я, нейтрализуя следующую шпильку по поводу моего утреннего времяпрепровождения.

— Тогда смотри! — говорит шеф и запускает демонстрацию видео с самого начала.

Запись камер внутреннего наблюдения, установленных в чайной комнате Воронцовых довольно качественная. На огромном диване сидит очень похожий на меня полуголый красноглазый блондин с рельефным торсом, которого страстно целует юная княгиня. Со стороны вижу, что гримеры Приюта изменили мое лицо до

неузнаваемости.

— Выключите, пожалуйста, — прошу я, ощущая накатывающее возбуждение и запоздалое раскаяние одновременно. — Судя по поведению Мины, она это видела точно!

— Наверняка — сеть уже забита копиями! Самый популярный ролик в Рутьюбе! И видела его не только Мина — весь Приют обсуждает твои гениталии! — Шеф подмигивает, а я чувствую, как кровь приливает к щекам, и непроизвольно сжимаю кулаки.

— Я сразу зашел с козырей — больше удивить нечем! — говорю с выраженной иронией в голосе и скрещиваю руки на груди.

Шеф ожидаемо делает вывод, что я от него закрываюсь, и начинает стелить мягче.

— Не ершись, Симпа, — просит он. — Во-первых, никто, кроме ребят в Приюте не знает, что на видео ты! Во-вторых, тебе нечего стесняться! Я бы даже сказал, что у тебя есть солидный повод для гордости!

Отворачиваюсь к симуляции окна с видом на Кремль, чтобы Шеф не узрел моих взбешенных глаз. Как же он достал своими скабрезными шутками и намеками! До пятидесяти дожил, уже виски седые, а ведет себя как неоперившийся

юнец! Умом я понимаю, что это профдеформация, результат многолетнего общения с нами, сиротами-подростками, но иногда эмоции берут верх.

— Императорская семья объявила о разрыве помолвки Цесаревича с Воронцовой, так что намеченная нами цель достигнута! — сообщает Шеф уже деловым тоном. — Ты как всегда на высоте!

С детства не люблю манипулирование с помощью дежурных восхвалений. Шеф знает об этом, но использует дешевый прием постоянно. И из раза в раз безуспешно. По крайней мере, именно так мне хочется думать.

— Вы же не для похвалы меня вызвали? — спрашиваю я, подавляя раздражение.

— Ну почему же: Воронцову ты соблазнил, Цесаревич женится на другой…

— Воронцову любой соблазнить может, даже вы! — не могу отказать себе в удовольствии лишний раз уколоть старика. — Для чего нужно расторжение их брака?

— Политика! — Шеф пожимает плечами. — Тебе будет не интересно!

— Мне вежливо объяснили, что это не моего собачьего ума дело?! — с усмешкой спрашиваю я. — Хочу головой работать, а не чле…

— Головой, говоришь?! — прерывает меня Шеф.

Он недовольно морщится, открывает ящик тумбочки, достает оттуда газету и бросает на стол. На первой странице «Имперского Вестника» моя фотография, сделанная дорожной камерой на Кутузовском проспекте. Мотоцикл стоит на заднем колесе, на моем лице безумная улыбка, глаза светятся как у настоящего одаренного, а выставленный вверх средний палец правой руки направлен прямо на читателя.

— Это мальчишество, Симпа, и оно до добра не доведет! — кипятится Шеф. — Ты бы еще задницу голую показал!

— Я уже работаю над этим трюком, но он очень сложен…

— Симпа! — орет Шеф и бьет кулаком по столу.

Замолкаю. Сижу, опустив взгляд долу и давлюсь колкостями, вертящимися на кончике языка. Старик во всем прав. Шестое правило Кодекса Агента гласит: «Будь невидим!».

— Саша, ты хочешь играть во взрослые игры?! — серьезно спрашивает Шеф после длинной паузы.

Таким строгим я не видел его лицо давно. Наверное, с собственного тринадцатилетия, когда

намазал перцем трусы молодым послушникам в Церкви Разделенного перед праздничным Служением.

Проницательный взгляд серых глаз пронизывает меня до самой изнанки души, и я понимаю, что речь пойдет о задании действительно важном и, скорее всего, очень опасном. Старик даже по имени назвал, что в Приюте строжайше запрещено!

— Тебе уже восемнадцать, и пришло время переходить к взрослым заданиям — ты десять лет учился в Приюте не только для того, чтобы охмурять симпатичных девчонок! — Шеф включает строгого учителя и хмурит густые черные брови.

— С удовольствием занимался бы этим всю жизнь! — заявляю в ответ с наглой ухмылкой на лице. — Негоже, когда повод для гордости простаивает без дела или работает вхолостую!

Иван Сергеевич хмурит брови еще сильнее и смотрит на меня осуждающе. Да, Шеф, теперь мы поменялись ролями: вы будете втирать мне серьезные темы, а я — зубоскалить и пошло острить.

— Александр, я и сам люблю побалагурить, но давай отбросим шутки в сторону — разговор у нас очень важный и ответственный!

Шеф откидывается на спинку своего похожего

на трон резного кресла и поджимает губы. Серостальные глаза прищурены, носогубные мышцы напряжены, а на лбу залегла вертикальная складка — ни дать ни взять средневековый вождь русичей думу думает. Киваю и нехотя стираю дурацкую улыбку с собственного лица.

— Наша борьба с аристо набирает обороты — мы совершаем все более и более дерзкие вылазки, которые как круги от падения камней на воду, вызывают все более и более серьезные последствия! — Шеф седлает любимого конька, и теперь его не остановить. — Мы все ближе продвигаемся к нашей главной цели — ослабить Великие Рода, отстранить от власти аристо, которые ведут страну к катастрофе, и расчистить дорогу для здоровых сил!

Внимаю дежурным словам Ивана Сергеевича и отчаянно подавляю зевоту. Я разделяю его ненависть к зажравшимся Великим Родам, но слушать одну и ту же пластинку из года в год уже надоело. Во мне борются три желания: позавтракать, поспать и заняться сексом с Миной. Я вспоминаю уроки оперативного планирования, пытаюсь расставить приоритеты, но постоянно срываюсь и хочу всего и сразу.

— Александр, пришла пора прощаться с дет-

ством, становиться по-настоящему взрослым и браться за большие дела! — серые глаза Шефа осуждающе прищурены, он явно понял, что я привычно витаю в облаках и не слушаю его высокопарные рассуждения.

— У вас есть конкретный заказ или вы наставляете меня на путь истинный? — равнодушно спрашиваю я. — Если второе, то позвольте мне немного отдохнуть после вчерашнего задания, а чуть позже я выслушаю вас максимально внимательно!

— Это не задание, дорогой мой, а выпускной экзамен — Испытание, от которого ты не можешь отказаться! — предельно серьезно произносит Шеф.

Шутки с прибаутками закончились. От ледяного взгляда Ивана Сергеевича по позвоночнику опускается холодная волна, и я откидываюсь на спинку кресла, чтобы оказаться как можно дальше от разящего свинца его глаз. Молчу и жду следующих слов. Отказаться от задания я в любом случае не могу: единственная причина, по которой можно покинуть Приют до Испытания — смерть. Вопрос лишь в том, естественная она будет или рукотворная.

— Рано или поздно любой агент сдает главный

тест на профпригодность в своей жизни — убивает врага, — обманчиво мягким тоном произносит Шеф. — Или не убивает…

— И тогда убивают его! — я заканчиваю неоконченную фразу и широко улыбаюсь.

Уроки актерского мастерства я посещал недаром, сейчас сам Эйзенштейн не распознает во мне лицедея и не поймет, что за искренней улыбкой и горящими глазами прячется страх и неуверенность в себе.

— Сашка! — тихо обращается ко мне Шеф, и на его проникновенный голос отзываются самые тонкие струны души. — Я же тебя еще восьмилеткой помню! Огромные фиолетовые глаза в половину исхудалого лица, испуганный волчий взгляд и волчий же оскал беспризорника…

Иван Сергеевич потирает левую ладонь, место, где все еще виден шрам от моего детского укуса, и я краснею. Краснею от стыда и хочу зарыться в дорогой паркет, хотя и понимаю, что мной банально манипулируют. Тогда, десять лет назад я подумал, что огромный взрослый дядька поймал меня на улице, чтобы грязно надругаться или хуже того…

— Я не убиваю собственных сыновей, Александр! — взгляд Ивана Сергеевича теплеет и

наполняется отцовской любовью.

Сыновей! Слово-то какое подобрал. Ключ к сердцу любой безотцовщины, хоть восемнадцать тебе, хоть семьдесят. Предательская влага наполняет глаза, я встаю с кресла и подхожу к имитации окна. По синему небу плывут облака, на Красной Площади гуляют люди, а часы Спасской башни показывают реальное время.

Мне хочется сказать, что вся теплота и чувственность, культивируемая в Приюте — такая же имитация, потому что здесь растят профессиональных убийц, но я не могу. Мой цинизм расплавлен искусственно вызванным чувством благодарности, и в горле стоит ком.

— Если откажешься, просто уходи на все четыре стороны! — боль в голосе Шефа призвана рвать сердце на части, и я оборачиваюсь.

Играет он безупречно — бессильно осел в кресле, плечи опущены, пальцы дрожат, а в глазах слезы. Не отрываясь, смотрю на его жалкую позу не меньше минуты, и ощущаю себя попавшим в смертельный капкан зверьком.

— Не откажусь! — твердо заверяю я и наношу заготовленный удар. — А душещипательный спектакль необязателен!

Шеф не меняет позы и выражения лица, моя

провокация не вызывает эмоций, которые должны были проявиться, будь в его великолепной игре хотя бы толика правды. Взгляд старика все так же печален. Печален и пытлив. Невозможное для искреннего человека сочетание.

Иван Сергеевич снова лезет рукой в ящик и бросает на стол фотографию. Даже с расстояния в пару метров я узнаю жертву и холодею от страха.

Убийство абстрактного аристо давно меня не пугает. И курок я смогу нажать без колебаний. Наверное, смогу. Что будет твориться в моей душе после, я не знаю, и блокбастер «Преступление и наказание» по роману Достоевского не особо помогает в прогнозах.

Проблема в том, что на фото изображен не абстрактный аристо, а самый что ни на есть конкретный. Сама мысль об убийстве этого человека ввергнет в ужас любого матерого киллера, не говоря уже о таком неопытном щенке, как я.

— Ты его узнал? — спрашивает Иван Сергеевич и расправляет плечи.

Голос Шефа снова приобрел повелительные интонации, тон стал деловым, а слезы в глазах высохли. Такая быстрая метаморфоза поражает, если не знать, на что способны профессиональ-

ные актеры и манипуляторы в одном лице.

— Почему выбор пал на меня? — спрашиваю я подчеркнуто сухо, чтобы Шеф не воспринял мои слова как попытку увильнуть от Испытания.

— Потому что ты лучший! — отвечает Иван Сергеевич устало. — Лишь у тебя одного может получиться!

— Убить? — уточняю я.

— Ты же не зря столько лет учился в Приюте?! — в голосе Шефа звучит укор.

— Самое важное — скрыться с места преступления, я помню! — снова отворачиваюсь и смотрю на Спасскую башню, стрелки часов которой отсчитывают последние часы моей жизни. — Думаю, что этот объект требует иного подхода!

— Операция твоя и разрабатываешь ее ты, — Иван Сергеевич пожимает плечами. — Мне нужен результат! Впрочем, как и тебе!

— Место и время?! — спрашиваю я и растягиваю воротник футболки — почему-то чувствую духоту и нестерпимое желание поскорее выбраться из кабинета этого Карабаса-Барабаса.

— Вход в ресторан «Националь», завтра в восемь вечера…

— Завтра?! — кричу я, не веря собственным ушам.

— У тебя есть еще сутки на подготовку, а это очень много, клянусь Тьмой!

Выхожу из кабинета, не попрощавшись, и следую на ужин, словно запрограммированный робот. За десять лет жизни в Приюте каждое повторяющееся действие превратилось в ритуал, и мы выполняем их даже не задумываясь. Возможно, это мой последний ужин не только здесь, но и в жизни.

Появляюсь в столовой, и на меня обрушивается шквал аплодисментов. Все — от восьмилеток до выпускников громко хлопают в ладоши, улюлюкают и показывают неприличные жесты. Парни скабрезно лыбятся, а девчонки строят глазки, хлопая ресницами.

Улыбаюсь во все тридцать два зуба, картинно раскланиваюсь и с облегчением присоединяюсь к друзьям, усаживаясь на свое обычное место в углу. Мои одноклассники верны себе: Карась выразительно подмигивает и выкладывает на столе композицию из огромного огурца и двух куриных яиц, Цаца смотрит влажными широко открытыми глазами и облизывает полные губы острым кончиком языка, и только Мина серьезна как никогда. Она далека от всеобщего веселья и тонких намеков на толстые обстоятельства,

потому что слишком хорошо меня знает и сразу поняла: что-то не так.

Яичница с беконом не лезет в рот, марципановые конфеты, за которые в двенадцать лет я бы отдал год жизни, не радуют глаз, и даже кофе по-османски, заботливо сваренный Миной, кажется пресной бурдой. Мои друзья молчат — ждут, когда я заговорю.

— Чего ждете, бастарды? — громко спрашиваю я, подняв вилку над тарелкой, и оглядываю уставившихся на меня приютских. — Вам длину в сантиметрах озвучить или диаметр?

Лица парней и девчонок вытягиваются, и веселье мгновенно улетучивается. Моя немотивированная агрессия сигнализирует, что мне не до шуток, а с дембелями лучше не спорить. Встаю из-за стола и решительно направляюсь к двери.

Коридоры Приюта пусты. Я бегу, не разбирая направления, бегу от приютских, преподавателей и Шефа, бегу от собственной смерти, которая наступает на пятки. Справа и слева мелькают двери учебных залов, свет потолочных светильников сливается в сплошную белую полосу, а эхо моего крика летит впереди меня. Тяжело дыша, врываюсь в свою комнату, опираюсь спиной на дверь и запрокидываю голову. Глаза застилают слезы.

Назначенное мне испытание — смертный приговор. Я должен убить руководителя Тайной Канцелярии Российской Империи. Приговор смертный, потому что канцелярию возглавляет самый могущественный среди Глав Великих Родов — Великий Князь Игорь Всеволодович Шувалов.

Испытание, мой триумф, о котором я мечтал с детства, обернулся предсмертным бенефисом. Мне никогда не стать вольным агентом.

Глава 3 — Раздумья в Темной Комнате

Темная комната называется темной не потому, что в ней нет окон. К Темным магам она также отношения не имеет. Изолированное помещение — идеальное пространство для разработки и планирования операций. Пространство, знакомое мне с самого детства.

Я сижу перед интерактивной доской и размышляю о чем угодно, за исключением предстоящего покушения на князя Шувалова.

Моей решимости порвать с Миной одним махом хватило ненадолго. Она ушла от меня только под утро, оставив опустошенность в душе и сладкое томление внизу живота. Слез не было. Слов — тоже. Только чистая всепоглощающая страсть.

Шеф снова будет скабрезно шутить и заявит, что перед ответственной операцией нужно высыпаться, а не заниматься сексом всю ночь напролет. И он будет тысячу раз прав, если я останусь жив. Вся проблема в этом «если».

Я просчитал десятки сценариев предстоящего покушения, но вероятность выжить в любом из

них стремится к нулю. А значит, вероятность пройти Испытание и стать полевым агентом также бесконечно мала. В лучшем случае я убью Шувалова и получу вожделенный статус посмертно.

Тайная Канцелярия обследует мой труп и не найдет ни единого упоминания обо мне ни в одной из баз данных, потому что для государственных органов меня не существует. Приютские даже не узнают о моей судьбе, как ничего не ведают о других выпускниках — после Испытания мы навсегда покидаем альма-матер. Живыми или мертвыми.

В теории можно сбежать, потеряться в бескрайней Российской Империи, простершейся на два континента, выправить фальшивые документы и затаиться где-то на окраине, но рано или поздно приютские найдут меня и покарают. Возможно, это сделают мои друзья, Карась и Цаца, и пройдут таким образом свое Испытание. О том, что вышибить мне мозги может Мина, думать не хочу.

Шестое правило Кодекса Агентов гласит: «Никогда не сдавайся!».

Я вздыхаю и запускаю интерактивный экран. С ярких фотографий на меня смотрят Главы Великих Родов Российской Империи. Имперская

военная форма в родовых цветах наделяет их аурой власти и вселенским величием. В парадных портретах нет ни толики пафоса — только мудрость и забота о судьбах подданных. Глаза могущественных магов на портретах не светятся, об их чудовищной Силе напоминает лишь соответствующий цветной фон.

Глава Фиолетового Рода Игорь Всеволодович Шувалов изображен на фиолетовом же фоне. Левее расположены портреты остальных Глав Родов — от Трубецкого на синем до Юсупова на красном. Ниже находятся фото их многочисленных потомков, соединенные множеством прямых и пунктирных линий — расширяющаяся ветвящаяся сеть, напоминающая генеалогическое древо. Схема родственных связей, соединяющих все Великие Рода в огромную паутину, знакома мне с детства, но теперь я рассматриваю ее новыми глазами.

Самые многочисленный род аристо — Великий Род Красных. У Юсупова одних только прямых наследников почти десяток. Все как на подбор — огненно-рыжие с красными глазами. Чтобы увидеть всех членов рода, нужно занять их фотографиями огромный, во всю стену экран. Глава Великого Рода Красных смотрит в камеру с едва

заметной улыбкой, которая смягчает хищные черты лица и маскирует горбинку носа.

Великий Род Оранжевых чуть менее многочисленны, но их тоже немало. Глава Рода Князь Апраксин кажется простодушным и бесхитростным, эдаким крестьянином, напялившим на себя парадный мундир. Многие в Империи купились на обманчивую внешность и открытый взгляд чайного цвета глаз. Их уж нет на этом свете. Пятеро сыновей-наследников Апраксина под стать отцу, они похожи на неуклюжих, разодетых в пух и прах отпрысков деревенского кузнеца.

Великий Род Желтых — все как один писаные красавцы и красавицы, блондины и блондинки с медовыми глазами. При взгляде на фотографии двух наследниц примерно моего возраста я всегда облизываюсь как мартовский кот и вспоминаю уроки самоконтроля. Князь Нарышкин — настоящий светский лев, разбивший сердце не одной аристо. Его взгляд маслянист и влажен, густые русые волосы зачесаны назад, а вздернутый вверх подбородок подчеркивает точеные высокие скулы.

Великий Род Зеленых — правящий. У императора Николая Романова четверо детей, двое из которых, сын и дочь — близнецы примерно моего

возраста. Каштановые волосы и темно-зеленые глаза — непременная черта всех аристо этого Рода. Их в два раза меньше, чем красных, но каждый обладает гораздо большей силой.

Владетели голубой магии правили Империей несколько столетий, до тех пор, пока не ослабели в очередной войне с Темными. Во взгляде Великого Князя Воронцова застыло аристократическое величие, напоминающее о былой славе Рода. Голубые глаза слегка прищурены, вьющиеся темно-коричневые волосы свободно ниспадают на плечи, голова повернута чуть вбок — так лучше заметен идеальный фамильный профиль, который до сих пор украшает древние золотые и серебряные монеты.

Великий Род Синих аристо еще малочисленнее, чем Зеленых и Голубых — их можно пересчитать по пальцам двух рук. У черноволосого и синеглазого Князя Трубецкого лишь один официальный наследник, восемнадцатилетний Андрей. По слухам, наши выпускники пытались его убить уже дважды, но безрезультатно. До вчерашнего дня я думал, что парень должен будет стать моей первой жертвой.

В бою каждый синий стоит двух-трех зеленых и десятка красных. Чем больше одаренных аристо

в роду, тем слабее каждый из них. Великие Рода примерно равны по совокупной мощи, и этот саморегулирующийся баланс соблюдается уже много столетий.

Великий Род Фиолетовых магов — не исключение из правил, их всегда было мало — около четырех-пяти инициированных аристо. Но каждый из них мог уничтожить на поле боя большую часть красных или оранжевых, например. Фиолетовых боялись и ненавидели все остальные одаренные, поэтому Род никогда не претендовал на трон, но верно ему служил.

Все десницы древних князей были из фиолетовых. Все руководители Тайного Приказа и Тайной Канцелярии — тоже. Уникальность сегодняшней ситуации в том, что в Роду Фиолетовых, самом могущественном Великом Роду Империи, остался лишь один маг — Великий Князь Игорь Всеволодович Шувалов. Именно его я должен убить и уничтожить Великий Род навсегда.

У Шувалова фиолетовые глаза. Такие же, как у меня. Узкое лицо, высокий, изборожденный глубокими морщинами лоб, прямой нос, полные губы и волевой подбородок. Типичная внешность древнего русского князя с картины современного художника.

Он лыс, как бильярдный шар. Говорят, что князь побрился после того, как поседел. А поседел он, когда на Инициации сожгли его сына. До убийства наследника волосы Князя были черны как смоль. Так же черны, как мои.

Цвет глаз и волос — непременный атрибут принадлежности к соответствующему Роду и способности управлять Силой Цвета. Красноглазому аристо никогда не покорится оранжевая магия, желтоглазый не сможет овладеть голубой или синей, а пределом возможностей зеленоглазого будет зеленая.

Российской Империей управляют одаренные аристо. Красные, оранжевые, желтые, зеленые, голубые, синие и фиолетовые маги образуют силовой каркас страны, ее скелет, который позволяет противостоять почти всему миру. Миру, который много веков назад подчинили Темные.

Все, кому не повезло родиться одаренными, автоматически становятся людьми второго сорта — бездарями или бесцветными. Их глаза серы. Среди них есть люди, способные применять Силу ограниченно и без привязки к цвету, они составляют костяк имперских силовых структур. Самый сильный Серый всегда уступает по мощи самому слабому Красному, не говоря уже о прочих.

Когда я оказался в приюте, то как любой мальчишка мечтал стать цветным аристо. Благородные маги, управляющие огромной силой, были для меня кумирами, и я страстно желал стать одним из них.

Такое иногда случалось — какой-нибудь бездарь вдруг оказывался талантливым цветным магом, его принимали в соответствующий Род, и мир начинал сиять для него во всем своем разноцветном великолепии. Частенько происходило и другое — в бездаре или одаренном просыпалась Тьма, и черного мага ожидала мучительная смерть.

Десятилеткой я надеялся овладеть хотя бы красной магией, но в глубине души лелеял мечту о фиолетовой. По утрам я глядел на свое отражение в зеркале, рассматривал фиолетовые радужки и безуспешно пытался ощутить Силу, которую одаренные видят в цвете.

Уже через пять лет, воспитанный талантливыми преподавателями Приюта, я ненавидел одаренных аристо всей душой. Я мечтал уничтожить их, сбросить ненавистное радужное иго Семи Глав Великих Родов, и превратить Империю в Республику, власть в которой избирается, а не передается по наследству.

Революцию должны спровоцировать в том числе мы, Приютские мальчишки и девчонки — бастарды и бастарды бастардов цветных аристо, собранные со всех концов огромной Российской Империи. Собранные для того, чтобы сражаться с бросившими нас безвестными родителями и их родственниками из Великих Родов.

Сомнения и вопросы появились позже, когда изучение истории, экономики, социологии и государственного устройства направило ход моих размышлений в столь же нужное, сколь и опасное русло. Я не озвучивал еретические мысли никому, даже Шефу, моим единственным собеседником и оппонентом был я сам.

Почему большей частью мира правят Темные? Чем темные маги отличаются от цветных? Зачем цветные маги уничтожают их, словно бешеных собак? По какой причине нам практически ничего не рассказывают ни о Темных, ни о жизни за границами России, в Империях, залитых на карте мира черной краской? Как закончится противостояние нашей страны с Темными, если ослабить мощь Великих Родов, разрушив многовековой механизм наследования власти одаренными аристократами?

Развернутых ответов нет, все сводится к проти-

востоянию Света и Тьмы, в котором Свет априори занимает сторону добра, а цветные аристо всегда на стороне Света. По уверениям приютских преподавателей Свет тоже делится на две половины, и мы, борцы со старой аристократией, якобы занимаем более светлую из них.

На стене слева висит карта мира. Россия — единственное радужное пятно в окружении темных пространств. Великая Китайская Империя, Британское Содружество, Османская сатрапия и Евросоюз давно покорились Темным и являются нашими многолетними врагами. В течение многих столетий поддерживается шаткое равновесие между Светом и Тьмой, точнее, Цветом и Тьмой. Периодически оно смещается в ту или иную сторону в результате небольшой победоносной войны, а затем все возвращается на круги своя путем сложных переговоров.

Я закрываю глаза и откидываюсь на спинку кожаного кресла. Кофе давно остыл, а мозги отчаянно нуждаются в стимуляторах. Терзающие меня вопросы гонят мысли по кругу и не дают сосредоточиться на предстоящем покушении.

Почему цель — Шувалов, и убить его должен именно я, фиолетовоглазый сирота, в жилах которого наверняка течет кровь общих с ним

предков? Это атака на Тайную Канцелярию или на Великого Князя лично? Что случится с балансом сил Великих Родов, если стереть с лица земли Фиолетовый? Как на уничтожение самого мощного Рода Российской Империи отреагируют Темные?

Ответы за столь короткий срок не найти. Возможно, я усложняю, и убить хотят меня, попутно вызвав максимум шумихи в медиа, но самая очевидная версия чаще всего шита самыми белыми нитками. У меня нет серьезных конфликтов с Шефом и преподавателями, я максимально лоялен Приюту, и все сомнения благоразумно держу при себе. Даже Мине не высказываю. Даже в постели.

Я отталкиваюсь ногами от пола, и кресло отъезжает от экрана на несколько метров. С такого расстояния панорама из фото и соединяющих их ломаных линий приобретает упорядоченный вид, в котором проявляются определенные закономерности.

В переплетениях генеалогических линий и фото многочисленных аристо встречаются затемненные портреты: убитые, погибшие и умершие за последние тридцать лет. Далеко не всех их уничтожили выпускники нашего Приюта, но подобных приютов в России может быть много.

Чем сильнее и многочисленнее Великий Род, тем меньше в нем затемненных портретов по отношению к общему количеству. Пять или семь убитых на две сотни Красных, совсем не то же самое, что для дюжины Синих или шести-семи Фиолетовых.

Вопрос о цели нашей подрывной деятельности я задавал Шефу множество раз, но всегда получал один и тот же ответ — дестабилизация и дискредитация одаренных аристо. Мы бронебойное орудие, таран, который откроет путь во власть для всех жителей России.

Эти слова похожи на сказку для наивных мальчиков и девочек, какими мы были еще пару лет назад, а не на описание реальных целей и задач военно-политической организации. Я бы назвал Приют «террористической ячейкой», но за употребление этого выражения меня на неделю посадят в карцер. На первый раз.

Усилием воли прекращаю бесполезные размышления и возвращаюсь к плану вечерней операции. Она требует тщательного изучения локации, обязательной отработки действий на местности и расчета времени, необходимого на каждый этап, но я вынужден действовать иначе — наскоком.

Из десятка сценариев выбираю один, который предусматривает несколько вариантов отхода. Вывожу на экран карту, прорабатываю маршруты, точки закладки необходимого оборудования и размечаю временную шкалу.

Расчеты показывают, что схема вполне реальна. Даже скрыться успею. Но это абстрактные предположения. А на деле — пугающая неизвестность. Чистой воды авантюра.

Великий Князь Шувалов — самый сильный аристо Империи, и потому в вопросе обеспечения собственной безопасности полагается только на себя. Постоянная охрана у него появилась лишь после смерти первого сына и то — по приказу Императора.

Многочисленные видео визитов руководителя Тайной Канцелярии в различные присутственные места подтверждают его теоретическую уязвимость, но лишь теоретическую. Такая беспечность для разменявшего вторую сотню лет аристо выглядит подозрительно. На практике никто не применял магострел против Фиолетовых Магов, мне придется стать первопроходцем.

Я покидаю Темную комнату за пару часов до покушения, когда на Москву опускаются сумерки. Грим меняет меня до неузнаваемости, я

становлюсь неприметным русоволосым серым, щекастым и тонкогубым.

Одежда Послушника Разделенного Бога, разобранный магострел, альпинистское снаряжение и карты доступа в доходные дома на Тверской уже готовы и дожидаются меня у тайного выхода из Приюта через Храм Разделенного.

Напоследок захожу в свою комнату и окидываю ее прощальным взглядом. Затем иду в ванную и аккуратно снимаю настенный светильник. Достаю из узкой ниши в стене яркую жестяную коробочку из-под марципановых конфет. Теперь, в мои восемнадцать, она кажется маленькой и невесомой.

Открываю крышку и вижу сокровища, которые прятал на чердаке заброшенного дома, еще будучи уличным беспризорником. В вакуумном пакете лежит игра «Суперагенты-аристо» и прозрачная реплика Осколка на тонкой проволочной нити. Настоящие Осколки Кристаллов Силы украшают грудь всех одаренных цветных Империи.

На обратной стороне маленькой картонной коробки с игровыми картами, написано «Кодекс Агента». Все семь пунктов кодекса я помню наизусть и чту, хотя счастливое детство давно миновало.

Надеваю на шею Осколок и достаю из коробки потертые картонные карты. На них изображены суперагенты-аристо, красивые, высокородные и благородные. В детстве, голодая и дрожа от холода на улицах Москвы, я мечтал стать одним из них, чтобы бороться со злом, как Князь Гром или Князь Морок.

Теперь же высшие аристо Великих Родов — мои смертельные враги. Десять лет приютского воспитания запечатлели эту истину на подкорке, кажется, что ее не вытравить и не изменить никогда. Все одаренные аристократы — мировое зло, а мы — борцы с ним, призванные освободить народ Российской Империи от тяжкого ярма.

Повинуясь внезапному порыву, я выскакиваю в коридор и врываюсь в спальню Кота и Мангуста. Пацаны уже лежат в кроватях, они вздрагивают и смотрят на меня с испугом: после моей эскапады в столовой образ лучшего ученика и вечно смешливого балагура немного померк.

— Симпа?! — недоверчиво шепчет Мангуст и группируется в туго взведенную пружину.

— Вы же умеете хранить тайны? — заговорщицким тоном спрашиваю я и подмигиваю.

Две вихрастые головы кивают одновременно, и страх пропадает из детских глаз. Я разделяю

колоду игровых карт на две части и вручаю их ребятам. Они переводят непонимающие взгляды с карт на меня и молчат.

— Ты с нами прощаешься, Симпа? — спрашивает Кот, подозрительно прищурившись.

— Когда-нибудь и вы покинете Приют, — отвечаю я улыбаясь. — Передайте этих героев хорошим парням, таким же, как вы! Прощайте!

Стремительно разворачиваюсь и выхожу из спальни, чтобы не видеть, как на детские глаза наворачиваются слезы. В коридоре меня встречает Мина. Холодно смотрю на встревоженное лицо девушки. Моей девушки. Моей любимой девчонки, первой и, наверное, последней.

На сердце скребут кошки, но я не сжимаю ее в объятиях, не целую в губы и не несу на руках к кровати. Чем скорее она меня забудет, тем лучше.

— Мы уже попрощались и больше не увидимся, — деловито напоминаю Мине, с трудом удерживая покерфейс. — Я ухожу! Прощай, Инга, мы оба знали, что все закончится именно так!

— Я найду тебя, Саша! — заверяет она дрогнувшим голосом, сохраняя на лице ледяное спокойствие. — Не забывай меня, если останешься жив!

Пятое правило «Кодекса Агента» гласит: «Никогда не влюбляйся!».

Глава 4 — Испытание: первая попытка

Объектив прицела моего магострела искажает перспективу, лысая голова Князя Шувалова расплывается вширь и в оранжевом свете уличных фонарей походит на спелую тыкву. Остановившись на мраморных ступенях ресторана Националь, глава Тайной Канцелярии неспешно обозревает улицу. Его взгляд бесцельно блуждает по Тверской, фиксируя фигуры многочисленных прохожих. Неужели он чувствует угрозу?

Неожиданно Великий Князь поворачивается лицом ко мне. С высоты десяти этажей его ярко освещенная фигура кажется крошечным росчерком, затерявшимся среди строя дорических колонн, и являет собой великолепную мишень. Охранники на ступенях застыли черными статуями и вверх даже не смотрят — лишь контролируют подходы к драгоценной персоне.

Оглядываю практически пустое пространство, разделяющее шикарное здание гостиницы Националь и здание Думской Библиотеки, на крыше которой я разместился, и снова приникаю к при-

целу. Ловлю в перекрестье переносицу Великого Князя и вздрагиваю от удивления — Шувалов смотрит прямо на меня. Глядит без всякого страха и широко улыбается.

Как загипнотизированный, смотрю в такие же, как у меня фиолетовые глаза старика и медлю. Взгляд Князя притягивает и завораживает, он явно чувствует исходящую от меня угрозу, но прятаться не пытается. Шувалов либо не боится смертоносной пули моего магострела, либо уверен, что я не выстрелю.

Глава Великого Рода подмигивает, его глаза вспыхивают двумя яркими сапфирами, а тело окутывает мерцающий фиолетовый Покров. Я прижимаю к плечу приклад, но выстрелить не успеваю — окружающая реальность взрывается.

По ушам бьет тяжелый рокот, воздух превращается в вязкий, отдающий синевой кисель, и в меня летит фиолетовый магошар. Течение времени замедляется, слепящий сгусток огня плавно перемещается по воздуху, я бросаю в него магострел и ничком падаю на крышу. Раздается взрыв, горячий поток сносит декоративное ограждение, и чугунные обломки, вращаясь в воздухе, проплывают над головой. Взрывная волна вжимает меня в нагревшийся металл и тащит вверх по

покатой крыше. Мой рот открывается в немом крике, я цепляюсь за ржавую жесть ногтями, но в долю секунды оказываюсь на самой вершине.

Удар о кирпичный вентиляционный колодец вышибает из меня дух, я беззвучно открываю рот, как рыба, вытащенная из воды, но не могу ни вдохнуть, ни выдохнуть. Воздух становится еще плотнее, и моя роба послушника Разделенного Бога начинает потрескивать и светиться в вечерней тьме. Не в силах пошевелиться от страха и удивления, наблюдаю за разворачивающимся на площади действом.

Шувалов совершает резкие пассы руками, и после каждого жеста в пространстве перед ним зависает широкая фиолетовая ступень. Первая, вторая, третья… Каждый следующий светящийся прямоугольник появляется выше предыдущего и ближе ко мне. По ступеням бегут охранники, их черные силуэты отчетливо видны в мерцающем от щедро разлитой магии воздухе, а направление движения не вызывает сомнения — через секунду они окажутся рядом со мной.

Меня практически парализует от осознания неизбежной смерти, и неожиданно мир выгорает. Цвета исчезают, окружающая картинка становится черно-белой, а грудь заливает горячая

боль. Я оттягиваю горловину рясы, заглядываю под нее и вижу, что реплика Осколка сияет ярким белым светом.

Удар первого охранника в голову застает меня врасплох — он слишком быстр на фоне замедлившегося течения времени. Я инстинктивно уклоняюсь, и облаченный в черную перчатку кулак врезается в кирпичную стену за моей спиной.

Делаю подсечку, и мужик валится на крышу. Вскакиваю на ноги и встречаю второго прямым хуком слева. Он уходит вправо, нарывается пахом на мое колено и, охая, сгибается пополам. Добиваю снизу в лицо, охранника подбрасывает высоко вверх, будто он ничего не весит, а затем недвижимое тело падает в паре метров от меня.

Очухавшись, первый нападает на меня со спины. Я не вижу, а чувствую это. Верчусь вокруг своей оси и пробиваю ему ребром правой ладони в шею. Здоровяк охает, выпячивает глаза от удивления и боли, и его резко отбрасывает в сторону. Он кубарем летит на ржавый металл, медленно скользит вниз, и по ушам бьет скрежет плохо смазанных шестеренок.

Оборачиваюсь и вижу еще двоих. Их движения замедлены, а жесты неестественно плавны.

Создается полное впечатление, что мы находимся под водой. Несколько мгновений парни удивленно таращатся на тела поверженных товарищей, затем бросаются в атаку, явно разыгрывая заготовленную и хорошо отрепетированную комбинацию. Охранники берут меня в клещи и нападают синхронно, но либо они слишком медлительны, либо я слишком быстр.

Иду им навстречу сквозь ставшим очень густым воздух. Ловлю кулак левого раскрытой ладонью, другой рукой дергаю его на себя и пробиваю ногой в солнышко. Мужика разворачивает вокруг своей оси, я слышу противный хруст в его плечевом суставе, и пространство оглашает рокочущий вопль. Отпускаю руку страдальца, и его туша с протяжным грохотом валится на спину.

Второй замирает, затем пятится и смотрит на меня оценивающе и удивленно одновременно. Улыбаюсь ему и делаю шаг навстречу. В глазах парня плещется страх. Он разворачивается, явно намереваясь бежать с поля боя, но в этот момент на крышу запрыгивают еще несколько мордоворотов. Они облачены в тяжелую армейскую броню.

Мне не одолеть семерых профессионалов стразу, а если у них есть стволы…

Тьма меня раздери! Два тщательно продуманных плана отступления рассыпаются прахом, остается лишь третий, такой же самоубийственный, как и само покушение. Сбрасываю оцепенение, разворачиваюсь, хватаюсь руками за край вентиляционной шахты и запрыгиваю на нее неожиданно легко.

Бегу прочь от Тверской настолько быстро, насколько могу. Справа внизу — Охотный ряд, слева — менее пафосные строения. Останавливаюсь на краю, едва не потеряв равновесие, и, ведомый инерцией, прыгаю на крышу. За спиной раздается грохот шагов моих преследователей и отрывистые распоряжения их командира, разобрать которые невозможно.

Не оборачиваюсь и продолжаю сумасшедший бег, надеясь на чудо. Шестым чувством ощущаю опасность и на полном ходу совершаю кувырок вперед. Над головой проносится светящееся лассо, а спину пронзает боль — в отличие от тренировочных залов, на поверхности крыши нет мягких матов.

Вскакиваю на ноги и несусь дальше, петляя как заяц. Мимо проплывают мерцающие сгустки энергии — в меня бьют парализующими. Замираю на краю крыши — следующая в трех или

четырех метрах ниже. Секундное колебание, и я прыгаю вниз. Группируюсь, ожидая травм обеих ног, но приземляюсь легко, будто с метровой высоты.

Это очень странно, но удивляться и размышлять некогда — я просто бросаюсь вперед. Сзади раздаются тяжелые удары — на тонкий металл приземляются охранники в армированной броне. Заветная цель уже близко — тусклый маячок закрепленного на коньке троса призывно мигает в темноте.

Последние метры преодолеваю одним прыжком, хватаю рукоять карабина правой рукой, отпускаю затвор и лечу через пропасть между домами спиной вперед. Поднимаю левый кулак и показываю охранникам Великого Князя поднятый к небу средний палец.

Бег времени стремительно ускоряется, черно-белая картинка вновь обретает цвета, и переполняющая меня неведомая сила улетучивается без остатка.

Разбиваю стекло спиной, оно разлетается градом осколков, и я вваливаюсь в апартаменты Рода Головиных. Крепление размыкается, и добежавшие до него охранники замирают у края. Их возмущенная брань слышна даже через улицу.

Спускаться через подъезд нельзя, на входе меня наверняка будут ждать. Бросаюсь к противоположному окну, распахиваю ставни и смотрю вниз, на густые деревья в закрытом дворе Дома Троекурова.

Запоздало ощущаю обжигающе тепло на груди и прижимаю ладонь к осколку. Он уже не светится, но припекает даже сквозь толстую ткань робы. Цепляю трос за батарею, закрепляю карабин и замираю от ощущения взгляда, направленного в спину. Оборачиваюсь.

В нескольких шагах позади меня стоит Великий Князь Игорь Всеволодович Шувалов. Порываюсь выпрыгнуть из окна, но натыкаюсь на силовое поле. Похожая на голограмму фиолетовая плоскость надежно закрывает единственный путь к спасению.

— Браво, юноша! — Шувалов медленно хлопает в ладоши. — Заставил старика бегать по крышам, и это в моем-то возрасте!

Фиолетовые глаза все еще светятся, но окутывающий тело Князя Покров уже отключен. Великий Князь даже не вспотел, а я дышу словно бегун-марафонец и морщусь от боли в самых неожиданных местах. Нужно было стрелять в него, не раздумывая, но прежде я никогда не

убивал людей!

— Прошу прощения, Ваше Высочество, в следующий раз буду действовать без колебаний, — говорю я и нагло улыбаюсь.

Шувалов может уничтожить меня небольшим усилием воли, но страха нет. Он отступил перед неизбежностью смерти.

— Иногда нерешительность может спасти жизнь, не говоря уже о безгрешной душе, — назидательно заявляет Великий Князь и сухо улыбается. — Предлагаю присесть и немного поговорить!

Не дожидаясь моего ответа, Шувалов поворачивается ко мне спиной и направляется в угол гостиной, где расположился колченогий чайный столик и два кресла. Возникает непреодолимое искушение напасть на аристо и закончить задание одним ударом.

Отбрасываю неуместную мысль, потому что не хочу становиться героем посмертно. Да и исход этой атаки вызывает большие сомнения. Память услужливо подбрасывает седьмое и главное правило «Кодекса Агента»: «Выживи любой ценой!».

Приходит понимание, что Князь меня провоцирует. Проверяет. Поведу ли я себя как загнанная в угол крыса. Подавляю самоубийственное жела-

ние напасть на Шувалова со спины и принимаю предложение.

Старый франт сидит в кресле, закинув ногу на ногу и смотрит на меня, как матерый кот на мышонка. В грязной изодранной робе послушника я выгляжу сущим оборванцем, недостойным внимания высшего цветного аристо.

— Ты действовал достаточно профессионально, — произносит старик с явным одобрением. — Поддерживаю выбор образа и маршрута, ты попался под объективы камер всего пару раз, а капюшон частично скрыл лицо…

— Но?! — нетерпеливо уточняю я, прерывая ненавистные мне пустые похвалы.

— Но меня невозможно убить доступным тебе оружием и доступными тебе способами!

— Задание заранее было обречено на провал? — спрашиваю я, прекрасно зная ответ.

— Смотря, что считать провалом, — Князь усмехается. — Желторотого асассина посылают убить Главу Великого Рода, уже разменявшего сотню лет! Не нужно в совершенстве знать теорию вероятности, чтобы предсказать имя жертвы!

— Желторотого асассина можно отправить в небытие гораздо проще и эффективнее, это не может быть главной целью, разве что — второ-

степенной! — отвечаю я, скорее оправдываясь, нежели защищая честь Приютского мундира.

— Возможно, твои наставники хотели убить двух зайцев сразу, — Шувалов пожимает плечами, и на идеально сидящем фиолетовом пиджаке появляются складки. — Мог бы и представиться, проявить уважение к возрасту!

Ирония в каждой фразе. Или сарказм. До откровенных издевок Великий Князь еще не дошел, это оружие пока в резерве. Старик ведет диалог практически так же, как я. Ловлю себя на мысли, что вопреки здравому смыслу во мне просыпается интерес к его личности.

— Иван Федорович Крузенштерн, человек и пароход, — заявляю я с кривой ухмылкой на губах и склоняю голову. — Зачем задавать вопрос, ответ на который не даст ничего?

— Ну почему же?! — возражает Шувалов. — Иногда форма важнее содержания, Иван Федорович!

Вот же старый прохвост! Смотрю в ироничный прищур светящихся глаз и совершаю глупость. Очередную глупость, достойную неопытного юнца. Я говорю правду.

— Александр, — представляюсь я. — Я сирота, и фамилия не скажет вам ничего, к тому же вряд ли она настоящая.

— Игорь Всеволодович, — представляется в ответ старик и протягивает руку. — Приятно умирать, зная имя собственного убийцы!

Двусмысленность фразы настораживает, учитывая, что сейчас убийцей из нас двоих может стать только старый Князь. Жму сильную жилистую ладонь и вижу озорные искры в глубине фиолетовых глаз.

— Вернемся же к целям и задачам, а также к причинно-следственным связям, их объединяющим, — говорит Шувалов уже серьезно, без тени сарказма.

Он достает из кармана стопку фотографий и веером раскладывает их на столе. Моя спина мгновенно покрывается холодным потом — я вижу мертвые, окровавленные лица выпускников Приюта. Некоторые изуродованы почти до неузнаваемости. Их посмертные фото я перебираю в молчании.

— Думаю, что здесь все за последние два года?!

В утверждении Шувалова содержится вопрос, и я отрицательно качаю головой.

— Ах да, одну симпатичную леди запечатлеть не удалось, потому что устроенный ей взрыв разметал тело на мелкие кусочки…

Я не удивлен и не испуган, скорее огорчен,

потому что получил подтверждение своим самым мрачным догадкам. Шувалов пристально смотрит на меня, не отводя взгляд, и пытается считать реакцию. Искреннюю и правдивую, а не сыгранную.

— Все их жертвы живы? — спрашиваю я и откидываюсь на спинку неудобного кресла, придавая позе расслабленность и подчеркивая отсутствие агрессивных намерений.

— Не все! — на этот раз качает головой Шувалов. — О некоторых убитых ты читал в газетах!

— Мое фото пополнит коллекцию уже сегодня? — я высказываю очевидное предположение спокойно, стараясь скрыть отчаяние.

— А это целиком и полностью зависит от тебя…

— Вот все и скатилось к привычной банальности, и вы предлагаете мне сделку?! — я криво улыбаюсь и подаюсь вперед. — Жизнь в обмен на информацию?

— Отнюдь! — Шувалов наклоняется и сгребает фотографии со стола. — Я предлагаю тебе подумать о будущем. О собственном будущем. О справедливости целей, которые вам декларируют. Об истинных задачах вашей организации. И о ее тайных покровителях.

— Наш разговор призван пробудить во мне спящее до этого момента критическое мышление? — зло спрашиваю я, игнорируя риск. — Или сподвигнуть к философским рассуждениям о природе власти?

— Мне импонируют твой острый ум и юношеская горячность! — Шувалов подмигивает и снова широко улыбается. — Просто поразмысли на досуге, пока будешь готовиться к следующим покушениям!

— К следующим покушениям?! — недоуменно спрашиваю я.

— Назовем это еще одной бесплодной попыткой меня убить — тогда и поговорим! — выражение лица Шувалова становится жестким, а глаза вновь начинают сиять чистой Силой.

— А если я расскажу о нашей беседе в Приюте?

— Тогда от тебя даже фото не останется…

— Вы мне угрожаете?

— Почему ты думаешь, что угроза исходит от меня? — старик многозначительно улыбается. — Тебе уже восемнадцать, а ты все еще делишь мир на Свет и Тьму…

— Вы намекаете на то, что меня уничтожат свои же?

— Я лишь даю тебе пищу для размышлений, а

выводы делай сам! — Шувалов встает с кресла, наклоняется и неожиданно быстрым, неуловимым движением ерошит волосы на моей голове. — Твое время истекло, беги!

— К-куда?

— Не знаю, у тебя же был какой-то план?! — Великий Князь подчеркнуто равнодушно пожимает плечами. — Даю тебе пять секунд!

Старик точно не шутит: его брови насуплены, губы сжаты, а на скулах обозначились желваки. Я бросаю отчаянный взгляд в окно и вижу, что путь свободен — фиолетовый щит исчез. Вскакиваю с кресла и бросаюсь к открытому проему. Оборачиваюсь. Шувалов наблюдает за мной, скрестив руки на груди, а его губы ведут обратный отсчет.

Хватаю карабин левой рукой, правую прикладываю к несуществующей фуражке и прыгаю с седьмого этажа спиной вперед.

Я понимаю, что карабин соскочил с троса в первое же мгновение — по отвесной траектории собственного падения.

Глава 5 — Неожиданное спасение

Я прихожу в себя и понимаю, что полностью обнажен и лежу на влажной траве. Надо мной склонилась высокая, стройная девушка. У нее длинные каштановые волосы, смуглая кожа и темно-зеленые глаза. Она выглядит так, будто сошла со страниц модного журнала, и ее совершенный образ не портит даже черная военная форма. Я где-то видел этот точеный абрис лица…

Девушка касается пальчиками моей шеи и проверяет пульс, а затем медленно ведет ими по груди, чертя какой-то замысловатый узор. Переходит на правую руку, потом касается живота. Я чувствую, как к щекам приливает кровь. И не только к щекам.

— Ваши раны и переломы зажили, вы полностью здоровы! — говорит девушка с легкой полуулыбкой.

Нежные пальчики заканчивают интригующее путешествие по моему торсу где-то в районе лобка.

— Говорить не пытайтесь, как, впрочем, и дви-

гаться — вы в стазисе, — она улыбается и смотрит на мою восставшую плоть. — Но стазис блокирует только мышцы!

Пытаюсь сесть, согнув ноги в коленях, и понимаю, что незнакомка права — я обездвижен.

— Подумайте о чем-нибудь неприятном! Право же, будет очень неловко, если мой брат станет свидетелем вашего… состояния, — девушка вскидывает брови и косится на мой пах. — Не смущайтесь, у мужчин это стандартный побочный эффект после целительных процедур, а я влила в вас немало Силы!

Стыд и возбуждение, видимо, превратили мое лицо в пылающую маску. Отвожу взгляд от огромных зеленых глаз и пытаюсь направить мысли в не связанное с сексом русло. Я точно ее где-то видел, но даже предположить не могу — кто она!

— Сестра, ты не слишком увлеклась? — звучит насмешливый мужской голос из-за спины, и в поле зрения появляется Цесаревич собственной персоной.

Он широко улыбается, снимает черный китель и набрасывает мне на бедра. В таких же зеленых, как у моей спасительницы глазах пляшут озорные искорки. Меня бросает в холодный пот, я со страхом жду узнавания и расплаты.

Шувалов почему-то меня не убил и даже не преследует, а спасли Алексей и Наталья Романовы — наследники Императорского Дома! Так бывает только в кино и бульварных романах, но не в реальной жизни!

— А ты неплохо развит для послушника! — Цесаревич подмигивает и приседает на корточки подле меня. — И я вижу, что моя сестрица тебе очень нравится!

— Алексей! — восклицает девушка, недовольно фыркает, и на ее лице проявляется недовольство. — Можешь хотя бы минуту прожить без своих пошлых шуточек? Они не красят особу императорских кровей!

— Натали, я бы на твоем месте прислушался к брату и обратил более пристальное внимание на этого юношу, учитывая некоторые выдающиеся особенности его анатомии! — Алексей снова подмигивает, его глаза на мгновение вспыхивают, и мое оцепенение пропадает.

— Спасибо за китель! — благодарю я и подмигиваю в ответ.

— Ваше Императорское Высочество! — с укором заканчивает за меня Наталья. — Вы фамильярничаете, молодой человек!

— Александр, — вежливо представляюсь я, за-

тем сажусь и добавляю. — Ваше Императорское Высочество!

— Алексей Николаевич, — представляется Цесаревич и протягивает руку. — Давайте обойдемся без чинов и званий!

Принимаю помощь, и правую ладонь сдавливают тиски. Парень буквально вздергивает меня на ноги, и я едва успеваю удержать на поясе спасительный китель. Мгновенно наваливается слабость, ноги подгибаются, и Его Высочество удерживает меня от падения, сдавив плечи в железной хватке.

— Наталья?! — Алексей повелительно смотрит на девушку, ее глаза вспыхивают ярким зеленым цветом, и я ощущаю, как в меня вливаются потоки энергии.

Слабость отступает, Цесаревич освобождает меня от стальных объятий и дружески хлопает по плечу.

— Благодарю вас, Наталья Николаевна! — говорю я и склоняю голову. — Благодарю за то, что вытащили меня из Оков Тьмы!

— И это все? — гневно вопрошает девушка. — Лишь дежурная фраза про Оковы Тьмы? Китель моего брата, прикрывший ваши драгоценные чресла, стоит большего?

Смотрю в широко распахнутые зеленые глаза и читаю в них искреннее возмущение. Делаю шаг вперед, становлюсь на колено, мягко беру девушку за руку и легко касаюсь ее губами. Отмечаю движение на периферии зрения, меня грубо хватают за плечи крепкие мужские руки и мгновенно впечатывают лицом в густую траву.

— Отпустите его! — повелевает Цесаревич, и меня снова поднимают на ноги.

Слева и справа чуть позади стоят бойцы в армированной броне. Они застыли безмолвными статуями, но все еще держат меня за плечи.

Императорские отпрыски внимательно на меня сморят. Цесаревич — с явной иронией, а его сестра — в легком замешательстве. Они похожи как две капли воды — только сейчас вспоминаю, что они близнецы.

— Вы все же не безнадежны! — прерывает паузу Цесаревич, удовлетворенно кивает и переводит взгляд на охранников. — Принесите молодому человеку брюки и проводите его к выходу!

— Нет, я должна убедиться, что с ним все хорошо! — возражает Наталья и жестом останавливает охрану. — Александр воспользуется твоей формой для самбо и поедет с нами — сегодня мы за него в ответе!

— Дорогая моя, ты меня удивляешь: неужели красота этого юноши вскружила тебе голову?! — сухо вопрошает Алексей и с недоумением смотрит на сестру.

— Я его вылечила и должна убедиться, что с парнем все в порядке! — оправдывается Наталья.

— Раненого питомца подобрала с большим чл…

— А ты завидуешь?! — зло прерывает брата Наталья.

Выражение лица Алексея резко меняется, торжествующая улыбка уступает место недовольной гримасе, и он пристально смотрит в глаза сестры.

— Ладно, подвезем святошу — должен же я проявить мужскую солидарность! — Цесаревич пожимает плечами и решительно направляется прочь.

— Ваше Высочество! — обращается к нему один из сопровождающих нас солдат. — Это противоречит протоколам безопасности, парень может представлять собой угрозу…

— Угрозу?! — переспрашивает Наследник Престола, останавливается и резко оборачивается. — Чем он может нам угрожать? Бросится в атаку с елдой наперевес? Вы в своем уме, господин

Бестужев?

— На Тверской у Тайной Канцелярии какая-то заваруха…

— Для Князя Шувалова это обычный скучный день! — перебивает Бестужева Цесаревич.

— Но мы не знаем всех обстоятельств появления парня, возможно, он завербован Темными…

— Обстоятельств появления? — недоуменно спрашивает Цесаревич, вскинув брови. — На седьмом этаже — апартаменты княгини Головиной, тихое гнездышко, в которое она тащит всех своих юных любовников! Потом туда неожиданно является муж, и они продолжают утехи уже втроем! Некоторые жертвы отказываются быть частью любовного трио и бегут! Признайтесь, друг мой, я прав? Обещаю, что этот секрет останется между нами и не дойдет до ушей вашего настоятеля!

— Да, Ваше Императорское Высочество! — дрожащим голосом подтверждаю я и мелко киваю, пряча глаза.

— Дорогой братец, а откуда взялись знания столь интимных подробностей? — язвительно спрашивает Наталья. — Неужто на основе личного опыта?

— Эта старая грымза не в моем вкусе! — Цесаревич фыркает и обращается ко мне. — Куда вас

подбросить?

Я открываю рот, чтобы отказаться, и замолкаю на полуслове. После покушения на Шувалова район наверняка оцеплен, и без документов и рабочей легенды я отсюда не выберусь. Ехать в главный Храм Разделенного тоже нельзя, я не имею право привести в Приют хвост…

— На Пречистенскую Набережную! — отвечает за меня Наталья и кивает на мою валяющуюся на траве разорванную церковную робу, точнее, на вышитый на ней семицветный силуэт Храма.

— Ваше Высочество, это небезопасно! — повторяет охранник.

— Господин Бестужев, давайте оставим этот пустой спор, иначе я начну думать, что вы руководите моей охраной лишь благодаря протекции вашего дяди! — прерывает несчастного Цесаревич, и его голос, прежде игривый и ироничный, отдает металлом.

— Слушаюсь, Ваше Императорское Высочество! — торопливо отвечает Бестужев, вытягивается в струнку и покорно кивает.

Я жалею, что не вижу за пласталью боевого шлема выражение его испуганного лица, но ирония Алексея компенсирует все. На мгновение он задерживает взгляд на моей скромной персоне,

щурит зеленые глаза, пытаясь припомнить, где мог видеть мое лицо, а затем направляется к стоящим поодаль автомобилям.

Стоянку охраняет десяток солдат в активированной броне. Мигающие на шлемах красные сигнальные огоньки свидетельствуют о максимальном уровне усиления и защиты. Мы с Натальей следуем за Цесаревичем к шикарному представительскому Руссо-Балту. Рядом с угловатыми джипами охраны огромный седан кажется изящным поджарым хищником.

— Не побрезгуете?! — Алексей открывает багажник и бросает красноречивый взгляд на пакет с черной формой.

— Благодарю вас! — отвечаю я, возвращаю китель и облачаюсь в тренировочный костюм.

— Не соблаговолите ли поухаживать за девушкой и открыть дверь? — невинно интересуется Наталья Николаевна и вскидывает бровь.

Гляжу в изумрудные глаза с откровенным подобострастием и торопливо распахиваю дверцу.

— Милости прошу! — с легкой усмешкой говорит Цесаревич, протягивает руку сестре и помогает ей забраться на заднее пассажирское сидение. — А вы усаживайтесь впереди и пристегивайтесь, поедем мы быстро!

— Мне нужно контролировать состояние молодого человека, пусть сядет рядом со мной! — говорит Наталья и бросает на брата испепеляющий взгляд.

Алексей молча кивает и занимает кресло водителя.

Наталья двигается в глубь салона, я плюхаюсь рядом и поправляю короткие шорты. Затем защелкиваю замок ремня безопасности и вздрагиваю от неожиданности — Наталья кладет голову мне на плечо. Девушка специально дразнит брата, используя меня.

Алексей наблюдает за нами, глядя в зеркало на лобовом стекле. На его лице застыла кривая улыбка, он похож на порочного херувима с фресок Рублева. Цесаревич оценил ход сестры и, видимо, обдумывает свой.

Наследникам короны явно доставляет удовольствие представление для публики в лице меня, а мне претит быть пешкой в подобных игрищах. Я предпочел бы находиться как можно дальше от этих испорченных властью аристо, но деваться некуда.

Наконец, Цесаревич удовлетворенно кивает и нажимает кнопку на панели управления.

— Господин Бестужев, вышлите вперед па-

ру машин и предупредите, что поеду быстро! — привычно приказывает он, озорно глядя на собственное отражение в лобовом стекле.

Проводив нетерпеливым взглядом пару отъезжающих джипов, Алексей нажимает на газ, и Руссо-Балт срывается с места. Двигатель под огромным капотом ревет и передает на корпус мощную вибрацию, но звукоизоляция великолепна. В салоне можно общаться, не повышая голоса, только мне не до разговоров. Наши с Натальей тела разделяет лишь тонкая ткань одежды, и я с трудом контролирую нарастающее возбуждение.

— Рассказывайте, мой друг, — мягко произносит Алексей и отключает связь. — Как послушник Разделенного, которому на роду написано воздержание, дошел до жизни такой? Сначала объятия княгини, затем — Наследницы Царского Рода? Надеюсь, наша Матушка-Императрица в безопасности?

Наталья вздрагивает, будто от удара, на мгновение отстраняется от меня, а затем демонстративно прижимается еще сильнее. Мое лицо становится пунцовым, и слова оправдания застревают в горле.

— Ваше Высочество, я искренне сожалею о случившемся и обещаю, что впредь…

— Я же просил — без чинов и званий! — прерывает меня Цесаревич и хмурится. — Выбирая между сексом с графиней и прыжком с седьмого этажа, я бы точно выбрал второе! Но меня не интересует интимная жизнь послушников Церкви Разделенного! Расскажите лучше о ваших чудесных серых глазах, к которым прилагается Осколок одаренного у вас на груди!

Тьма меня раздери, я напрочь о нем забыл!

— Глаза от родителей, но я сирота, и никогда их не видел, — отвечаю дрогнувшим голосом, обильно сдобрив его подобострастием и страхом. — А камень — простая бижутерия, подарок княгини Головиной, она возжелала видеть в постели аристо…

— Как интересно! — язвит Алексей и ухмыляется. — Скучно же я живу!

— Завидуешь, братец?! — Наталья лукаво улыбается и кладет руку мне на бедро.

— Не паясничай! — гневно восклицает Алексей, закладывает крутой вираж и обгоняет передние джипы.

Выдержка ему изменяет, и Наталья победно улыбается, не в силах скрыть торжество.

— Ведите себя прилично, как подобает послушнику! — произносит Алексей, оборачиваясь и

глядя на ладонь Натальи на моем бедре. — И не уподобляйтесь моей легкомысленной сестрице!

Он осуждающе качает головой и резко тормозит. Наша процессия остановилась перед двумя рядами оцепления. В первой шеренге стоят военные в активированной броне, а во второй — одаренные службисты в штатском.

Алексей глядит на меня. Проницательный взгляд темно-зеленых глаз буквально впечатывает меня в кресло, и я вижу разгорающийся в них огонь. Радужки светятся двумя огромными изумрудами, мне хочется спрятаться от этого сияния, отвернуться, но я не могу и продолжаю смотреть на Цесаревича как удав на кролика.

В оцеплении появляется брешь, и машины сопровождения начинают движение. Руссо-Балт следует за джипами, на этот раз мы трогаемся с места плавно. Цесаревич отворачивается, отрешенно смотрит в вечернюю тьму и нервно покусывает губы. Они шевелятся беззвучно — Алексей явно о чем-то размышляет.

— Сероглазый Послушник Разделенного Бога с Осколком на шее, выпадающий из апартаментов княгини Головиной в объятия Наследницы Царского Престола! — Цесаревич улыбается и смотрит на меня в зеркало. — Я вам завидую!

Даже у храмового послушника свободы больше, чем у меня — будущего Императора!

— Приношу извинения за доставленные вам неудобства и еще раз благодарю за спасение моей грешной души! — отвечаю я и молю Разделенного, чтобы Цесаревич меня не узнал.

— Сестрица спасла ваше тело, но не душу! — возражает он и поднимает правую ладонь. — Мы оба знаем, о чем вы будете думать сегодня ночью в вашей келье!

— Ваши пошлые намеки переходят все границы! — восклицает Наталья и убирает руку с моего бедра.

— Главное, что они действенны! — произносит Алексей, проследив взглядом за жестом сестры, затем добродушно хмыкает и сжимает полные губы в тонкую линию.

— Мы приближаемся к Храму, — звучит хриплый голос из рации.

— Остановитесь перед мостом, я — за вами, замыкающие прикройте нас сзади! — не терпящим возражения тоном произносит Цесаревич и отключает связь.

Лимузин резко ускоряется и нас вжимает в мягкий нубук анатомических кресел. Впереди возникает подсвеченная белоснежная громада

Храма и семь его цветных куполов. Машины сопровождения замедляются, и мы пристраиваемся за ними. Пассажирская дверь бесшумно поднимается, и Алексей уверенными движениями тонких и изящных, как у пианиста пальцев отключает систему безопасности. Он поворачивается ко мне, и суровое выражение его лица резко меняется. На нем возникает ослепительная белозубая улыбка, а зеленые глаза начинают лучиться искренней добротой.

— Удачи вам, ммм…

— Александр, — услужливо подсказываю я.

— Удачи вам, Александр! Надеюсь, настоятель оценит ваше новое одеяние! — Цесаревич крепко сжимает мою ладонь, внимательно рассматривая лицо. — Готов поклясться, что уже встречал вас, но не могу припомнить, где…

— Может быть, вы пересекались в гостиной графини Головиной? — спрашивает Наталья, невинно хлопая длинными густыми ресницами.

— Дорогая сестрица, мне кажется, что в объятиях соблазнительного кавалера ваше кровообращение слегка нарушилось, что вызвало отток крови от мозга! — с иронией отвечает Алексей, картинно выгнув бровь, разрывает рукопожатие и нежно проводит тыльной стороной ладони по

щеке Натальи. — Ланиты порозовели, и дыхание сбилось!

— Он мне не кавалер! — восклицает Наталья и, резко отстранившись от длани брата, ретируется из машины.

Я следую ее примеру, не мешкая ни секунды, и уже снаружи сталкиваюсь со взбешенным взглядом особы царских кровей. Она молча смотрит на меня, прищурив глаза. Смотрит до тех пор, пока из машины не раздается раздраженный голос Цесаревича.

— Дорогая, ты решила заглянуть на исповедь в келью этого послушника?

— Прощайте, Александр, надеюсь, что полностью излечила ваши травмы! — тихо произносит она.

— Я бесконечно благодарен Цесаревичу, а вам — обязан жизнью! — отвечаю, склонив голову, и ничуть не кривлю душой.

— Простите, что разорвала рясу и раздела вас — мне нужно было осмотреть раны, — извиняется Наталья. — И за неподобающее поведение простите, это наша с братом вечная словесная дуэль, вы здесь ни при чем!

Наталья разворачивается, садится в машину, и кавалькада трогается с места. Чудовищное

напряжение, наконец, отпускает. Я благодарю Разделенного за то, что на узкой набережной нет случайных свидетелей, спускаюсь под мост к Москве-реке и бесшумно прыгаю в воду.

Интуиция подсказывает, что мое возвращение в Приют произведет фурор, потому что его никто не ждет: будущего вольного агента Симпу уже списали со счетов.

Они забыли седьмое правило Кодекса Агента: «Выживи любой ценой!».

Глава 6 — Бесполезная рефлексия

Боевая тренировка в полном разгаре, я сражаюсь против троих друзей сразу. Наши интерактивные костюмы мокры от пота и светятся в местах виртуальных ранений. Карась и Цаца движутся технично, будто репетируя танцевальные па, а Мина сражается хаотично и агрессивно, не стесняясь проявления эмоций. Видимо, мстит за то, что заставил ее провести прошлую ночь в одиночестве.

Уже в который раз я пытаюсь ускориться, чтобы восприятие времени изменилось, как в момент сражения с охранниками Шувалова, но ничего не выходит — мир не становится черно-белым, а Осколок на груди холоден. Симпа остается лучшим бойцом Приюта, но лучшим среди равных и не более того.

Руки и ноги движутся в автоматическом ритме, в зависимости от действий противников мозг сам выбирает оптимальный паттерн, оставляя время для тяжких дум. Я сражаюсь в учебном бою, но вместо лиц живых друзей вижу фотографии мерт-

вых. Я пытаюсь спрятаться от мыслей, которые заполняют разум после вчерашнего неудавшегося покушения, но сделать это не удается.

Мне не дает покоя взгляд Шувалова. Что он увидел во мне или кого? Почему отпустил, а не бросил в застенки Тайной Канцелярии и не выпытал нужные ответы? Что произошло со мной там, на крыше? Как я смог ускориться до немыслимых пределов и разбросать профессиональную охрану Шувалова, словно малолеток? Почему реплика Осколка на моей груди светилась и обжигала кожу?

На мгновение возвращаюсь в реальность, уклоняюсь от обманной атаки Карася, блокирую удар Мины и сталкиваю их с Цацей. Два быстрых колющих выпада, виртуальные клинки в моих руках вспыхивают, и на костюмах девочек загораются новые «раны». На этот раз смертельные.

Оставшись один на один, Карась пятится к стене, а затем бросается в атаку напролом — видимо, ему наскучил бесконечный танец с оружием в руках. Уклоняюсь, бью в открывшийся правый бок парня и ощущаю мощную вибрацию — светящееся лезвие «поразило» его печень.

Звучит сигнал гонга — электронная система имитации боя останавливает тренировку. Я

победил. Оседаю на пол и прислоняюсь к стене — только сейчас понимаю, что дыхание сбилось, и мне отчаянно не хватает воздуха. Лица друзей мокры от пота и бледны от усталости — сегодня я их загонял. Карась, Цаца и Мина с обеспокоенными вытянувшимися лицами стоят передо мной полукругом и молча смотрят на меня сверху вниз.

— Эй! — громко кричу я и отираю пот со лба. — У нас траур? Кто-то умер?

— Дурацкая шутка! — раздраженно бросает Мина. — Шеф еще не вызывал?

— Нет, — я пожимаю плечами, пряча за деланной беспечностью тревогу. — Не звонил даже.

— В новостях только об убитом Темном и говорят, — бросает пробный шар Цаца, внимательно наблюдая за моей реакцией, — но почему-то его не показывают…

Конечно, Тьма меня забери, ведь он не Темный, не убит и сидит прямо перед вами, хочу сказать я, но сдерживаюсь, ибо тщеславие — самый тяжкий из грехов после обсуждения деталей Испытания.

— Не знаю, как вы, а я хочу в душ! — говорю я и поднимаюсь на ноги. — Вы проиграли, друзья — с вас по десерту!

— Симпа, нам уже не по десять лет, чтобы пи-

рожными расплачиваться! — произносит Карась подозрительно сладким голосом и косится на Мину с Цацей. — Мог бы потребовать прощальную оргию!

— Ни за что! — заявляю я с ухмылкой и направляюсь к выходу из зала. — Не готов оказаться в одной постели с тобой даже в компании наших очаровательных дам!

— Тогда тебя из списка участников вычеркиваем! — кричит мне вслед Карась и натужно смеется.

После изнуряющей тренировки нет ничего прекраснее, чем оказаться в собственной ванной под горячим душем. Я наслаждаюсь обжигающими струями и тщетно пытаюсь выбросить из головы мысли о Приюте, цели его существования и судьбе выпускников. Слепая вера в неуязвимость приютских сыграла со мной злую шутку: возможность их поголовного уничтожения я даже не рассматривал.

Статистически нас не мог и не может сопровождать стопроцентный успех. Мой провал — яркое тому подтверждение, но уничтожение всех до единого — полный нонсенс. Если, конечно, задания хотя бы теоретически выполнимы.

Я стал свидетелем уже девяти выпусков, а При-

ют был основан задолго до моего в нем появления. Значит, спецслужбы Империи либо не обладают всей полнотой информации, либо сознательно держат нас под колпаком.

Короткий разговор с Великим Князем не выходит из памяти. Я не понимаю, зачем он меня отпустил. Даже предположить не могу. На вербовку похоже не очень. На попытку проследить за мной и установить местонахождение Приюта — тоже. Шувалов или его подручные при желании выпытали бы из меня все данные о нашей богадельне за полчаса, максимум — за час.

Мои размышления прерывает Мина. Она молча сбрасывает костюм, заходит в душевую кабину и прижимается ко мне сзади. Сильные гибкие пальцы ласкают мою шею, затем скользят по плечам, переходят на пресс и перемещаются ниже.

Губы девушки впиваются в кожу между лопаток и медленно опускаются по спине. Вереница поцелуев останавливается на копчике, и Мина, стоя на коленях, рывком разворачивает меня к себе лицом. Я чувствую физическое возбуждение, но мои мысли вовсе не о сексе.

— Давай не будем?! — мягко предлагаю я и беру лицо Мины в ладони. — Мы же с тобой уже попрощались…

— Но ты все еще здесь?! — восклицает Мина и красноречиво смотрит на мой пах.

— Здесь только мое тело! — я опускаюсь на колени и прижимаюсь лбом к ее лбу. — Содержание мыслей тебе лучше не знать…

Мина вырывается, вскакивает на ноги и смотрит на меня с ненавистью, сжав кулачки до побелевших костяшек. Сейчас она готова взорваться и полностью оправдывает свое прозвище.

— Придурок! — бросает она в лицо, будто плюет и ретируется из кабинки.

Прислоняюсь к холодной стене и подставляю лицо под горячие струи. Дверь в мою комнату хлопает так, что едва не слетает с петель — Мина уходит, толком не одевшись. Я, действительно, придурок. Рефлексирующий придурок, который слишком много думает и рассуждает.

До меня после Испытания в Приют не возвращался никто. Мы всегда рассчитывали лишь на две опции: пройти Испытание и стать вольным агентом, получив чистый имперский паспорт, или погибнуть.

Я снова вспоминаю фотографии мертвых выпускников Приюта. Вдруг они не настоящие, Шувалов меня дезинформировал, и это все же вербовка? Стандартный паттерн — ничего нового

и удивительного. Проверить подлинность фото невозможно: судьба прежних выпусков — загадка, несмотря на бесконечные рассказы пацанов и девчонок о том, что они мельком видели кого-то в Москве. Я в эти легенды верю не особо, потому что ни на одном задании никого из бывших не встречал.

После ухода из Приюта их жизнь окружена тайной, и это вполне естественно для агентов под прикрытием. Поиск же информации о выпускниках в открытых источниках невозможен, потому что у нас нет ни их легальных имен, ни фотографий.

Я устало тру глаза. Бессонная ночь у интерактивного экрана не добавила ясности, зато подбросила дополнительные вопросы. Чем больше мы знаем, тем больше понимаем, что не знаем ничего.

Я изучил все доступные данные по резонансным убийствам и происшествиям с одаренными за последние два года. Двенадцать выпускников на двадцать покушений и шестерых погибших одаренных. Математика не помогает.

Подробности покушений и убийств недоступны. В большинстве случаев в нападениях обвиняют абстрактных анархистов и сообщают,

что доблестные спецслужбы Империи их мужественно уничтожили.

Мое же неудавшееся покушение на Шувалова даже покушением не было названо! Все подано наоборот: оказывается, Тайная Канцелярия устроила ловушку и уничтожила опаснейшего Темного!

Никакой тенденции в выборе целей, мест и способов покушений мне также выявить не удалось. Я копнул глубже и изучил все резонансные происшествия с одаренными аристо за последние десять лет с тем же результатом, точнее, с полным его отсутствием. У меня даже нет уверенности, что все эти события — наших рук дело.

Ясно лишь одно: кто-то планомерно и равномерно выкашивает немногочисленные ряды Великих Родов России. Версия, что за убийствами и покушениями стоят враждебные нам Темные Империи, лежит на поверхности и не требует доказательств.

Мысль, что Приют — проект и марионетка Темных не раз приходила мне в голову задолго до встречи с Шуваловым. Уж слишком она очевидна. Очевидна и бесспорна. Я даже Шефа по малолетству об этом расспрашивал, но он лишь смеялся в ответ и говорил, что любой одаренный Темный

стоит десятка лучших приютских бездарей.

Либо Темные действуют нашими руками, либо — самостоятельно, но тогда они не имеют отношения к деятельности Приюта. Значит, неведомый кукловод дергает за ниточки изнутри Империи. Его цели и задачи не ясны, но в Приют он вкладывает огромные деньги. Я даже представить не могу, во сколько обходится содержание и прикрытие организации, подобной нашей. Миллионы и миллионы целковых, не иначе!

Вопрос, зачем растить нас в течение десятка лет, а затем отправлять на верное самоубийство тоже остается открытым. Возможно, поголовная гибель выпускников Приюта, о которой мне сообщил Шувалов — чудовищная случайность.

Еще можно предположить, что Приют — проект Тайной Канцелярии, и она зачищает поляну от неугодных аристо. Красивая версия, вот только покушение на Великого Князя не вписывается в ее рамки.

Очевидно лишь одно: я должен был стать следующим трупом, но почему-то Шувалов меня отпустил!

Вопросы и версии множатся, и пазл не складывается. Наоборот, он разваливается на глазах по мере погружения в материал. Главная же загадка

— интерес Великого Князя к моей скромной персоне. Вместо того чтобы вытрясти из меня всю необходимую информацию, накрыть Приют и решить проблему раз и навсегда, старый и опытный Глава Тайной Канцелярии затеял со мной игру, полную загадок и недосказанностей!

Из глубоких размышлений меня выводит громкий стук в дверь спальни. Выключаю воду и, завернувшись в полотенце, открываю. На пороге стоят Кот и Мангуст. Взгляды исподлобья, прищуренные глаза, напряженные позы и отсутствие привычного восхищения моей рельефной мускулатурой.

— Тебя Шеф вызывает — не может по терминалу дозвониться! — цедит сквозь зубы Кот и сует руку в карман. — И забери свою поганую игру!

Он бросает мне колоду карт супер-аристо, я ловлю ее в воздухе, и полотенце падает с бедер. На мальчишеских лицах не возникает смешков и улыбок, только чистое презрение.

— Мы должны убивать аристо, а не боготворить их и подражать им! — говорит Мангуст и смотрит на меня с вызовом. — Ты — предатель, Симпа!

Пацаны разворачиваются и молча растворяются в полумраке коридора. А я остаюсь стоять в дверном проеме ошеломленный и обескуражен-

ный. Говорят, что словами младенца глаголет истина. Вот она, страшная и неприглядная! Я — предатель! Если не в действиях, то в мыслях!

На экране терминала горит несколько не отвеченных вызовов от Шефа. Сколько же я просидел в душе, пребывая в полной прострации? Одеваюсь медленно — оттягиваю момент встречи и вживаюсь в привычный всем образ беззаботного, но совершенного во всех отношениях балагура.

По коридорам Приюта я иду с приклеенной на лицо улыбкой, приветствуя каждого встречного, но в ответ получаю лишь молчаливые недоуменные взгляды. Все впервые видят выпускника, вернувшегося после Испытания, и не знают, как себя вести.

В кабинет Шефа захожу без приглашения, намеренно громко хлопая дверью. Старик смотрит на меня пристально, пронизывая острым взглядом, как энтомолог пронзает иглой пойманного в ловушку жука. Серые глаза холодны и мрачны, а губы сжаты в тонкую бескровную линию.

Скабрезным шуткам сегодня не место — я не оправдал возложенной на меня ответственности. Шувалова не убил, не умер геройски на месте преступления, а история чудесного спасения напоминает сюжет дешевого сериала на канале

«Хозяюшка».

— Ты мог привести за собой хвост, Симпа! — произносит Шеф с укором и откидывается на спинку кресла, продолжая разглядывать меня сквозь полуприкрытые веки.

— Не думаю, что водолазы вели меня еще с Тверской! — дерзко отвечаю я. — Если убийцу и будут искать, то не на дне Москвы-реки, а среди послушников Храма!

— Дерзишь, значит?! — с подчеркнутой угрозой в голосе спрашивает Шеф, и на его высоких скулах вспухают желваки. — А должен оправдываться за провал!

— За провал?! — ору я, меняя местами охотника и жертву. — За то, что не сдох?! Не оправдал ваших ожиданий и вернулся?!

Шеф молчит. Держит паузу, давая возможность выплеснуть гнев. Тоже замолкаю, ломая привычный шаблон общения. Лишь буравлю его полным бешенства взглядом.

— Ты хочешь честности?! — прерывает молчание Иван Сергеевич усталым голосом. — Наши действия — лишь часть огромного многолетнего плана, и даже я не владею всей полнотой информации. Ты должен убить Шувалова! Выживешь ты или нет — не имеет особого значения!

Шеф пристально смотрит мне в глаза и напряженно барабанит пальцами по столу, будто играя не невидимом фортепиано.

— Итак, в Шувалова ты даже не выстрелил. Покалечил нескольких охранников Шувалова, от остальных убежал по крышам, а затем свалился с седьмого этажа прямо в руки Наследников Престола…

— Да, они ужинали на приватной террасе, и я рухнул им буквально на головы!

О разговоре с Шуваловым я Шефу не рассказываю. Предупреждение Князя и собственная интуиция подсказывают, что это равносильно смертному приговору с его немедленным исполнением на месте.

— Затем Наталья Романова, один из сильнейших целителей Империи, излечила раны обычного послушника, а Цесаревич лично вывез его из заблокированного Тайной Канцелярией района и даже подбросил к Приюту! — в голосе Шефа звучит неприкрытый сарказм, а сам он едва не выпрыгивает из штанов от возмущения. — В плохих романах такой поворот сюжета называют «рояль в кустах». Ты хочешь, чтобы я поверил в эту сказку?!

— Не верьте, сам бы ни за что не поверил! — я

равнодушно пожимаю плечами. — Но все было именно так!

— Вопрос не в моей или твоей вере, Симпа, вопрос в безопасности Приюта!

— Ах, вас безопасность беспокоит?! — язвительно спрашиваю я, формулируя мысль, которая всегда свербела где-то в глубине сознания, но выкристаллизовалась только сейчас. — А если меня схватят и начнут пытать? Сдирать кожу тонкими лоскутами, вырывать ногти и протыкать яйца иголками? Думаете, я смогу сохранить тайну Приюта?

— Ты не попадешься, Саша! — уверенно отвечает Шеф, но я замечаю мелькнувшую в глубине его глаз тень, тень сомнения или недосказанности.

— Ваша уверенность вселяет надежду, — с горькой иронией говорю я, вспоминая фотографии мертвых девушек и парней. — Еще никого из выпускников не арестовывали?

Мой пробный выстрел попадает в десятку! Шеф вздрагивает будто от громкого хлопка и отводит взгляд. Он безвольно опускает руки и становится похожим на шарик, из которого стравили воздух. Актерское мастерство дает сбой — сквозь привычную маску прорываются подлинные эмоции.

— Если бы кого-то схватили и раскололи, мы бы

с тобой здесь не разговаривали, — тихо отвечает Иван Сергеевич.

Меня подмывает спросить о причинах неуловимости наших выпускников, но я сдерживаюсь. Дерзость должна быть точно отмерена и укладываться в рамки свойственной юности привычки ставить под сомнение все и вся.

— У тебя есть три дня на завершение проваленного задания! — заявляет Шеф тоном, не терпящим возражений.

— Это последняя попытка? — вяло интересуюсь я.

— Предпоследняя, — отвечает Шеф после небольшой паузы. — Всего дается три, но об этом не стоит распространяться. Даже в постели!

Срань Разделенного! Шувалов предупредил меня о трех попытках заранее! Пристально смотрю в глаза Шефу, с трудом удерживая на языке очевидный вопрос. Почему руководитель Тайной Канцелярии осведомлен о внутренней кухне Приюта больше, чем я?

Шеф молчит, но взгляд не отводит. Награждаю Ивана Сергеевича ответным полным презрения взглядом и с облегчением поднимаюсь с кресла. Разговор окончен, можно уходить. На душе тяжело, уж лучше бы я выслушивал привычные

пошлые шутки.

— Да поможет тебе Разделенный! — говорит на прощание Шеф и закатывает глаза к потолку, где в десятке метров над нами стоит Храм.

Третье правило «Кодекса Агента» гласит: «Не доверяй никому!».

Глава 7 — Испытание: вторая попытка

Воскресным утром Торговый Центр Аурум практически пуст. Золотая молодежь еще отсыпается после бурной субботней ночи, а туристы, приходящие поглазеть на элитные бренды, топчут гранит Красной Площади и прочих достопримечательностей Москвы.

Кондиционированная прохлада фудкорта навевает сон, и я все еще не уснул лишь благодаря крепкому кофе по-османски. Третья чашка за утро, а в глаза хоть спички вставляй. Очередную бессонную ночь я снова провел не с Миной, а готовясь к операции. Искал подходящую транзитную жертву.

Курьер Тайной Канцелярии Андрей Кричевский тоже любит кофе. А еще больше он любит размещать фото себя любимого в Телеграф. Под чужим именем, естественно.

На огромном фудкорте мы с ним вдвоем. Он — в черной форме курьера Тайной Канцелярии, а я — в бриджах канареечного цвета, красном худи и белой кепке с вышитым золотом гербом

Российской Империи на козырьке.

Немногочисленные свидетели запомнят не мое лицо, а бросающуюся в глаза одежду очередного юного аристо, бездумно просаживающего родительские деньги. Многочисленные камеры зафиксируют нетвердо стоящего на ногах парня, который медленно бродит по бесконечным холлам, понуро опустив голову. Я же останусь призраком, впрочем, как и всегда.

Андрей допивает кофе, делает последнее на сегодня селфи на фоне шикарного интерьера Аурума, отбрасывает модную челку со лба и направляется в туалет. Настало время интимной фотосъемки для закрытого канала — многочисленные подписчики уже в нетерпении.

Дождавшись, когда фигура в черном скрывается за резными, расписанными золотом и эмалью дверьми, следую за курьером.

Мужской туалет напоминает помещение из эротического сериала «Тысяча и одна ночь Шахерезады», который Карась пару лет назад скачал из рунета, взломав приютские системы защиты. Мрамор, позолоченная бронза, зеркала и хрусталь люстр вызывают у меня искреннее недоумение, но каждому свое. Роль кабинок здесь выполняют приватные комнаты, ночами служащие местом

уединения для страждущих приключений молодых аристо.

Выждав пару минут, вскрываю отмычкой дверь нужной кабины и врываюсь в залитое ярким светом помещение. Кричевский стоит со спущенными брюками у зеркала и выбирает выгодный ракурс. Увидев меня, он разворачивается, пытается нанести удар левой, но путается в собственных штанах и падает на мраморный пол. При виде пистолета в моих руках Андрей замирает, и его лицо искажается от страха.

— Раздевайся! — приказываю я и подкрепляю слова движением ствола с глушителем.

— Не стреляйте! — просит парень дрожащим голосом и начинает судорожно снимать одежду.

— Молча! — цежу я сквозь зубы и подхожу ближе. — На кушетку складывай, не на пол!

Челюсть курьера трясется, руки дрожат, и я непроизвольно морщусь. Как такого труса могли принять на службу в Тайную Канцелярию? Не иначе, чей-то протеже или родственник.

Обнаженный парень встает на колени. Из широко распахнутых серых глаз текут слезы. Его дрожащие руки тянутся к поясу моих брюк, и меня переполняет отвращение. Бью ребром ладони в основание шеи, усаживаю обмякшее тело в угол

и делаю укол парализующего.

Раздеваюсь и бросаю тонкую нейлоновую одежду в унитаз. Пластиковый макет пистолета и кепку сминаю в миниатюрный комок и отправляю следом. Облачаюсь в черную курьерскую форму и поднимаю с пола смартфон Кричевского. Вместо фото его гениталий отправляю в приватный канал снимок эмблемы Полиции Москвы — пусть подписчики обгадятся от страха, хотя бы сегодня использовав задницу по прямому назначению.

Беру в руки черную папку с серебряным двуглавым орлом, тисненном на коже, извлекаю из нее запечатанный сургучом пластиковый пакет и кладу его парню на бедра. За утерю корреспонденции курьеру грозит каторга, а я не хочу ломать его судьбу. Надеваю на голову фуражку с лакированным козырьком и выхожу из комнаты. Замок щелкает, надежно изолируя незадачливого любителя порно от внешнего мира, а я уверенно направляюсь к выходу.

Миниатюрную бомбу я встраиваю в портфель уже в другом туалете, на первом этаже торгового центра. Сон сняло как рукой — эта процедура весьма рискованна даже для профессионального подрывника, а я — всего лишь любитель. С облег-

чением вытираю пот со лба, закрываю папку на защелку и взвожу взрыватель тонкой фигурной иглой.

Небрежно перебрасываю кожаный ремень через плечо и подхожу к зеркалу. Наш гример постаралась на славу: издали никто не отличит меня от курьера Тайной Канцелярии Андрея Кричевского. Подмигиваю собственному отражению, заправляю непослушную кокетливую челку под фуражку и выхожу из туалета.

Черный Урал с форсированным движком и серебряным гербом на бензобаке ждет меня на выделенной стоянке у главного входа в Аурум. Он похож на вытянутую капсулу с прозрачным верхом из пластали, открытую с боков. Нежно провожу ладонью по полированному баку, словно по бедру красивой девушки. Модель специально разработана для имперских силовых структур, и я бы подумал о службе в них уже только ради обладания ею.

Активирую байк со смартфона Кричевского, подставив лицо под камеру. Передовые 3D-принтеры Приюта — само совершенство: контактные линзы, имитирующие его серые радужки, распознаются как аутентичные.

Выкручиваю рукоять газа на себя и с пробук-

совкой выезжаю на Садовое Кольцо. Воображая недовольную гримасу на лице Шефа, разгоняюсь до ста пятидесяти и несусь, лавируя между машинами. Аэродинамика модели настолько совершенна, что я еду, не снимая форменную фуражку.

Городовые провожают меня недовольными взглядами, но не останавливают — на дорогах Российской Империи курьерам Тайной Канцелярии позволено все, правил дорожного движения для них не существует.

Паркуюсь перед Высоткой Фиолетового Рода и стремительной походкой направляюсь к широким стеклянным дверям. Швейцар пропускает меня внутрь без лишних вопросов — первые два десятка этажей занимает гостиница Сармат.

Служебный лифт охраняют двое. Строгие черные костюмы, черные же галстуки и дружелюбные лица — ничто не должно пугать посетителей Великого Князя. Предъявляю именной жетон с фото и неизменным двуглавым орлом на обороте и захожу в кабину.

Скоростной лифт взмывает вверх, и я чувствую пьянящую пустоту внизу живота — в кровь поступают первые порции адреналина. До тридцать третьего этажа я долетаю за десяток секунд.

Выхожу в холл с заложенными ушами и сквозь стеклянную стену вижу панораму Москвы.

Утренний воздух чист и прозрачен, солнце ярко освещает город, и шесть высоток Великих Родов кажутся столпами, упирающимися в голубые, затянутые белыми облаками небеса.

Над небоскребом парят соколы, планируя в восходящих воздушных потоках. Свободные птицы, неподвластные никому и неподотчетные ни перед кем. На мгновение грудь сдавливает тоска, я чувствую себя маленькой запертой в клетке пичугой, над которой кружат неведомые хищники.

— Господин курьер?!

Я оборачиваюсь на голос и вижу молодого человека в фиолетовом костюме, скроенном на военный лад. У парня черные прилизанные волосы, правильные черты лица и проницательный взгляд.

— Игорь Александрович Конибродский — адъютант его Превосходительства Князя Шувалова, — представляется он.

— Срочный пакет для Великого Князя! — громко говорю я и, будто спохватившись, выхватываю жетон из внутреннего кармана.

Парень долго сверяет фото на жетоне с моей физиономией, и я смотрю на него, источая уве-

ренность и нетерпение.

— Андрей Николаевич, следуйте за мной, — наконец, говорит он и отступает в сторону, пропуская меня вперед.

Охранников в холле четверо, и я молю Разделенного, чтобы среди них не оказалось тех, кого я вырубил на крыше пару дней назад. Амбалы застыли по обе стороны от двустворчатой дубовой двери подобно Османским Сфинксам и не удостаивают меня даже мимолетного взгляда.

Делаю шаг через высокий порог и оказываюсь в чистилище.

Небольшое помещение без окон наверняка нашпиговано датчиками, анализаторами и подавителями разного рода сигналов. Все они искусно замаскированы тяжелыми шерстяными драпировками. За висящими на стенах картинами прячутся пулеметные гнезда, а массивные витрины из карельской березы заполнены не только Императорским Фарфором, но и взрывчаткой.

Прорваться в приемную не получится даже у взвода вооруженных до зубов бандитов, в случае угрозы комнату заблокируют и с гарантией уничтожат в ней все живое.

Принимаю приглашение адъютанта и присаживаюсь на мягкий кожаный диван. Само-

контроль включен на полную: сердце курьера должно биться чуть быстрее нормы, что обусловлено скорой встречей с Его Высочество Великим Князем. Конибродский скрывается в неприметной двери и через некоторое время возвращается с небольшим предметом в руках.

— Будьте добры, взгляните в окуляры, — предлагает адъютант Шувалова и подносит к лицу оптическую гарнитуру неизвестной мне модели.

Его просьба в сочетании с твердым немигающим взглядом больше похожа на приказ. Унимаю всколыхнувшееся волнение и приникаю к окулярам. Раздается писк, подтверждающий считывание информации, и Конибродский убирает гарнитуру от моего лица. Он застывает передо мной, скривив губы в дежурную улыбку, и не произносит ни слова. Явно ждет результата проверки.

— Проходите в приемную, — предлагает он через несколько секунд и возвращает мне жетон.

Главным украшением приемной Великого Князя является его секретарь. Синеглазая брюнетка лет двадцати от роду с третьим размером и внешностью Мосфильмовской красавицы восседает за огромным, заваленным бумагами столом, на котором установлены три монитора. Княгиню

Ольгу Юрьевну Трубецкую сложно с кем-то перепутать, но простой курьер не обязан знать всех великосветских красавиц в лицо.

— Добрый день! — приветствую ее я и протягиваю папку. — Пакет для Великого Князя!

— Добрый день, молодой человек! — девушка окидывает меня быстрым оценивающим взглядом, берет папку в руки и кладет ее на приставной столик. — Я передам лично в руки!

Строгий фиолетовый костюм красавицы не скрывает, а наоборот, подчеркивает ее соблазнительные формы, и я осознаю, что у меня уже два дня не было секса. Мысли о великих целях классовой борьбы блекнут, и я вспоминаю о простых радостях жизни, которых могу лишиться уже в ближайшие несколько минут.

Прирастаю к полу, не в силах оторвать взгляд от красавицы. Лицезреть ее вживую — вовсе не то же самое, что разглядывать фотографию на экране. На конкурсе мисс Москва она, определенно заняла бы первое место.

Меня гложут муки совести. Через пару минут княжна отнесет папку в кабинет Шувалова, и если он откроет ее в присутствии девушки, то в лучшем случае она будет искалечена, а в худшем — погибнет.

— Могу ли я попросить вас угостить скромного курьера чашечкой кофе? — я тяну время, глупо улыбаясь во все тридцать два зуба.

— Я ожидала, что угощать кофе будете вы! — взгляд красавицы обращается на меня, и я все уроки актерского мастерства идут псу под хвост — на мгновение я теряю дар речи.

Забери меня Тьма, я даже имени своего назвать не могу, не говоря уже о приглашении на кофе! Ситуацию спасает звонок телефона и приглушенный голос Шувалова в трубке.

— Я вынуждена с вами попрощаться — Игорь Всеволодович ждет! — сообщает княжна, сменив флирт на официоз, и берет папку в руки.

Нет, девчонка не должна умереть по моей вине!

Владение спуртом полезно не только в тренировочных и реальных боях. Я бросаюсь к красавице, выхватываю из ее рук злополучную папку и врываюсь в кабинет Шувалова. За моей спиной появляется Ольга Трубецкая, но Шувалов отсылает ее обратно.

— Все в порядке, Ольга Юрьевна! — спокойно произносит он, и девушка возвращается в приемную.

Кабинет Великого Князя огромен и пафосен.

Хозяин стоит у панорамного окна спиной к входу. В его руке курительная трубка, наполняющая воздух приятным ароматом табачного дыма.

— Сегодня ты бомбист? — спрашивает Шувалов не поворачиваясь.

— В каком-то роде, — отвечаю я и понимаю, что Князь одной фразой разрушил разработанный мной сценарий общения.

— Взрыв будет направленным? — вяло интересуется старик.

— А если я смертник?! — отвечаю вопросом на вопрос, наполняя голос экспрессией. — И разнесу здесь все без разбора?!

— Нет! — Шувалов отрицательно качает головой, поворачивается и делает затяжку. — Ты слишком любишь жизнь, что вполне естественно для твоих лет. А цинизм еще не овладел твоей юной душой в полной мере!

— Направленный, — сдаюсь я. — А затем еще один — контрольный.

Пару секунд ищу решения, а затем аккуратно ставлю папку на журнальный столик.

— Ожидаемо и банально, хотя за изощренный маскарад хвалю! — Шувалов окидывает взглядом форму курьера.

— В какой момент меня раскрыли?

— Ваши принтеры несовершенны, — заявляет Шувалов с усмешкой. — Твои контактные линзы могут обмануть только смартфоны и бытовые сканеры.

— Значит, я беспрепятственно добрался лишь до приемной?

— Да, в целом ты проделал неплохую работу, мы пересмотрим систему допуска в здание! — Шувалов улыбается. — Присаживайся!

— Простите, Великий Князь, но я очень спешу…

— Снова дерзишь? — брови Князя взмывают вверх, а глаза начинают светиться.

Шувалов ставит меня на место, пугает наглого несмышленыша, позволившего себе завуалированную насмешку. Что ж, сыграем раскаяние.

— Простите, Игорь Всеволодович! — даю заднюю и послушно сажусь в кресло так, чтобы папка со взрывчаткой оказалась на расстоянии протянутой руки. — Иногда я поддерживаю сложившийся образ по привычке, а не по необходимости…

— Прекрати оправдываться! — прерывает меня Шувалов и занимает кресло напротив.

Его глаза разгораются ярче, и мы снова оказываемся в мерцающем фиолетовом кубе, который

не пропускает излучение любых видов.

— Тебе есть что сказать по теме нашего прошлого разговора?

— У меня нет ответов на ваши вопросы! Вы же понимаете, что все приютские — лишь марионетки в умелых руках кукловодов, и агент Симпа — не исключение?

— Конечно! — Шувалов кивает и снова затягивается. — Я не жду от тебя ответов прямо сейчас, мне нужно твое решение!

— Какое решение?

— На чьей ты стороне, агент Симпа?!

Второе правило «Кодекса Агента» гласит: «Оставайся независимым!».

Меня подмывает ответить честно, нагло заявить, что я всегда занимаю лишь одну сторону — свою, но в последний момент сдерживаюсь.

— Я пока не понимаю, что вы предлагаете…

— Жизнь! — перебивает меня Шувалов.

— Жизнь в обмен на предательство?!

— Предательство — это направлять на верную смерть талантливых ребят, которых ты вырастил! Убивать их ради призрачных целей, которые даже я понять не в состоянии!

— Звучит очень абстрактно и пафосно…

— Показать фото мертвых выпускников еще

раз?

— Я не уверен, что они подлинные…

— Кому верить — решать тебе, — Шувалов пожимает плечами.

— Я даже не знаю всех обстоятельств их гибели…

— Вы одноразовые орудия убийства! — в голосе Князя звучит горечь. — Мы долго считали вас безумными фанатиками, жертвами пропаганды анархистов и даже Темных, и только недавно поняли, что все вы — члены террористической организация!

— Зачем растить нас до восемнадцати лет и посылать на верную смерть?

— Я тоже хочу это понять, поверь мне, потому мне и нужен ты!

— Почему вы предлагаете сотрудничество именно мне?

— Потому что ты не нажал курок, а значит способен размышлять, а не действовать слепо, выполняя чужие приказы! — говорит Князь, направив на меня мундштук дымящейся трубки.

— И это единственная причина?

— Нет, но об остальных ты сможешь узнать, только после того, как сделаешь выбор…

— Осталось лишь понять, в чем он заключа-

ется…

— Саша, ты уже труп, неужели это не понятно? — давит Великий Князь. — Ты все еще живешь полной жизнью, любуешься красивыми девушками, строишь планы на будущее, но тебя уже нет!

— Т-труп? — переспрашиваю я, лихорадочно обдумывая путь к спасению.

— Почти! — У тебя есть семь минут, чтобы убраться из небоскреба. И пара дней, чтобы решить с кем ты. Если в третий раз явишься ко мне с оружием, то коллекция фотографий, которые ты видел, пополнится еще одной!

— Бомбу оставить? — на всякий случай уточняю я, уже стоя в дверях.

— Конечно, она же должна взорваться! — на лице Шувалова возникает ироничная усмешка. — И еще один момент: не приходи убивать меня в третий раз с этой педерастической прической на голове!

Конибродский возвращает мне жетон с насмешливой улыбкой.

— Позвольте вас проводить?! — предлагает он и следует к выходу, не дожидаясь ответа.

Молча иду за ним и чувствую, как по спине струится холодный пот. Мне кажется, что на ней нарисована мишень, в которую целится каждый

боец Службы Безопасности Великого Рода Шуваловых.

Небрежно кивнув провожатому, выхожу из лифта и, миновав охранников, следую через Холл гостиницы. Внутри здания меня точно не убьют, успокаиваю я себя и на мгновение останавливаюсь перед выходом.

Делаю шаг на крыльцо и бросаю прощальный взгляд на голубое до одури небо. Затем сажусь за руль байка и с перегазовкой вылетаю на набережную. На вершине высотки гремит взрыв, и я уношусь прочь, ожидая получить пулю снайпера в спину.

Глава 8 — Сомнения и версии

Я снова сижу в темной комнате. Прячусь от приютских и перелопачиваю информацию. После второго возвращения в Приют вокруг меня возник вакуум. Первый парень на деревне превратился в парию, в пустое место, которое стараются не замечать и на всякий случай обходят стороной. Даже Мина воротит свой совершенный, чуть вздернутый носик и не пытается затащить меня в постель.

Свой среди чужих, чужой среди своих — все как в популярном романе. Я должен выбрать сторону, и выбор этот не похож на книжный или киношный. Он не между Светом и Тьмой, он между злом и злом. Да и сам я медленно, но верно становлюсь воплощенным злом.

Учителя вдолбили в наши головы, что мы белые рыцари, призванные избавить мир от вселенской несправедливости в лице одаренных аристо, а наша цель настолько светла, что даже темные деяния на пути к ней сияют подобно солнцу. Меня терзают сомнения.

Бомбист. Из головы не выходит слово, небрежно брошенное в мой адрес Шуваловым. Иными словами — террорист. Я не хочу быть террористом. Не потому, что боюсь смерти или не риска, нет. Мне претит лишать жизни людей, не осознавая целей и причин своих действий.

Еще недавно я был готов убивать за идею. Одаренные аристо, эксплуатирующие честный трудовой народ как нельзя лучше подходят на роль злодеев, а простой люд — на роль коллективной жертвы. Удобный расклад, не допускающий сомнений и двусмысленных толкований. Все как в детской сказке про хороших и плохих, вот только жизнь — не сказка. Чем ближе было Испытание, тем больше я об этом размышлял. Преступная романтика манила меня до тех пор, пока все ограничивалось веселыми приключениями.

Я притворялся малолетним беспризорником, проникал в дома сердобольных дам и крал важные документы их мужей. Знакомился с девчонками-аристо, влюблял в себя и попадался их суженым, чтобы расторгнуть помолвку или свадьбу. Втирался в доверие к парням и искусно расстраивал сложившиеся дружеские союзы и альянсы молодых аристократов.

Сволочь, конечно, но ничего непоправимого или фатального. Типичный агент из дамских романов и мосфильмовских сериалов. Я даже названия своим похождениям придумывал: «Детство ассасина», «Всесильный бездарь» и прочее в таком же духе.

Пришло время повзрослеть и сделать самостоятельный выбор. Первый в моей жизни. Если формулировать точно, то возможностей у меня не две, а три: сдохнуть во славу Приюта и революционной борьбы с одаренными, сбежать без денег и документов или встать под знамена Тайной Канцелярии в лице Великого Князя Шувалова. Последняя опция предполагает бонус — озвучание причин заинтересованности в моей скромной персоне.

В очередной раз вывожу на экран генеалогические древа Великих Родов и вглядываюсь в лица убитых аристо. Их объединяет лишь одно — все они достаточно молоды, не старше двадцати. Учитывая, что одаренный аристо может прожить до двухсот лет, некая зависимость все же прослеживается, но из нее выбивается Шувалов, которому почти полтора века.

О покушениях на других глав Великих Родов не известно ничего, если не считать устранения

Императора в 1887 году. Тогда был уничтожен цвет Великих Родов Империи, все старики кроме Великого Князя Шувалова, которые помнили еще Имперские войны. На смену им заступили молодые наследники, ставшие главами шести Великих Родов. Их дочерей и сыновей которых называют наследниками теперь, в 1908 году.

Уже в который раз пытаюсь нащупать хотя бы какую-то закономерность в убийствах высших аристо за последние годы, помимо возраста жертв, но тщетно. Мне не хватает информации, и получить ее неоткуда — нас с детства приучили работать только с открытыми источниками, а к закрытым у меня доступа нет. Идеальный ассасин должен действовать самостоятельно и не быть связанным с неким всемогущим центром.

Закрываю глаза и вспоминаю выпускников. Не окровавленных и изуродованных на фото Шувалова, а живых и веселых, какими я их запомнил по приютским годам. Синеглазый гуттаперчевый Барс, оранжевоглазая и гибкая Мамба, зеленоглазый вечно улыбающийся Грин, желтоглазые красавицы Куклы, которые прилепили мне кличку Симпа и с которыми я всегда мечтал переспать…

Перед глазами возникают молодые жизнера-

достные лица, голоса, совместные спарринги и поцелуи в ночных полутемных коридорах. В глубине сознания неожиданно зарождается какая-то версия, не версия даже, а внезапная догадка.

Я срываюсь с кресла и, опрокинув на пол чашку с уже остывшим кофе, несусь к двери. Среди работников приюта есть только один человек, который может мне помочь. Бегу по коридору, расталкивая приютских, и молю Разделенного, чтобы Мария Пантелеевна оказалась на месте.

— Заходи, Симпа! — говорит она, распахнув дверь перед моим носом. — Я ждала тебя — пора исправить твою ужасную прическу!

— З-здравствуйте, — отвечаю, немного смущаясь.

Выскальзываю из-под руки, ерошащей мои непослушные черные кудри, и захожу в гримерку. Я знаю, что нравлюсь Марии, пользуюсь этим, и потому в ее присутствии меня всегда гложет чувство вины. Сажусь в высокое крутящееся кресло и наблюдаю в огромное во всю стену зеркало, как она подходит ко мне сзади.

Короткий белый халат с глубоким вырезом подчеркивает достоинства идеальной фигуры, и оттого наш гениальный гример, предмет вожделения всех мальчишек Приюта, кажется еще

более сексуальной. Она кладет руки мне на плечи и внимательно смотрит на мое отражение.

Я краснею. Не из-за откровенных прикосновений Марии Пантелеевны, которые сопровождают каждую нашу встречу, начиная с моих первых дней в Приюте, а от осознания собственных коварных планов.

Десять лет назад, когда мне было восемь, а ей — восемнадцать, я называл ее тетя Мари и безумно любил посещения гримерки. Повзрослев, я понял, что в раннем детстве жаждал нежных прикосновений Марии из-за недостатка материнской ласки. А затем пришел бурный пубертат, и после каждой стрижки или наложения грима можно было выжимать трусы.

— В кого превращаем тебя сегодня? — интересуется Мария и снова ерошит мои волосы.

— Я могу доверить вам сердечную тайну? — спрашиваю я подрагивающим от волнения голосом и кротко опускаю взгляд долу.

— Конечно, Симпа! — серые глаза лучатся любопытством, а ладони ложатся мне на грудь. — Это связано с Миной?

— Да! — киваю я, замолкаю на пару секунд и краснею еще больше. — Ей всегда нравились парни постарше, и я хочу быть похожим на них…

— Женская душа — потемки! — удивленно говорит Мария. — Что это за актер или модель? Нароков? Неронов? Меньшиков? Ульрих?

— Это приютские, Мария Пантелеевна…

— Приютские? — ее глаза округляются от удивления. — Она нашла кого-то привлекательнее тебя?!

— Да! — подтверждаю я, наполняя интонации голоса горечью и обидой. — Позавчера она призналась, что всегда сохла по Барсу, а затем — по Грину. А я — рак, который на безрыбье…

— Симпа! — Мария лукаво смотрит в отражение моих глаз. — Мина просто играет с тобой! Она хочет, чтобы ты не прекращал сражаться за нее, пусть и с мнимыми соперниками из прошлого!

— У меня Испытание, — тихо сообщаю я, будто выдавливая из себя признание. — Хочу напоследок доказать ей…

— Напоследок?! Даже не говори так! — Мария накрывает мой рот ладонью. — Ты — лучший! Лучший выпускник, лучший боец и лучший мужчина! Ты обязательно выживешь!

Она осекается на полуслове и замолкает, стесняясь собственной откровенности. Затем наклоняется, выставляя на обозрение аппетитный зад, и разблокирует клавиатуру, утопленную в

стол. Часть зеркала передо мной превращается в монитор, на который транслируется изображение. Обычно на нем высвечивается фотография человека, под которого меня гримируют.

— Грин или Барс? — спрашивает Мария.

— Давайте начнем с Грина, — прошу я.

На экране появляется фотография симпатичного мальчишки с каштановыми вьющимися волосами и темно-зелеными глазами. Ее сменяет следующая, затем еще одна, и начинается слайд-шоу. Грин взрослеет на глазах, детская припухлость лица постепенно исчезает, уступая место юношеской угловатости, а взгляд наполняется иронией и умом. Типичный отпрыск Рода Романовых.

В самом конце появляются его образы в гриме, и сердце замирает от радости — моя догадка верна.

— Какую оставляем для образца?

— Последнюю, — я указываю пальцем на экран. — Мне кажется, что эта прическа — то, что нужно.

Череда образов Барса также подтверждает мое предположение. Его предсмертное фото застывает на экране рядом с изображением Грина. Парни выглядят как типичные короткостриженые молодые повесы из числа высокородных цветных.

Необходимость в этом могла возникнуть лишь одном случае: если они шли не убивать, а втираться в доверие, пытались стать для жертв своими!

— Если бы я не знала Мину, предположила бы, что она хочет переспать с одаренным, — задумчиво говорит Мария, стоя перед выведенными на экран образами. — Это типичные стрижки молодых аристо, за последние пару лет мода в их кругах практически не изменилась.

— Вы… Вы же ей ничего не расскажете? — спрашиваю я с деланным отчаянием в голосе.

— Нет, конечно! — успокаивает меня Мария. — Снимай футболку и закрывай глаза!

Это тоже непременный атрибут посещения гримерки. Снимаю майку и отдаюсь в ласковые умелые руки. Ножницы порхают вокруг моей головы и на обнаженную кожу падают обрезки волос. Мария периодически смахивает их на пол, нежно касаясь меня подушечками пальцев, но привычного возбуждения я не чувствую. Мысли безостановочно вертятся вокруг фотографий. Фотографий мертвых выпускников и убитых ими аристо.

— Ну, открывай глаза! — голос Марии отвлекает меня от размышлений, и я смотрю на свое отражение. — Сейчас голову помою, обработаю

гелем, и будешь звездой Мосфильма!

Новая короткая стрижка изменила меня сильнее, чем я ожидал. Скулы кажутся еще выше, глаза — больше, брови — гуще и выразительнее, а поднятые вверх волосы подчеркивают высоту лба. Настоящий аристо — ни дать ни взять! Подмигиваю своему отражению, вскакиваю на ноги, обнимаю Марию и целую в щеку, кружа ее по комнате.

— Ты же весь в волосах! — восклицает она и мягко меня отталкивает. — Садись, я еще не закончила!

Шеф вызывает аккурат в тот момент, когда Мария завершает священнодействовать с моей прической, не раньше и не позже. Я даже не сомневаюсь, что за нами наблюдают каждую секунду в любой точке Приюта, и давно с этим смирился.

Весь спектакль со стрижкой был разыгран в большей степени для наблюдателей, чем для Марии. Мне был нужен безобидный повод увидеть последние фото хотя бы пары выпускников. Просить о большем слишком рискованно. И для меня, и для нее.

— Спасибо, Мария Пантелеевна! — я благодарю красавицу и за стрижку, и за информацию,

которую она предоставила, и за то, что когда-то пробудила мою юношескую сексуальность.

— Быть может, еще встретимся, Симпа! — грустно произносит она и несколько секунд смотрит на меня в молчании.

Я понимаю, что это прощание, и целую девушку еще раз. В губы. На этот раз по-настоящему. Мария отвечает, и я с трудом отрываюсь от ее уст. Хотел это сделать давно, еще с той поры, когда не встречался с Миной. И Мария хотела, знаю это точно.

Еще несколько дней назад за эту проделку меня отправили бы в карцер на неделю. Оборачиваюсь, уже стоя в дверях, и замечаю слезы в уголках больших серых глаз. Мы отыгрываем сцену прощания, не первую и не последнюю в жизни Марии, но, возможно, последнюю в жизни моей.

Грин и Барс на последних прижизненных портретах счастливо улыбаются. Где-то на сервере Приюта появилось еще одно такое же фото — мое.

В кабинет шефа я бреду, словно на эшафот, хотя еще недавно бежал в припрыжку и ждал каждой встречи словно манны небесной.

Шеф недоволен. Он смотрит куда угодно, только не на меня. Привычные скабрезные шутки

остались в прошлом, старик, наконец, понял, что я их уже давно перерос. Даже не знаю, радует меня это или нет.

Я вдруг осознаю, что впервые вижу настоящего Ивана Сергеевича, а не сценический образ, тщательно проработанный для приютских. Седые волосы, желтоватая, иссеченная сетью мелких морщин кожа, глаза, покрасневшие и опухшие от постоянного недосыпа, и темные круги под ними — только сейчас замечаю, как сильно он постарел.

— Трюки на мотоцикле были обязательны? — недовольно спрашивает Шеф и удостаивает меня внимания.

На панорамном экране появляются кадры моего отъезда от высотки Фиолетовых. Обтекаемая капсула байка Тайной Канцелярии резко рвет с места, становится на заднее колесо и несется по разделительной линии, лавируя между встречными потоками машин.

— Вы же хорошо знаете мой фирменный почерк?! — я подмигиваю и ненатурально улыбаюсь.

— Почерк?! — Иван Сергеевич фыркает и пронзает меня раздраженным взглядом. — Ты адреналиновый наркоман со склонностью к де-

шевым театральным эффектам!

— Наверное! — пожимаю плечами и с откровенной скукой во взгляде провожаю уносящийся в глубину экрана байк.

— Шувалов остался жив! — сообщает Шеф и выключает видео после звука приглушенного взрыва.

— Вы должны удивляться другому, — на моих губах появляется ироничная улыбка, на этот раз вполне искренняя. — Жив остался я!

— Как раз в этом я даже не сомневался! — врет в глаза Игорь Степанович и одаривает дежурной отеческой улыбкой, которая грела мою душу много лет.

— Можно получить откровенный ответ на откровенный вопрос? — спрашиваю я, и фальшивая улыбка вмиг стекает с обрюзгшего лица.

— Валяй, Симпа! — Шеф откидывается на спинку кресла и внимательно на меня смотрит, ожидая подвоха.

— Если вы хотите меня уничтожить, зачем выбираете столь сложный путь?

Глаза Шефа округляются от удивления, брови взлетают почти к линии волос, а губы вытягиваются в трубочку. Он хохочет неожиданно громко, запрокинув голову назад, а затем одним слитным

движением покидает кресло, отталкивается ногами от стола и оказывается у меня за спиной. Я даже моргнуть не успеваю.

— Это можно сделать гораздо быстрее и эффективнее, Симпа! — шепчет он в самое ухо, приставив к моей яремной вене бритвенно-острое перо авторучки. — Поверь мне!

Шеф отстраняется, хлопает меня по плечу и разворачивает к себе лицом вместе с креслом. Серые глаза одаривают меня зубодробительными порциями участия и отеческой любви.

— Ты мне как сын, Саша! — проникновенно произносит он, глядя прямо в глаза. — Вы все — мои дети, и если бы я мог не подвергать вас риску…

Иван Сергеевич запинается, до боли сжимает мое плечо, а затем медленно возвращается на свое место.

Какое-то время я сижу к нему спиной и осмысливаю произошедшее. Он любит нас, это факт, который никогда не вызывал у меня сомнений. Но есть важный нюанс, который я осознал лишь недавно. Шеф любит нас так же, как хорошая хозяйка — своих поросят. Она покупает их, дает имена, обихаживает и кормит, а затем вызывает мясника.

— В чем смысл убийства Шувалова? — спрашиваю почти шепотом и поворачиваюсь к столу. — И почему это должен сделать именно я?

— Ответ на первый вопрос доподлинно мне неизвестен, я уже сообщил тебе об этом! — произносит Шеф, не скрывая раздражения. — А на второй отвечу, если ты выживешь!

— Знаковая оговорка! — я не могу удержаться от сарказма, если дело касается самого дорогого, что у меня есть — моей собственной шкуры. — А вы принимаете в расчет, что я могу сбежать? Я же призрак, официально меня не существует?!

— Скатертью дорожка, если тебе безразлична собственная жизнь! — отвечает Шеф и пожимает плечами с деланным равнодушием.

— Значит, вдохновляющих и мотивирующих речей сегодня не будет?!

— План третьей попытки готов? — строго спрашивает Шеф, проигнорировав мой выпад.

Спрашивает так же требовательно, как пять лет назад, когда мне было тринадцать, и я трепетал при одном только звуке его голоса. Подозрительный прищур призван вызвать волнение и неуверенность в душе ребенка. Вот только ребенок вырос — впору своих детей заводить.

— Да! — заверяю я Шефа, хотя работы по подго-

товке еще непочатый край.

— Подробностями поделишься? — с усмешкой спрашивает Игорь Сергеевич.

— Сами раскопаете! — возражаю я. — Вам не привыкать! Еще и на видео все заснимите!

— Рано или поздно волчата вырастают и превращаются в волков! — назидательно изрекает Шеф. — Но не забывай, что на любого матерого зверя всегда найдется еще более опытный и матерый! Можешь считать это пожеланием удачи!

Глава 9 — Испытание: третья попытка

На последнее задание я иду без грима, если не учитывать контактные линзы. Одаренных с красными радужками в Москве как собак нерезаных, и вряд ли кто-то заинтересуется еще одним. Неспешно прогуливаюсь по Петербургскому шоссе в толпе туристов, глазею по сторонам и проникаюсь их спокойствием и беззаботностью.

Я элегантен как императорский пингвин. На мне классический черный фрак из тонкой шерсти от Нокса, приталенная белая рубашка с высоким воротником от Еслера и лаковые туфли из крокодиловой кожи от новомодного дома Прядеева. Волосы зачесаны на прямой пробор и набриолинены, лицо выбрито до блеска, а довершает образ тонкий аромат туалетной воды от Ралле.

План Шефу открыть все же пришлось, хотя это и противоречит правилам Приюта — без его помощи я бы не сделал бронь в новом «ЯрЪ». В недавно перестроенную ресторацию не протолкнуться: здесь трапезничают все уважающие себя аристо Москвы. Огромные граненые купола,

панорамные арочные окна и литые металлические светильники на газе возвращают в славное Имперское прошлое и заставляют чувствовать себя потерявшимся во времени снобом.

Швейцары синхронно распахивают высокие дворцовые двери и одаривают меня отрепетированными доброжелательными улыбками. Высокомерно киваю и захожу внутрь — чаевые здесь дают на выходе. Внутреннее убранство не поражает богатством отделки, вернувшийся в моду стиль модерн скорее вычурен, чем роскошен.

— Господин Андрей Викторович Белевский?! — с достоинством уточняет представительный распорядитель с лихо закрученными усами и одаривает меня оценивающим взглядом.

— Он самый! — киваю и ставлю заведению жирный плюс за отсутствие у служащих подобострастия. — На мое имя забронирован кабинет.

— Пройдемте за мной, сударь!

Мы проходим в отдельное крыло, минуя основной зал, и попадаем в длинный, тускло освещенный коридор. Двое охранников встречают нас на входе. Просканировав меня профессиональным взглядом, они кивают. Под моим облегающим, сшитым по последней моде фраком можно спрятать разве что тонкий бумажник с парой

кредитных карт.

Заходим в третью по счету дверь, а у шестой, последней, стоят еще двое мордоворотов — именно там заседает Князь Шувалов.

Кабинет небольшой, но весьма уютный. В центре расположен круглый стол на шесть человек, по обе стороны от двери стоят резные комоды на кривых ножках, а напротив — панорамное окно во всю стену, выходящее в зимний сад.

— Устраивает, все прекрасно! — сообщаю я распорядителю, поворачиваюсь к нему лицом и касаюсь рукава фрака. — Пришлите-ка мне молодого и симпатичного официанта — чтобы глаза и душа радовались!

— Кого именно, сударь?

— Высокий, широкоплечий брюнет, — говорю я, закатываю глаза к потолку и щелкаю пальцами, будто вспоминая имя. — Кажется, его зовут Евграф…

— Никак не могу, сударь! — распорядитель сокрушенно качает головой. — Сегодня он занят спецобслуживанием в Пушкинском зале…

— Можно же совместить?! — спрашиваю я, широко улыбаясь, и вкладываю в приготовленную ладонь десятирублевую купюру. — Обещаю, что не буду беспокоить его слишком часто!

— Боюсь, что это невозможно…

— Мне все же кажется, что мы договорились?! — я прерываю распорядителя, вручаю ему еще одну ассигнацию, и мои красные контактные линзы на мгновение вспыхивают, подобно радужкам одаренного. — И камеры отключите, будьте добры!

— Конечно, любезный Андрей Викторович! — распорядитель понимающе кивает, с достоинством кланяется и оставляет меня в одиночестве.

Я подхожу к окну. В зимнем саду на все голоса поют спрятавшиеся в густой зелени птицы. Их жизнь похожа на мою: та же комфортабельная клетка, постоянное наблюдение и контроль. Вот только выбор делать не требуется, они всегда на правильной стороне.

Дверь открывается практически бесшумно, и в кабинете появляется официант — веселый черноволосый парень моих лет — Евграф Киреев. У него модная в среде аристо прическа, идеально сидящий фрак и черные лакированные туфли. Если я надену серые контактные линзы, переброшу через руку белое полотенце, и мы поменяемся с ним местами, подлог заметят лишь знающие Евграфа в лицо.

— Вы будете ужинать в одиночестве или кого-

то ожидаете? — официант склоняется ко мне и протягивает меню.

— Вас ожидаю, любезный! — подмигиваю и беру в руки тонкий кожаный переплет. — Принесите пока бутылочку «Нового света» и пару бокалов!

— Минуточку! — говорит официант и исчезает, просканировав меня быстрым и опытным взглядом.

Евграф отсутствует довольно долго, видимо, переключившись на обслуживание клиентов в Пушкинском зале. Он хороший парень, но слишком открытый, если судить по его странице в Телеграф. И повеселиться любит весьма. В фаворе у него спортивные машины и Крымское шампанское.

Изначально я планировал обычную схему: грим, полностью имитирующий его внешность, и подмену на длительный период времени, но в последний момент все переиграл. Официант станет моей марионеткой и убьет Шувалова, сам того не подозревая: я хочу доказать себе, что могу обойтись без адреналиновых бурь, будоражащих кровь.

— Извольте, сударь! — Евграф приносит ведерко со льдом, в котором лежит закрытая темно-зеле-

ная бутылка, и застывает у стола.

Парень ожидает. Я должен открыть шампанское сам, да так, чтобы непременно попасть пробкой в хрустальную люстру, окно или канделябр. Астрономическим счетом за повреждение ресторанного имущества принято козырять перед такими же молодыми повесами, как я сам.

— Открой, будь любезен! — распоряжаюсь я, переходя на «ты».

Евграф кивает, практически бесшумно открывает бутылку и заученным движением наполняет хрустальный бокал.

— Второй! — я придвигаю пустой фужер к первому.

Парень снова кивает и наливает игристое с каменным лицом. Пена доходит до края, а затем медленно оседает.

— Давай-ка, брат, выпьем! — предлагаю я.

Берусь за длинную ножку и одним махом выпиваю искрящийся пузырьками напиток.

Ставлю фужер на крахмальную белую скатерть и обращаю взгляд на Евграфа. Официант к своему шампанскому не притронулся. Он с готовностью наполняет мой фужер и вновь застывает недвижимым сфинксом.

— Как тебя зовут? — спрашиваю я.

— Евграф, сударь! — отвечает парень и впервые смотрит мне в глаза.

— Андрей, — я протягиваю руку и дружелюбно улыбаюсь.

На девушек эта улыбка действует безотказно, проверено, а парень смотрит на меня с кислым лицом и не спешит жать ладонь. Как я и прогнозировал, провокация работает.

— Сударь, если вы хотите свести более близкое знакомство, то у вас ничего не получится! — Евграф краснеет и опускает взгляд. — Я не по этой части…

Фыркаю и опускаю руку. Мои глаза мечут молнии, а на скулах вспухают желваки.

— Я тоже! — с угрозой в голосе говорю я, буравя Евграфа негодующим взглядом. — Ты, никак, меня оскорбил, братец?!

— П-простите, сударь, я не хотел! — запинаясь, восклицает парень и отступает. — Почти каждую смену подкатывают — спасу нет никакого!

— Будь ты аристо, я бы тебя на дуэль вызвал! — заявляю уже миролюбиво и протягиваю шампанское, закрепляя возникшее в душе парня чувство вины. — Теперь ты просто обязан со мной выпить! В качестве сатисфакции!

Евграф покорно кивает, осушает фужер и взды-

хает с облегчением оттого, что легко отделался. Мой каприз невинен и прост в сравнении с тем, что происходит в Яру каждую ночь.

— Прощения прошу, сударь, мне бежать пора! — оправдывается парень и указывает взглядом на дверь. — Его Светлость ждут в соседнем кабинете!

— А ты что ж там, один в услужении?

— Двое нас — барышня князя пожелала, чтобы ее непременно молодые симпатичные парни обслуживали…

— Беги уже, симпатичный! — я машу рукой и улыбаюсь. — К барышне! Только возвращайся поскорей!

Евграф краснеет, пятится к двери и исчезает в коридоре. Он еще неопытен и наивен, работает всего полгода, и главное — похож на меня. Не окажись я в Приюте, возможно, повторил бы его судьбу — работал бы в ресторане, говорил на дореформенном русском и лебезил перед самыми затрапезными аристо. Если бы выжил на улицах Москвы и не закончил свои дни в тюрьме или на каторге.

Я допиваю шампанское и принимаюсь за изучение меню. Когда еще я окажусь в таком пафосном и дорогом месте?! Заказ сделать придется, чтобы

не вызвать подозрений раньше времени, а вот попробовать высокую русскую кухню я вряд ли успею.

Дверь открывается, и в широкую щель просовывается голова Евграфа.

— Я вам нужен, сударь? — спрашивает он, не решаясь или не желая войти.

— Еще как! — я указываю на пустые бокалы.

— Споите вы меня! — недовольно бормочет Евграф и заходит в кабинет. — Барышня — грузинским, а вы — крымским! Если стану вести себя неподобающе — уж не обессудьте!

— Барышня хотя бы красивая?! — спрашиваю я и подмигиваю.

— Краше еще не видел! — признается парень и его глаза загораются похотью.

— Давай выпьем за то, чтобы в твоей жизни случались только красавицы! — предлагаю я и поднимаю бокал.

На этот раз мы пьем после удара хрусталя о хрусталь.

— Сделай-ка, брат, заказ на свое усмотрение, — прошу я, протягивая парню меню. — На две персоны.

— Вы, сударь, и откушать мне прикажете?

— Не прикажу, а предложу — авось ты проголо-

даешься, пока будешь князя обхаживать!

— Они только первое заказали, — с готовностью подтверждает Евграф и спешно ретируется из кабинета.

У меня в запасе еще пара часов. Учитывая, что Евграфа спаивают сразу в двух кабинетах, до нужной кондиции он дойдет быстрее, чем я рассчитывал. Интересно, что за барышня сопровождает Великого Князя и зачем спаивает симпатягу-официанта. Неужели старый Князь не чурается великосветского разврата?

Раздается громкий стук в дверь, и я открываю, смещаясь с линии огня влево. На пороге стоит Евграф. Обе его руки заняты серебряными подносами: на одном ассорти из холодных закусок для меня, на другом — запотевший пузырь с водкой.

Покачнувшись, парень ставит подносы на стол и разливает шампанское. Его глаза блестят, точность движений немного нарушена, но профессионализм не пропьешь — напиток льет точно до края.

— Барышня, значит, грузинское употребляет, а кавалер — водочку? — небрежно интересуюсь я.

— Да, сударь, уже вторую чекушку заказывает! — Евграф кивает и пьет шампанское, на этот раз неспешно, смакуя терпкую сладость сока вино-

градной лозы.

— Заешь розеткой с икрой или семгой, — предлагаю я, — опьянеешь же быстро!

— Желание гостя — закон! — захмелевший парень подмигивает и проглатывает пару миниатюрных закусок.

— Грузинское наливают?

— А то! — на лице Евграфа возникает мечтательная улыбка. — Думаете, барышня с умыслом каким спаивает?!

— Конечно, брат, мне ли не знать! — подхожу ближе и становлюсь между столом и Евграфом. — Ты парень видный, даже красивый, а дама — со стариком, поди! Его спать уложит, а тебя в номера позовет, так что ты особо не напивайся!

Присаживаюсь на накрахмаленную до хруста скатерть, загораживая поднос, и правой рукой незаметно достаю из заднего кармана прозрачную капсулу. Яд Кинкуэ не имеет цвета и запаха и быстро растворяется в спирте. Он действует медленно, но неотвратимо — через час после употребления жертва скончается от сердечного приступа, а еще через два в организме не останется никаких следов отравы.

Выпиваю шампанское и роняю бокал аккурат под ноги Евграфу. Реакция у парня отменная: он

ловит его на острый носок туфли, затем нагибается и подхватывает свободной рукой. В этот момент я открываю графин и бросаю капсулу в водку. Евграф ничего не замечает — его внимание полностью сосредоточено на бокале.

— Вот! — Евграф протягивает мне бокал с гордой улыбкой. — Сэкономил вам пару целковых!

— Спасибо, братец! — благодарю я. — Присаживайся, давай отведаем угощение!

Поколебавшись пару секунд, парень садится за стол, и мы принимаемся за закуски.

Дело почти сделано, и я, наконец, расслабляюсь. Розетки с красной и черной икрой весьма хороши, я смакую их вкус и запиваю маленькими глотками шампанского. Мысли о выборе, который все еще не сделан, наваливаются вновь. Любой вариант из возможных мне не нравится.

Пускаться в бега я не готов, да и нет у меня подобного опыта, а работа на Приют или Тайную Канцелярию — по сути одно и то же. Быть марионеткой в руках опытных кукловодов — верная смерть, просто отсроченная. Разница лишь в том, что в первом случае я буду совершать преступления во имя светлых идеалов революции, а во втором — сохранения власти аристо для.

Никаких новых версий по поводу конкретных

заказчиков, работающих с Приютом, у меня так и не появилось. Есть лишь гипотеза об истинных целях Испытаний выпускников Приюта, но если я убью Шувалова, подтвердить или опровергнуть ее будет некому.

Убить Шувалова. Еще несколько дней назад эта идея не вызывала у меня никакого отторжения. Восторга — тоже, но я шел по намеченному пути много лет без тени сомнения. Все враждебные аристо должны быть уничтожены, а лояльные — поставлены на службу народа. О том, кем я стану в результате грандиозной рокировки, я никогда не задумывался.

Все изменилось в результате всего лишь двух коротких разговоров с Великим Князем, и теперь я в полном раздрае. Первый раз в жизни не знаю, что делать и куда ведет меня извилистая опасная дорожка, которую величают судьбой. Понимаю, что доверять нельзя никому, но нынче даже поверить не получается. Интуиция не голосует, а голосит в пользу Шувалова и государевой службы, но опыт и эмоции предыдущих десяти лет жизни противятся ей.

— Заказ Князя же! — спохватывается Евграф, дожевав закуски, и пулей вылетает из-за стола.

Он хватает со стола поднос с водкой, развора-

чивается на каблуках как заправский военный и направляется к двери.

Нет, я не могу сделать его убийцей!

Бросаюсь вперед будто распрямившаяся пружина и бью парня ребром левой ладони в основание шеи. Правой подхватываю падающий из его рук поднос и укладываю обмякшее тело на пол.

Забираю у Евграфа полотенце, перекидываю его через левую руку и сгибаю ее в локте. Чуть опускаю плечи и голову и выхожу из кабинета. Покачиваясь при каждом шаге, двигаюсь по коридору. Охранники Шувалова, застывшие у дверей Пушкинского зала, в мою сторону даже не смотрит. Все официанты для них на одно лицо.

Деликатно стучу в дверь и захожу внутрь, не дожидаясь приглашения. Шувалов и юная княгиня Трубецкая сидят боком к входу и на меня не смотрят, они увлечены едой. Любой официант — привычная деталь интерьера, не более того. Вино мне выпить не предлагают, видимо, собеседники с нетерпением ждут момента, когда я покину помещение.

Ставлю поднос на белоснежную скатерть и наполняю опустевшую рюмку Шувалова отравленной водкой. Не глядя на меня, он берет ее со стола и подносит к губам.

Повинуясь внезапному порыву, выбиваю рюмку с водкой из руки старика. В следующее мгновение фигуру Великого Князя окутывает мерцающий фиолетовый Покров, и неведомая сила отбрасывает меня к стене. Я врезаюсь в заполненный фарфором стеклянный шкаф и в дожде осколков сползаю на пол. Я в Стазисе, но боли и крови нет, что удивительно, учитывая силу удара.

Двери распахиваются, и в комнату врывается охрана.

— Все в порядке, занять позиции! — орет Шувалов и жестом отсылает амбалов прочь.

Он сбрасывает со стола скатерть вместе со снедью, хватает меня за фрак и взгромождает грудью на столешницу. Моя голова свешивается с ее края, а тело потеряло упругость и похоже на растекающееся желе.

— Ольга, держи его голову вертикально! — приказывает Шувалов.

Чувствую тяжесть на спине и две сильные ладони, которые тисками охватывают мои виски. Шувалов садится на колени передо мной, радужки Великого Князя вспыхивают и разум затапливает резкая боль. Рот мгновенно заполняется кровью.

В ладони Шувалова падают два моих окровавленных зуба мудрости, он бросает их в металлический цилиндр, захлопывает тяжелую крышку и ставит его в комод.

— Отпускай парня! — командует Шувалов, и тяжесть, давящая на ребра, исчезает.

Князь переворачивает меня на спину и задумчиво смотрит в глаза.

— Ты пришел без оружия! — произносит он с явным удовлетворением. — Третье покушение тебе удалось! Почти удалось!

В комоде раздается приглушенный взрыв, Шувалов подмигивает мне, а в кабинет снова врываются охранники.

— Сказал же — все в порядке! — говорит он им улыбаясь. — Обычный разгул в Яръ!

Глаза Князя вспыхивают, и паралич проходит.

— Благодарность Приюта за верную службу! — Шувалов показывает на камеру под потолком и кивает на покосившийся комод. — Ты сделал правильный выбор!

Глава 10 — Новый дом и новые ощущения

Громкий стук в дверь выдергивает меня из сладких объятий сна, и я рывком сажусь на кровати. Несколько мгновений я с удивлением рассматриваю спальню, но окончательно проснувшись, вспоминаю, что нахожусь в Родовой Высотке Шуваловых.

— Александр Игоревич, Великий Князь приглашает вас на ужин! — раздается приглушенный голос его адъютанта из-за двери.

— Прямо сейчас?! — уточняю я.

— Через десять минут, стол в кабинете уже накрывают!

— Я буду вовремя!

Ужин?! Я проспал почти сутки?! Стресс и хронический недосып последних дней дает о себе знать. Нехотя сползаю с огромной кровати и плетусь в душ. Отделанная натуральным мрамором туалетная комната не уступает таким же в Ауруме, а в чем-то даже превосходит их.

Контрастный душ смывает остатки сна, и мысли о Приюте, Испытании и выборе, который я

сделал, вновь заполняют разум. После Яра мы поехали в Родовую Высотку Шуваловых. Если называть вещи своими именами, то меня отвезли сюда после целительских процедур княжны Трубецкой. Я был настолько ошарашен легкостью, с которой Приют пошел на мое уничтожение, что даже не сопротивлялся.

Из одежды у меня есть только безразмерный махровый халат и домашние тапочки фиолетового цвета. Видимо, поэтому ужин накрывают в личном кабинете Главы Рода, а не в гостиной. Я бы предпочел спрятаться от действительности и снова погрузиться в сон, сильные мира сего не оставляют выбора.

Приглаживаю мокрые волосы и придирчиво рассматриваю себя в зеркале. После потери верхних зубов мудрости скулы еще более заострились, да и к короткой стрижке я все еще не привык. Кажется, что из отражения смотрит поразительно похожий на меня, но чужой человек. Подмигиваю себе и решительно направляюсь на встречу с Князем.

Приватная зона фамильного небоскреба Рода Шуваловых расположена десятью этажами ниже деловой и разительно от нее отличается. Дубовые панели на стенах, фиолетовые ковры на полу,

литые канделябры и огромные хрустальные люстры переносят в далекое прошлое, без небоскребов, огнестрельного оружия и вертолетов с автомобилями.

Плотно запахнув халат, я послушно следую за господином Конибродским. Наверное, со стороны я похож на заспанного подростка, которого выволокли из постели посреди ночи, напялили халат и тащат куда-то по бесконечным тускло освещенным коридорам.

Я ощущаю чудовищную усталость и больше всего хочу отключиться как минимум на сутки, спрятавшись от действительности и себя самого, но эта действительность настойчиво вторгается в сознание и гонит мысли по кругу.

Я бесшумно ступаю по мягким коврам и разглядываю череду огромных портретов импозантных мужчин в военной форме. Они висят на левой стене, каждый напротив окна. Персонажей на картинах объединяет аристократическая красота, мощная аура власти и цвет глаз. Их радужки ярко-фиолетовые. Эти же портреты еще недавно я рассматривал на интерактивной доске в Приюте.

Наконец, коридор заканчивается, и мы останавливаемся у резных дубовых дверей. По обе

стороны от них стоят похожие на недвижимые статуи мужчины в строгих черных костюмах. Выражение их лиц непроницаемо, а строгий стиль одежды диссонирует с классическим убранством помещений.

Кивнув невидимому собеседнику, охранники синхронно подходят к дверям, бесшумно отворяют их и вновь застывают в неподвижности. Конибродский почтительно склоняет голову и предлагает войти в кабинет изящным жестом. Делаю несколько шагов и погружаюсь в атмосферу элегантности и исторического величия.

Ступни утопают в высоком ворсе ковра, а сам я тону в ярких потоках света, льющихся из хрустальных потолочных плафонов. Прищуриваюсь и встречаюсь взглядом с горящими фиолетовым пламенем глазами Шувалова. Он как будто сошел с одного из портретов в коридоре: тот же массивный волевой подбородок, прямой нос и густые черные брови, та же надменность и тяжелый проницательный взгляд — смесь властности и холодной вежливости на породистом аристократическом лице.

— Здравствуй, Саша! — произносит он густым басом и одним слитным движением поднимается из кожаного кресла с высокой спинкой.

Игорь Всеволодович грациозно огибает массивный письменный стол и идет ко мне, широко расставив руки для объятий. Безукоризненно сшитый костюм из дорогой фиолетовой ткани прекрасно гармонирует с горящими двумя сапфирами глазами и подчеркивает достоинства тренированного мускулистого тела.

Глава Рода заключает меня в крепкие медвежьи объятия и заливает тонким ароматом дорогого парфюма и табака.

— Добрый вечер! — приветствую дежурной фразой в ответ.

— Присаживайся! — предлагает Шувалов, указывая на кресло, стоящее у приставного стола для совещаний.

Опускаюсь в мягкую кожу и откидываюсь на высокую спинку. На столе фарфоровые тарелки с холодными закусками, фруктами и конфетами, в центре высится бутылка коньяка и несколько бокалов. Только сейчас понимаю, что жутко голоден и с нетерпением жду начала трапезы.

— Давай выпьем за твое чудесное спасение! — торжественно Великий Князь, и его уста озаряет искренняя улыбка. — Хотя бы какая-то польза от содержания фамильных виноградников!

Не дожидаясь моего ответа, он начинает

неспешно разливать янтарный напиток в хрустальные бокалы. Я смотрю на тягучую ароматную жидкость и понимаю, что привычная словоохотливость куда-то пропала вместе с иронией. Хочу расслабиться, отдохнуть и выбросить из головы навязчивые мысли.

— За новую жизнь, добро пожаловать в Великий Род Шуваловых! — с чувством произносит Игорь Всеволодович и протягивает мне бокал.

Принимаю коньяк из рук Князя и замечаю надпись «Шуваловский» на граненой хрустальной бутылке. Скромное обаяние аристократии уже не удивляет и не вызывает отвращения. Я воспринимаю ее в качестве дополнительной декорации в следующем акте пьесы, одну из ролей в которой предоставили мне.

Мы чокаемся, отдавая дань древней традиции. Крепленый янтарь виноградной лозы вышибает слезы из глаз и даже бодрит — тревожные мысли слегка отступают. Князь пьет маленькими глоточками, смакуя драгоценный напиток и осуждающе сморит на мой быстро опустевший бокал. Тем не менее наливает мне еще порцию и ободряюще кивает.

Второй бокал я цежу медленно, копируя манеры Великого Князя. На его лице возникает

выражение одобрения и расслабленности. Глава Рода смотрит на меня задумчиво, не моргая, и я не прерываю затянувшуюся паузу. Молча поглощаю балык, осетрину и розетки с черной и красной икрой. Моя задача — получать информацию, а не заполнять эфир пустой болтовней.

— Держи сувенир, — наконец, нарушает тишину Князь и бросает на стол состаренную бумагу, украшенную вензелями. — Счет из Яра за взорванный комод. С почином тебя! Теперь ты чистокровный аристо не только по происхождению, но и по манерам! Есть чем хвастать в компании других молодых повес!

— Чистокровный аристо по происхождению? — уточняю я, выгнув бровь. — Это новая легенда? Теперь агент Симпа играет за другую команду и под другим именем?

Старик вертит в руках почти опустевший бокал и не отводит от моего лица внимательный взгляд темно-фиолетовых глаз.

— Спишем твою злую иронию на усталость и стресс, — отвечает он. — Ты же проделал оговоренную нами домашнюю работу?

— У меня есть гипотеза, — киваю я. — Все воспитанники Приюта — не просто носители крови цветных аристо, седьмая вода на киселе, а ба-

старды глав и сильнейших наследников Великих Родов?

Предположение о том, что их посылают не убивать, а попытаться влиться в ряды высших аристо, я пока не озвучиваю. Мои покушения на Шувалова в этом контексте предстают в невыгодном для меня свете.

— Браво! — восклицает Князь и хлопает в ладоши. — Неужели эта очевидная мысль ни разу не приходила в твою светлую голову?

— Приходила, — пристыженно соглашаюсь я. — В детстве, когда хотел стать одним из вас…

— Тогда следующий тост — за сбывшиеся желания! — Шувалов разливает очередную порцию «Шуваловского» и вручает бокал.

Я чувствую, что пьянею, но от коньяка не отказываюсь. В Приюте нас, будущих агентов, учили пить и при этом не терять контроль над собой. Впервые в жизни хочу нарушить выжженные на подкорке правила и как следует напиться, чтобы вывалиться из опостылевшей реальности хотя бы на время.

— Ты — аристо, Саша, самый что ни на есть! — с пафосом говорит Князь, пристально глядя мне в глаза. — В твоих венах течет кровь Рода Шуваловых!

В уголках глаз Князя поблескивают слезы, а я не чувствую ничего. Ни по отношению к нему, ни по отношению к Роду, ни по отношению к себе. Мне кажется, что я не принадлежу к окружающей действительности и являюсь лишь сторонним наблюдателем в чуждом мне мире. Мы чокаемся тонкостенными бокалами, и я опрокидываю в себя следующую порцию тягучего пряного напитка.

В раннем детстве я всегда мечтал стать аристо. Грезил об этом днем и ночью, наделял себя придуманными сверхспособностями и запутанной родословной, уходящей корнями к великим предкам. Часами пялился в зеркало и пытался разжечь в радужках хотя бы жалкую искру.

Мечты сбылись, но лишь наполовину. Если Шувалов не врет, то я, действительно, аристо. Аристо и бездарь в одном лице. Ужасное сочетание. Калека, обиженный судьбой и вынужденный всю жизнь быть своим среди чужих и чужим среди своих. В лучшем случае — серый, годный лишь к службе в многомиллионной имперской армии.

Глаза застилает предательская влага, и я убеждаю себя, что это от коньяка. Как за якорь цепляюсь взглядом за портрет в резной позолоченной раме, висящий над письменным столом Князя.

Седеющий мужчина в парадной императорской форме пронзает взглядом пространство перед собой, и я понимаю, что уже видел эти зеленые глаза и властную усмешку на порочном лице Цесаревича.

— Рад, что ты жив! — мягко произносит Князь, выдергивая меня из раздумий. — Честно говоря, я уже и не надеялся…

— Кровь Рода в моих жилах — главная причина, по который вы со мной возитесь?

— Одна из! — Шувалов кивает.

— У меня есть право выбора? Я могу уйти на все четыре стороны и начать жизнь заново?

— Есть, но лишь до тех пор, пока не вступишь в Великий Род официально. После этого твоя судьба будет принадлежать не только тебе, — произносит Великий Князь, допив свою порцию. — Никаких одиночных заданий! Никаких выходов в свет без охраны, рискованных авантюр и поисков приключений на тощую задницу! Никаких девок сомнительного происхождения и друзей из низов!

Глава Рода заканчивает тираду на высокой ноте, и я чувствую, как от его насыщенного обертонами голоса вибрирует бокал в моих пальцах. Князь ждет от меня какой-то реакции, по всей

видимости, отчаянного и эмоционального протеста, а мне все равно. Сознание захлестывает отрешенность, и я покорно киваю.

— Кстати, насчет девок я позаботился, — уже спокойнее говорит Шувалов и подмигивает, в его голосе звучат нотки смущения. — Не превращать же тебя в монаха!

На меня накатывает опьянение, и слова Игоря Всеволодовича скользят по краю сознания, не порождая глубокого интереса. Озвученные запреты и трогательная забота не вызывают во мне отклика, потому что я еще не решил: быть или не быть марионеткой в руках очередного кукловода.

— На сегодня хватит серьезных бесед, продолжим завтра! — зычно произносит Князь и энергично встает с кресла. — Тебе нужно отдохнуть, расслабиться и прийти в себя!

— Я бы поспать не отказался! — пытаюсь вяло протестовать, не особо надеясь на успех.

— Поспать еще успеешь! — Князь широко улыбается и снова подмигивает.

Он огибает стол, оборачивается и жестом приглашает следовать за ним. Выхожу из кабинета, и снова оказываюсь в украшенном портретами Шуваловых коридоре. Мы следуем в противоположный его конец и, миновав еще пару

охранников у дверей, возвращаемся в предоставленные мне апартаменты.

Теперь их заливает яркий свет. Украшенные замысловатыми вензелями обои, мягкие ворсистые ковры и кожаные диваны наполняют помещение различными оттенками фиолетового цвета. Он отражается в хрустальных подвесках потолочных люстр и настенных светильников и делает их похожими на россыпь огромных ограненных сапфиров.

На широком диване сидят две юные китаянки в красных кимоно, а у дальнего выхода застыла пара китайцев в черных деловых костюмах поперек себя шире. При виде меня девушки улыбаются, одна из них наклоняется к другой, что-то шепчет ей на ухо, и гостиную заполняют серебристые колокольчики звонкого смеха.

— Мастерицы китайского массажа, — заговорщицким тоном сообщает мне Шувалов.

— Из российской ветви династии Ву! По-русски ни бельмеса не понимают, так что расслабься и получай удовольствие!

— Вы проституток мне заказали, Ваша Светлость? — с иронией спрашиваю я и картинно выгибаю бровь. — И эти квадратные парни — они только смотреть будут или присоединятся?

— Всему вас, молодежь, учить нужно! — ворчит Шувалов. — Девушки — не проститутки, а массажистки! Традиционный китайский массаж! Отдайся в их шаловливые ручки, а свои держи при себе — девчонок трогать нельзя. Если станешь лапать или снасильничать захочешь, мигом позовут охранников, и массаж превратится в избиение!

Ситуация мне не нравится, но внутренний протест слишком слаб — коньяк и нарастающее возбуждение делают свое дело. Намечается забавная присяга Великому Роду — в руках не то проституток, не то массажисток, не то два в одном сразу…

— Саша, просто расслабься, — уже серьезно говорит Князь и кладет руку мне на плечо. — Отбрось все тревожные мысли и наслаждайся моментом! А потом выспись как следует — завтра у нас будет много дел и важных разговоров!

Одарив девушек лучезарной улыбкой, Шувалов уходит, а я остаюсь. Возмущаться, протестовать и оскорбленно надувать губы куриной гузкой не хочется. Приятный подарок, если подумать. Прощальным он окажется или нет, я решу завтра, а пока широко улыбаюсь девушкам и подмигиваю.

Красавицы мгновенно оказываются рядом и берут меня за руки. Близняшки, понимаю я, разглядывая точеные, практически идеальные лица. Головорезы в черном как по команде разворачиваются и исчезают за широкими резными дверьми, а юные прелестницы ведут меня в мою же спальню.

Ее я даже рассмотреть толком не успел, хотя и проспал в ней почти сутки. В помещении царит тяжелый, осязаемый полумрак, который разгоняет пара хрустальных светильников на стенах. Мы проходим мимо кровати невероятных размеров с зеркальным потолком над ней и оказываемся в ванной.

Девушки мило улыбаются и снимают с меня халат. Хихикают при виде моего вздыбленного естества, и я краснею как девица на выданье. Снова берут меня за руки и ведут к душевой кабине, в которой легко поместились бы не только мы втроем, но и еще несколько человек. Шелковые халатики соскальзывают с их миниатюрных плеч и открывают взору тела не менее совершенные, чем лица.

Мы заходим в стеклянный аквариум, китаянки берут в руки заранее приготовленные мочалки и трут мое тело, одна, стоя за спиной, вторая

— передо мной.

Провожу разведку боем и нежно касаюсь ладонью щеки одной из девушек. Она хмурит брови и отрицательно качает головой, затем неожиданно сильно сжимает мое запястье и опускает руку вниз.

Я запрокидываю голову, подставляя лицо под струи горячей воды, и отдаюсь приятному во всех отношениях процессу. Через некоторое время девушки снова берут мои ладони в свои и ведут к встроенной в мраморный пол ванне-джакузи.

Мы садимся в насыщенную ласкающими пузырьками воздуха и ароматами эфирных масел воду, и процедура продолжается, на этот раз без применения мочалок. Я полулежу в горячей воде, облокотившись спиной на тела юных нимф, и четыре ладошки нежно массируют мою голову и плечи.

Я расслабляюсь, и возбуждение немного спадает, но лишь на время — до того момента, когда мы перемещаемся обратно в спальню. Меня укладывают на живот и начинается обещанный Князем традиционный китайский массаж.

Расположившись по бокам от меня, девушки втирают в мою кожу ароматические масла. Отработанными движениями разгоняют кровь по

мышцам спины и ног, не забывая уделять внимание ягодицам и внутренним сторонам бедер, отчего возбуждение усиливается и ослабевает волнами в такт синхронным движениям сильных ладоней.

Когда кожа начинает гореть от жарких прикосновений, девушки принимаются за мышцы. Возникает ощущение проникновения сильных пальцев под кожу, временами сладкая истома переходит в легкую боль, и тревожные навязчивые мысли, непрерывно крутящиеся в голове, отступают. Я погружаюсь в состояние, похожее на транс, и кажется, что сознание отделяется от тела и воспаряет под зеркальный потолок.

Девушки переворачивают меня на спину и продолжают священнодействовать. Прищурив веки, я вижу в зеркале над головой две гибкие фигурки по бокам от себя, и руки, порхающие над моим телом. Они старательно обходят стороной пах, выверенными движениями рисуя вокруг него сужающиеся круги, отчего возбуждение нарастает и становится нестерпимым.

Наконец, одна из нимф нежно прикрывает мои глаза и кладет горячую ладонь на лобок, а вторая начинает массаж промежности. Я погружаюсь в нирвану наслаждения, и меня одолевают про-

тиворечивые желания: превратить процесс в бесконечный и закончить его как можно скорее.

Сладкая пытка в четыре руки продолжается долго. Меня доводят до грани, безошибочно угадывая момент, когда нужно остановиться, затем следуют расслабляющие ласки, и все начинается снова.

По прошествии многих минут, часов или тысячелетий я взрываюсь, дергаясь всем телом, выгибаюсь в пароксизмах страсти и замираю, обессиленный и умиротворенный.

Понимаю, что вряд ли высплюсь этой ночью, но блаженно улыбаюсь, не открывая глаз.

Глава 11 — Побег от себя

Завтракает Князь рано, как и просыпается. На часах шесть утра, а Родовая Башня уже гудит словно улей. Мы расположились в малой столовой, которая примыкает к кабинету Главы Рода и обычно служит для проведения деловых встреч. Слуги отосланы, окна затемнены, а контуры кабинета отсвечивают фиолетовым цветом — Князь поставил звуконепроницаемый барьер.

Игорь Всеволодович хмур и молчалив, он — в фиолетовом классическом костюме, а я — в майке и джинсах, которые мне доставили только что. Глава Рода споро поглощает обильный завтрак и бросает на меня задумчивые взгляды из-под густых кустистых бровей. Я с трудом съедаю пару ванильных сырников и запиваю их ароматным травяным чаем. Прошедшая бурная ночь напоминает о себе легким похмельем, опустошенностью и сладкой истомой внизу живота.

— Сюрприз от мадам Ву порадовал?! — прерывает молчание Великий Князь. — Мог бы и поблагодарить!

— Благодарю покорно, Ваша Светлость! — язвительно отвечаю я и чувствую, что краснею. — Но повторять не стоит!

— Почему? — спрашивает Шувалов и его глаза округляются от удивления. — Мадам сообщила, что ты хорошо развлекся и остался очень доволен, мне даже пришлось дополнительное время оплачивать! И не волнуйся, камеры были выключены!

— Ответьте — зачем вы прислали этих девок, только ответьте честно?!

— Я просто тебя проверил, — простодушно отвечает Князь и широко улыбается. — И ты оправдал ожидания!

— Проверили что? — взрываюсь я, не в силах сдержать гнев. — Мою ориентацию, размер или сексуальные возможности?

— Не кипятись, Саша! — просит Князь и поднимает руки в знак примирения. — Во-первых, хотел, чтобы ты расслабился и хотя бы на время выбросил все это дерьмо с покушениями из головы…

— А во-вторых?!

— Хотел убедиться, что ты обладаешь необходимыми, гм, кондициями и выносливостью, — Шувалов подмигивает и салютует мне чашкой

с дымящимся кофе. — Член для агента-мужчины не менее важный инструмент, чем пистолет или автомат!

— Может мне отчитываться о каждом утреннем стояке и ночном рукоблудии? — цежу я сквозь зубы, с трудом сдерживая желание уйти, громко хлопнув дверью.

— Не надо — теперь я знаю, что твое либидо на высоте! — Князь иронично усмехается. — Кстати, вчера вечером ты не протестовал и не возмущался!

— Вы меня напоили! — пытаюсь оправдаться я.

— Саша! — обращается ко мне Князь и делает театральную паузу. — Вечером ты сам желал оказаться в руках этих прелестниц!

Хочу стереть ироничную улыбку и хитрый прищур с надменного лица Князя, но в глубине души понимаю, что он прав. Вчера я дал слабину, и это не достойно профессионала. А сегодня не верю натянутым объяснениям и мнимой заботе о моей сексуальной удовлетворенности — Шувалов прислал ко мне китаянок с более серьезной целью, чем проверить сколько раз я могу за ночь.

— Не казни себя, мой мальчик, и не переоценивай невинное развлечение, — будто прочитав

мои мысли, продолжает старик, наклоняется вперед и кладет руку мне на плечо. — Просто лови момент! Поверь мне, уже через несколько лет ты будешь умиляться собственной наивности и вспоминать свои нынешние переживания с ностальгической улыбкой на лице!

— Возможно! Но сейчас я не хочу быть слепой марионеткой в ваших руках! Я был пленником в Приюте, а теперь — здесь! В чем разница?

— Ты — чистокровный аристо, Александр! Я предлагаю тебе стать полноценным членом Великого Рода и со обрести Дар!

— Я должен заглотить эту наживку? — уточняю я с самым что ни на есть невинным выражением лица. — А обрести Дар мне помогут девочки мадам Ву?

— Не веди себя, как обиженный подросток! — Шувалов хмурится. — Мне нужен агент под прикрытием Рода, способный плести интриги самостоятельно, а не путаться в чужих! Спать с женщинами, если необходимо! И делать это виртуозно, очаровывая и подчиняя их!

— Значит, я — будущий фиолетовый маг и куртизанка в брюках по совместительству? — из меня прет сарказм. — И буду спать с высокородными аристо для контроля над их мужьями или

получения информации?

— Да, если решишь, что это в интересах Рода! — отвечает Шувалов с невозмутимым лицом и, наконец, убирает руку с моего плеча. — А ты бы предпочел убивать по приказу?

— Я бы предпочел не знать ни ваш Великий Род, ни Приют! — шиплю я и грохаю чашкой по столешнице.

— Хорошо! — коротко говорит Шувалов и открывает сейф.

Я чувствую неприятный холодок внизу живота и ожидаю увидеть перед глазами провал пистолетного дула. Глупость, конечно, Князь может уничтожить меня простым усилием воли, но все происходящее слишком похоже на плохой комикс!

— Ты свободен, агент Симпа! — Князь бросает на стол имперский паспорт, смартфон, детскую метрику, аттестат и даже медицинскую карту.

Гневный возглас Шувалова я воспринимаю лишь краем уха, мое внимание сосредоточено на обгорелой метрике. Точнее, на детской голографии в ее левом углу. Беру в руки плотный лист картона и понимаю, что мои пальцы ощутимо дрожат.

С фото на меня смотрит улыбающийся вихра-

стый мальчишка лет семи или восьми с огромными фиолетовыми глазищами в пол-лица. Справа под отпечатанной жирным шрифтом надписью: «Выборгский сиротский дом» красуется выведенное каллиграфическим почерком имя: Шувалов Александр Игоревич.

— Удивительное совпадение! — замечаю я, пряча волнение за сарказмом. — Отчество, да еще и фамилия?!

— Я не твой отец, если ты об этом! — Князь с усмешкой вскидывает руки.

— Это подлинник? — спрашиваю я, подавляя предательскую дрожь в голосе.

— Несколько дней назад Темные сожгли огромный район в Приграничье, в окрестностях Выборга. В том числе и сиротский приют. Не выжил никто: ни воспитанники, ни преподаватели, — Шувалов пожимает плечами. — Этот парень был примерно твоего возраста и очень похож на тебя — идеальная легенда!

— Фотография подлинная, или ваши умельцы постарались?

— Говорю же тебе — все чисто, комар носу не подточит!

Меня бросает в холодный пот. Это лицо я знаю, как свое, потому что оно и есть мое. Из глубин

памяти начинают всплывать размытые обрывки образов и воспоминаний, жуткое прошлое, которое я хочу забыть навсегда.

— А имя? — спрашиваю я, уже не скрывая волнения.

— Тоже подлинное, — Шувалов пожимает плечами. — Видимо, чей-то бастард из нашего Рода, как и ты. Паспорт парень получить не успел.

— Поразительное совпадение! — повторяю я и открываю книжицу с тисненым двуглавым орлом на обложке.

В паспорте те же данные, но голографическое фото мое — его сделали уже здесь, в Родовой Высотке Великого Рода Шуваловых.

— Ты выжил случайно — сбежал из выборгского приюта как раз перед атакой, — Шувалов воздевает руки к потолку. — И Великий Род в моем лице примет тебя в свои ряды. С должной помпой и пафосом — даже в «Имперском Вестнике» и «Телеграфе» пропечатаем. Проявим уважение к жертвам немотивированной агрессии Темных, и обеспечим тебе железобетонную родословную. Великие Рода начнут копаться в твоем прошлом, но не найдут ничего подозрительного: все документы и архивные записи в полном порядке! Позже изучишь их, вызубришь имена преподава-

телей и одноклассников, проверишь их страницы в «Телеграфе», придумаешь несколько историй или возьмешь из собственной жизни — не мне учить тебя создавать законченный образ! Твоему выдуманному рассказу о прошлом в Выборгском сиротском доме должен поверить сам маэстро Станиславский!

Пристально смотрю в горящие весельем фиолетовые глаза Князя. Либо он знает, что детская метрика моя, и играет со мной, как кот с мышонком, либо не обладает всей полнотой информацией.

— О родителях этого пацана что-нибудь известно?

— Нет! — Шувалов отрицательно качает головой. — Самому интересно — кто они!

— Вдруг объявятся и не признают во мне родного отпрыска?!

— Исключено! — успокаивает меня Шувалов. — В приюте воспитывались только полные сироты!

Лицо Князя непроницаемо, и мне хочется ему верить. Нужно же верить хотя бы кому-то, пусть «Кодекс Агента» и требует не доверять никому.

— Предположим, я принимаю ваше предложение, — нехотя выдавливаю из себя я. — Что дальше?

— Будем шлифовать неграненый алмаз: учить аристократическим манерам, готовить к Инициации и обучению в Императорской Академии! — Шувалов вальяжно потягивается в кресле. — Если будет необходимо, приставим к тебе преподавателей, и через месяц ты сам себя не узнаешь!

— И какова плата за столь щедрое предложение?

— Сущий пустяк! — Шувалов картинно пожимает плечами. — Внедриться в общество золотой молодежи Российской Империи!

— И это все?! — моему деланному удивлению нет предела. — Я думал, что нужен вам в качестве приманки для Приюта и источника информации о нем…

— Не возражаешь, если я закурю? — спрашивает Шувалов, подняв брови.

— Курите, переживу! — на этот раз плечами пожимаю я. — Но сразу предупреждаю: учителей Приюта я сдавать не буду!

— Об даже речи нет! — Князь морщит лоб и раскуривает трубку. — Твоя основная цель — стать своим в высшем обществе аристо! Это очень сложно, поверь мне! Сложно даже для наследника Великого Рода, а ты пока лишь принятый в Род

сирота, да еще и бездарь!

От моего внимания не ускользает оговорка «пока». Шувалов замолкает и пристально на меня смотрит. Это намек на блестящее будущее, дешевая приманка или простая проверка на внимательность? Делаю вид, что пропустил оговорку мимо ушей.

— Что с Приютом?

— С ним все хорошо! Наверное, строят очередные козни. Мы все еще не понимаем их стратегических целей и потому не трогаем, — Великий Князь затягивается ароматным дымом и направляет на меня мундштук трубки. — Установление имен спонсоров и кураторов Приюта на повестке, будешь работать над этим, чтобы не утратить навыки полевого агента. Для Приюта ты не менее важная цель, чем аристо, против которых вы работали. Учти это, если выберешь полную свободу!

— Вы шантажируете меня?!

— Наоборот — пытаюсь защитить и предостерегаю от необдуманных поступков! — заверяет меня Шувалов. — Я очень надеюсь, что ты пройдешь Инициацию и обретешь Силу!

— А если не пройду?

— Это практически исключено! — Шувалов

подмигивает. — Но если не пройдешь, будешь и дальше прозябать бездарем. Блестящие великосветские перспективы для тебя закроются. Станешь по моей протекции мелким служащим Тайной Канцелярии…

— Очень мотивирует…

— Твоим куратором будет уже известная тебе Ольга Трубецкая, надеюсь, для тебя это более возбуждающий мотиватор? — Шувалов лукаво улыбается. — В ее обязанности входит обучение аристократическим манерам и ядовитым словесным дуэлям. В качестве факультатива можете заняться изучением тонкого великосветского разврата на практике.

— Я могу отказаться от факультатива?

— Твое право! — Шувалов кивает. — Щедрый Разделенный одарил тебя сразу двумя руками!

— Шутка, достойная Главы Великого Рода, — зло бросаю я. — А учить манерам почему-то будут меня!

— Я вызывал на дуэли и за меньшие дерзости, — парирует Князь улыбаясь. — Объясни, Разделенного ради — что тебя не устраивает?

— Не люблю, когда мной откровенно манипулируют!

— И в мыслях не было! — Шувалов подмиги-

вает и прикладывается к мундштуку. — Просто пытаюсь заманить тебя в Великий Род, а ты ломаешься, как юная институтка!

— Я не знаю истинных причин, которые двигают вами, и потому ищу подвох в каждом действии, — теперь мой голос звучит спокойно, даже безразлично. — А еще не понимаю: в чем причина столь всеобъемлющего доверия? Я же могу вас убить или использовать свое положение и новые знания для поддержки Приюта!

— Ты уже имел возможность меня убить! Трижды! — напоминает мне Шувалов с сарказмом. — Я верю тебе, Саша!

— А я вам — нет!

— Это означает отказ? — спрашивает Великий Князь с неприкрытой угрозой в голосе.

— Мне нужно подумать!

— Хорошо! — Шувалов кивает. — Но есть одно пожелание!

— Какое?! — выдыхаю я, сжав кулаки и выскочив из-за стола.

— Одевайся на завтрак с Главой Рода подобающе, а не в эти плебейские лохмотья!

— Пройдусь по магазинам сегодня же! — заверяю я Князя и покидаю его домашний кабинет.

Путь в свои покои я проделываю в молчании.

Висящие на стене портреты великих предков не внушают благоговения, хотя мне отчаянно хочется узнать чей именно я бастард. Желание абсолютно иррациональное, потому что знание это не даст мне ровным счетом ничего.

Захожу в гостиную, плюхаюсь в мягкое кожаное кресло и закрываю глаза. Перед мысленным взором возникает родословная Шуваловых, и я пытаюсь представить свое фото среди других. Если приму предложение Великого Князя и стану частью могущественного рода, то буду для Приюта еще более желанной целью.

Он удвоит или утроит усилия, направленные на мое уничтожение. Но, учитывая поддержку Шувалова и Тайной Канцелярии, шансы спастись при этом раскладе ненулевые. Если же не приму — меня убьют со стопроцентной вероятностью, не приютские, так шуваловские.

Чувствую себя загнанной в угол крысой, как и все восемнадцать лет моей жизни.

— Тьма вас всех забери! — кричу я в пустоту, вскакиваю с кресла и начинаю мерить шагами гостиную, как тигр в клетке.

Я аристо, да еще и член Великого Рода. Еще несколько лет назад, не задумываясь, отдал бы за эту возможность половину жизни, а сейчас тону

в сомнениях и переживаниях. А все потому, что это — подарок судьбы. Не вырванный зубами, на завоеванный, не купленный, наконец, а неожиданно свалившийся в руки.

От размышлений меня отвлекает тихий стук в дверь. Я открываю тяжелую створку и встречаюсь взглядом с красавицей, которую первый раз увидел в приемной Шувалова, а второй — в ресторане Яръ.

Внимательные синие глаза юной княжны Трубецкой слегка прищурены, а на губах играет полуулыбка. На ней приталенная синяя блуза, выгодно подчеркивающая размер груди, и узкие джинсы. Мы одеты под стать друг другу.

— Ольга Юрьевна Трубецкая, — официально представляется девушка и протягивает руку.

— Александр Игоревич Шувалов, — представляюсь в ответ, склоняюсь перед дамой, беру в руку ее ладонь и целую воздух над ней.

— Церемониал выполнен, можно войти? — деловито интересуется княжна.

— Конечно! — я киваю и пропускаю ее в гостиную.

Ольга проходит мимо, и меня окутывает смесь нежных цветочных ароматов и горной свежести.

— Новые духи от Цветаевой, — уведомляет ме-

ня она. — Чуть позже мы с вами изучим модные тенденции на рынке парфюма.

— Присаживайтесь! — указываю на кресло и утопаю в противоположном.

— Я все еще в ожидании приглашения на кофе, — сообщает мне Ольга игривым тоном, заложив ногу за ногу.

— Допускает ли это формат отношений учитель-ученик? — невинно интересуюсь я, бесцеремонно глядя в декольте блузы.

— У нас еще нет отношений, мой дорогой Александр Игоревич! — Трубецкая подмигивает, продолжая флиртовать.

— Еще? — я вскидываю бровь и натягиваю на лицо многократно отрепетированную неотразимую улыбку. — Вы видите перспективу их возникновения?

— Контракт нас в этом не ограничивает! — многозначительно сообщает мне Ольга. — Но он и не обязывает!

— Какие-то ограничения в договор заложены? — уточняю я. — Качественные или количественные?

— Временные, — произносит Ольга с легкой хрипотцой в голосе. — Я в вашем распоряжении с десяти утра и до десяти вечера.

— Без выходных?

— Без выходных и праздничных дней! — девушка кивает и облизывает губы.

— Боюсь, что ежедневные двенадцатичасовые нагрузки будут тяжелы даже для меня! — я подмигиваю, продолжая игру.

Ольга кивает и выражение ее лица меняется. Взгляд становится жестким, черты лица заостряются, а поза меняется на более строгую.

— Поддерживать светские пикировки для вас не составит особого труда, но мы будем оттачивать искусство бесед с двойным и тройным дном в процессе ежедневного общения! — сообщает Ольга Юрьевна ровным бесцветным голосом.

— Я еще не принял окончательное решение, — уведомляю я не менее равнодушным тоном.

— Что не решили, Александр Игоревич?!

— Подписывать ли контракт с Великим Родом!

— Я ожидаю приглашения на кофе вне зависимости от вашего решения! — мягко произносит Трубецкая, улыбаясь. — В свою очередь обещаю помочь с выбором гардероба!

— Приглашение обязательно последует, Ольга Юрьевна, — заверяю девушку я, — но сейчас мне бы хотелось…

— Я как раз собиралась откланяться! — княжна

грациозно встает с кресла. — Искренне рада более близкому знакомству!

Провожаю девушку до двери гостиной, достаю из тайника, обустроенного в ванной Осколок и надеваю его на шею. Сгребаю со стола документы и смартфон, кладу пару маек и брюк в рюкзак и выхожу из апартаментов. Через несколько минут я беспрепятственно покидаю родовую высотку Фиолетовых. Останавливаюсь на набережной Москвы-реки, оборачиваюсь и задираю голову. Мне кажется, что в окне кабинета Великого Князя я вижу его темный силуэт.

Глава 12 — Первое покушение на меня

Торговый Центр Аурум заполнен до отказа. Лавируя между броско одетыми представителями золотой молодежи, иду на фудкорт. Ловлю на себе заинтересованные взгляды девушек, но настроения флиртовать нет.

Заказываю двойной кофе по-османски и сажусь за столик, расположенный около огромного панорамного окна. Высотка Фиолетовых призывно светится в вечерней тьме, и при взгляде на нее меня начинают терзать сомнения.

Я ушел от Шувалова и бросился в бурные воды мнимой свободы, которой на самом деле не существует. Плата же за эту абстрактную свободу вполне материальна: теперь помимо приютских за мной будут охотиться агенты Тайной Канцелярии. Возможно, они уже ведут меня от самой Родовой Высотки.

Внимательно разглядываю отражение заполненного людьми зала в стекле, но не замечаю в броуновском движении посетителей ничего подозрительного. В стильных зауженных джинсах

от Пуаре и черном худи с золотым двуглавым орлом на груди я и сам кажусь ее органичной частью.

Достаю из рюкзака пахнущие типографской краской документы и уже в который раз разглядываю паспорт. Теперь я Александр Игоревич Шувалов вполне официально. Еще не полноправный член Фиолетового Рода, но обладатель знаменитой на всю Россию фамилии. Цветная пластиковая голография подобна отражению в зеркальце, из которого я гляжу на себя с привычным ироничным прищуром.

Теперь я не призрак, временами появляющийся на просторах Империи, чтобы выполнить очередное задание Приюта, а вполне добропорядочный гражданин России. У меня даже смартфон есть с верифицированным телефонным номером, вот только справочник контактов пуст. Как, впрочем, и банковский счет.

Идти мне некуда: в Приют возвращаться нельзя, а к Шувалову — не хочется. Любой парень скажет мне, что я дурак, едва увидев Ольгу Трубецкую, а если узнает о ее наставнических обязанностях — упечет в психушку, чтобы я не позорил род мужской.

Усмехаюсь собственным мыслям и втягиваю

ноздрями терпкий аромат крепкого кофе. Делаю маленький глоток, и густой маслянистый напиток обжигает губы, а мозг обжигает обостренное чувство опасности.

Откидываюсь на спинку стула и еще раз внимательно изучаю отражение ситуацию в зале. На первый взгляд, все осталось по-прежнему: очереди в кафе, хаотичные перемещения посетителей по фудкорту, низкие воркующие голоса парней и звонкий смех девушек.

Погружаюсь в состояние, похожее на транс, очищаю разум от лишних мыслей и сосредотачиваюсь на происходящем вокруг меня. Анализирую пространство, делая его мысленные снимки через равные промежутки времени. Через несколько минут хаос начинает обретать форму: поток стабильно огибает три локации, одна из которых расположена у входа на фудкорт, вторая — у коридора, ведущего в туалеты, а третья — справа от меня на границе периферийного зрения.

Выныриваю из нирваны и залпом допиваю кофе. Горло обжигает терпкая горечь, я кривлю губы, но не из-за эфирных масел арабики. Состав троицы мне известен, к гадалке не ходи. Неужели Приют нарушил собственное правило и послал

на операцию троих, а не одиночку?

Мои друзья не рискнут схлестнуться со мной на близкой дистанции, я положу их всех. Они будут действовать на расстоянии. Пронести в Аурум металл невозможно: на входах и выходах проверяют так же тщательно, как в аэропорту. Значит, холодное оружие или бытовые предметы двойного назначения.

Мина наверняка расположилась у входа, среди нескольких подростков в дорогой мешковатой одежде и широкополых цветных шляпах. Под безразмерным балахоном спрятан пластиковый игломет, а в панаме — оперенные иглы.

Цаца прячется в тихой компании пожилых бабулек. Они собрались вокруг импровизированной тропической клумбы и самозабвенно вяжут на спицах, обсуждая последние светские новости.

Карась находится среди молодых аристо с выкрашенными во все цвета радуги волосами. В их кожаные куртки с множеством металлических заклепок и накладок вполне можно спрятать метательные ножи и диски.

Будь я на их месте, действовал бы совершенно иначе. Цацу и Мину отправил бы в магазины по обе стороны от единственного коридора, ведуще-

го на фудкорт, а сам устроил бы засаду в туалете. Во-первых, это помешало бы жертве вычислить убийц, а во-вторых, позволило бы убить ее тихо, не создавая паники.

Быть может, очередное громкое убийство — и есть их цель, я же теперь аристо? Нет, вряд ли, это слишком надуманно. Бездари, пусть и с громкими фамилиями, Приюту не интересны. Их смерти не обеспечивают необходимый общественный резонанс. Тогда для чего подобные сложности? Можно было застрелить меня по пути в Торговый Центр или на выходе из него.

Убить в толпе непросто. И дело даже не в неизбежных сопутствующих жертвах. Люди вокруг — живой щит, которым можно прикрыться и избежать смерти. Нас этому учили, вот только мои друзья прекрасно знают, что я так не поступлю.

Неспешно встаю из-за стола и подхожу к панорамному окну. Залитое вечерними огнями и заполненное машинами Садовое Кольцо олицетворяет собой символ вечного движения — Москва никогда не спит.

Поднимаю руки на уровень груди и прикладываю ладони к стеклу. В трех выделенных мной локациях активности нет, никто на фудкорте не реагирует на мое движение. Неужели я ошибся?

Или агентов здесь гораздо больше, и троица лишь отвлекает внимание?

Есть еще один вариант — мои убийцы не из Приюта, а из Рода Шуваловых, но он выглядит слишком эксцентрично. Проще было погрузить меня в стазис еще в высотке, а затем убить и тихо избавиться от тела.

Выстрелы раздаются неожиданно. Сначала я вижу вспышки на крыше дома напротив, а затем толстое стекло перед глазами вспухает белыми язвами. Понимаю, что пулям его не пробить, и разворачиваюсь к улице спиной.

На мгновение вокруг воцаряется тишина, а затем пространство взрывают истошные вопли посетителей. Люди несутся к выходу, бросая вещи и снося столы и стулья на своем пути. Пули с глухими ударами бомбардируют окно, а я вместо того, чтобы ускользнуть вместе с толпой, остаюсь на месте.

Первой атакует Цаца. Спицы летят в меня одна за другой, и я с трудом уклоняюсь от них, танцуя на разбросанных по полу объедках. Каждый следующий бросок предвосхищает мои движения, и я едва ухожу из-под огня. Последняя спица вонзается в перевернутый стол справа от меня, я выдергиваю ее из рельефного пластика и

мечу назад. Цаца дергается от неожиданности, выгибается в попытке уйти в сторону, но с ее головы слетает парик. Она замедляется лишь на мгновение, но этого достаточно: спица пробивает ее плечо.

Морщусь от громкого всхлипа, хватаю стул и прикрываюсь им как щитом. Брошенный нож вонзается в сидение по самую рукоять и застревает. Отслеживаю быстрые движения рук желтоволосого парня в кожанке, и мечусь по залу, как бешеная белка. Часть клинков увязает в пластике, а часть врезается в стекло и колонны за моей спиной.

Фудкорт опустел, среди опрокинутых столов и стульев остаемся лишь мы втроем. Бывшие друзья приближаются — у них закончились метательные снаряды. Карась упакован в кожу и джинсы, а Цаца — в кринолин. Мины в мешковатой одежде нет — либо я ошибся, либо стрелок на улице — это она. Улыбаюсь и отбрасываю ненужный теперь стул в сторону.

— Привет, бастарды! — громко заявляю я. — У вас Испытание, не иначе?!

— Ты поразительно прозорлив! — с презрением отвечает Карась.

— Что вам наплел Шеф?! — деловито интере-

суюсь я. — Почему мое убийство превратилось в театральное представление?! Пуля в затылке или заточка в сердце решили бы проблему более эффективно!

— Предательство должно быть наказано! — твердо заявляет Цаца. — Показательно! В назидание будущим воспитанникам!

— Ах вот, в чем дело?! — искренне удивляюсь я. — Вы бы еще общевойсковую операцию организовали. Ну что ж, тогда приступим!

Я снова улыбаюсь, принимаю боевую стойку и делаю приглашающие жесты ладонями. На лицах бывших друзей нет радости. Уверенности в победе тоже нет. Есть решимость и злость пополам с презрением. Я очень хочу поделиться с ними правдой о Приюте и их судьбе, но понимаю, что это бесполезно.

Цаца и Карась атакуют одновременно — пара быстрых шагов вперед и синхронные удары в грудь левой и правой рукой соответственно. Сыгранная и незнакомая мне комбинация. Отскакиваю назад, уходя от атаки, и с трудом уклоняюсь от двух мощных замахов ногами.

Тьма им в зад, так и проиграть недолго!

Делаю ложный выпад в сторону Карася, смещаюсь вправо и бью Цацу в раненое плечо. Девушка

бледнеет и инстинктивно отшатывается назад, а мне в грудь прилетает ботинок Карася. Падаю на задницу и скольжу по полу, снося спиной стулья. Врезаюсь в окно и чувствую, что теряю обретенную опору — стекло идет трещинами и обрушивается на улицу.

Боли я не чувствую. Хватаюсь за декоративную хромированную трубу и избегаю падения вниз. На лице Карася торжествующая улыбка. В меня летит запущенный им стул, и я отбиваю его рукой. Вскакиваю на ноги и бросаюсь вперед — прочь от провала за спиной.

Подобно тарану, сбоку в меня врезается Цаца. Грудная клетка отзывается болью, мы падаем на пол, и в сантиметре от моей головы в плитку врезается ботинок Карася.

Ухожу перекатом и сторону, проворачиваюсь вокруг вертикальной оси и сбиваю парня с ног. Карась падает спиной на стул, его рыбьи глаза наливаются кровью, а из горла вырывается нечленораздельный вопль. Он делает обратное сальто и снова оказывается на ногах.

Сражение не похоже на тренировочное в зале. Мне отчаянно не хватает кинжала в руке и решимости нанести смертельный удар в мыслях. Я все еще считаю их друзьями — и Цацу, и Карася. Это

может стоить мне жизни, но рука не поднимается. Пока не поднимается.

Приютские молча стоят в нескольких метрах от меня. Цаца тяжело дышит, ее левый рукав промок от крови, а на бледном лице застыло выражение ненависти. Карась опустил голову и смотрит на меня исподлобья, как уставший боксер. Его кулаки крепко сжаты, а ноги напряжены — парень явно выбирает схему атаки.

— Представление пошло не по плану? — развязно интересуюсь я и улыбаюсь. — Может, разойдемся восвояси — и дело с концом?

— Дело закончится, когда ты сдохнешь! — цедит сквозь зубы Карась и сплевывает на пол кровь. — И давно ты на аристо работаешь?

— Я на них не работаю. А вы уже трупы! Вас убью либо я, либо Приют, либо аристо — иного не дано!

— Не зарекайся, Симпа! — звонко произносит Цаца. — Здесь не тренировочный зал!

Вдруг я понимаю, что мои бывшие друзья тянут время. Они дают возможность стрелку добраться в Аурум. Как раз сейчас, когда вокруг царит паника, пронести оружие внутрь Торгового Центра не составляет особого труда.

Накатывает гнев. Я не могу растоптать много-

летнюю дружбу, а Карась с Цацей готовы убить меня ради призрачных идеалов и потому, что им отдали такой приказ.

Мир стремительно обесцвечивается, а Осколок на груди нагревается. Сердце бьется все быстрее и быстрее, а звуки, наоборот, замедляются. Я будто погружаюсь в прозрачный кисель: воздух становится плотным и тягучим, а на грудь давит непомерная тяжесть. Тело окутывает неяркое мерцание, и я узнаю этот набор ощущений. Все как тогда, на крыше, во время первого покушения на Шувалова.

Карась с Цацей бросаются на меня, но их прыжки похожи на замедленное воспроизведение записей имперских чемпионатов по легкой атлетике. Две фигуры зависают в воздухе, будто подвешенные на ниточках, и медленно плывут ко мне. Движения рук и ног подобны плавным жестам пловцов под водой, а выражения лиц похожи на череду меняющихся голограмм.

Уклониться я даже не пытаюсь. Цацу встречаю мощным ударом ноги, и она, неестественно изогнувшись, летит назад. Хватаю стоящую рядом тумбу и запускаю его в Карася. Она сносит его словно кеглю, и парень скользит по плиткам фудкорта и оставляет за собой пустой проход,

сбивая столы и стулья.

Я выпустил пар и постепенно успокаиваюсь, глядя на медленно поднимающихся с пола друзей. Бывших друзей. В нынешнем своем состоянии я могу убить их двумя точными ударами, мое тело подобно идеально работающему механизму, а кровь кипит от наполняющей ее Силы.

Неужели именно так ощущаются первые проявления Дара? На что же тогда способны инициированные аристо, умеющие управлять Силой и поглощать ее из Кристаллов, амулетов и окружающего пространства? Должно быть, они чувствуют себя всемогущими!

Карась и Цаца уже на ногах. Их лица искажены от ненависти и боли, они медленно приближаются ко мне, сохраняя активные боевые стойки.

Закусываю губу и делаю шаг назад. Я не готов убить бывших друзей, хотя могу превратить их в месиво из мяса и костей несколькими ударами рук. Наверняка они не видят, окутавшее мою фигуру защитное силовое поле. Мои глаза не светятся, и я для них хорошо знакомый агент Симпа, которого можно победить — это получалось у них на тренировках примерно один раз из пяти.

Еще шаг назад. Я упираюсь спиной в колонну и отчетливо понимаю, что отступать некуда. В пря-

мом и переносном смысле. Игры закончились, и бой идет не на жизнь, а на смерть.

Трое охранников Аурума появляются неожиданно. Они целятся в нас из пистолетов и что-то истошно вопят. Я не могу разобрать слов, голоса звучат подобно звериному реву, а плавные замедленные жесты напоминают движения подводных пловцов.

Мои бывшие друзья медленно оборачиваются, а затем вместо того, чтобы сдаться, бросаются на охранников. Бросаются в их потоке времени, для меня окружающая реальность похожа на кадры замедленной съемки из блокбастеров студии Эйзенштейна.

Выстрелы пистолетов звучат как оглушающие протяжные разрывы. Я отчетливо вижу пули, вылетающие из нарезных стволов, и ухожу с линии огня.

Голова Карася взрывается как спелый арбуз, и он медленно валится под ноги охраннику бездыханным трупом. Цаца останавливается, как будто ударившись о невидимую стену, и с удивлением опускает голову, глядя себе на грудь. Она падает ничком, и ткань платья на ее спине окрашивается кровью.

Взгляды охранников останавливаются на мне.

Они отчетливо видят меня, лишь когда я стою без движения, но в белесого призрака тоже можно стрелять. Парни кричат что-то, наполняя пространство тяжелым гулом, и нацеливают на меня пистолеты.

Диспозицию меняет Мина. Она появляется за спинами бойцов и хладнокровно расстреливает их. В руках девушки многозарядный пистолет-автомат. Гильзы вылетают в сторону и, кружась в воздухе, медленно падают на гранитный пол.

Тела в черной форме дергаются, будто от ударов электрическим током, взмахивают руками и плавно оседают на пол.

Мина переводит взгляд на меня. Холодный и чужой взгляд. Перезаряжает оружие и идет навстречу. Мне хочется тряхнуть головой, зажмуриться, выпасть из похожего на комикс сна и проснуться в своей постели. Проснуться рядом с ней.

Мина медленно приближается. Я отчаянно хочу поговорить с девчонкой, но с учетом разной скорости течения времени, это невозможно. Снова делаю шаг назад. Затем еще один. И останавливаюсь. За спиной провал разбитого окна, а перед глазами провал пистолетного дула.

Мина застыла в паре шагов от меня с писто-

летом в вытянутых руках. Я могу убить ее за считаные секунды. Убить голыми руками. Изуродовать несколькими ударами и выбросить в окно словно изломанную куклу. Но я не двигаюсь и смотрю в зеленые глаза не моргая.

Она не нажмет на курок. Не должна. Не сможет.

Первый выстрел оглушает, словно удар раскатистого грома. Пуля врезается в грудь и отбрасывает меня назад. Второй и последующие сливаются в низкий утробный рев, и ребра взрываются болью. Мина яростно ревет, а я выпадаю в разбитое окно спиной вперед.

Словно за страховку, цепляюсь за ее взгляд. Взгляд любимой. Взгляд врага. Беспощадный и ненавидящий.

Я не могу разложить на буквы рвущийся из ее груди рев, но этого и не требуется. Я умею читать по медленно движущимся губам. И единственное артикулируемое ими слово мне хорошо знакомо: «Предатель»!

Пули одна за другой врезаются в мою грудь, но я не чувствую боли. Я падаю в пустоту спиной вперед. И внутри меня тоже пустота. Такая же, как в глазах Мины.

Глава 13 — Вынужденный выбор

Я падаю с десятиметровой высоты и врезаюсь спиной в козырек над главным входом в Аурум. Остаюсь жив лишь потому, что мое тело все еще покрывает полупрозрачное серое марево — Осколок на груди невыносимо жжет кожу. Смотрю в провал разбитого окна на четвертом этаже, ожидая увидеть силуэт Мины, но она не появляется.

Какое-то время лежу без движения, устремив взгляд в небо, а затем тяжело встаю. С рюкзака на спине осыпаются осколки стекла, а с груди — расплющенные в лепешки свинцовые пули.

Мир наполняется красками, время возвращает привычный бег, и приходит чудовищная боль. Она безжалостно вгрызается в грудь стальными когтями и разрывает ее на части. В глазах темнеет. Я делаю несколько шагов к краю крыши и смотрю вниз. В центре оцепленной полицейскими площадки, опершись на полированный бок красного Руссо-Балт-Спорт, стоит Ольга Трубецкая. Ее взгляд устремлен на меня, а радужки светятся двумя сапфирами.

В воздухе материализуется крутая лестница. Морщась от боли, спускаюсь по синим светящимся ступеням и останавливаюсь перед княжной у распахнутой двери спорткара.

— Садись! — приказывает она и занимает водительское сидение.

— Мы уже на «ты»? — спрашиваю я с искренним безразличием и падаю в перфорированную кожу, едва сдерживая стон.

— А у тебя есть возражения? — Трубецкая выгибает бровь.

— Никаких! — я качаю головой. — Следила за мной?

— Приглашения на кофе ждала! — она улыбается. — Как малолетняя дура при виде сказочного принца!

Ольга мягко жмет на газ, и мы подъезжаем к оцеплению. Девушка предъявляет светящийся фиолетовый прямоугольник с голограммой двуглавого орла, и дородный полицейский в высокой фуражке отдает команду снять ограждение. Наш Руссо-Балт выезжает на Садовое кольцо.

— Куда едем? — спрашивает Ольга, не глядя на меня. — Ты уже принял решение?

— Похоже, его только что приняли за меня! — я горько усмехаюсь и кривлю губы от боли.

— Могу предложить чашечку кофе в моих апартаментах!

Кабриолет несется по Садовому, а я, откинув голову на подголовник, смотрю в ярко-голубое небо. Летящего над облаками сокола я угадываю или воображаю. Он парит в недосягаемой высоте и все также свободен. В отличие от меня.

Закрываю глаза и вижу Мину. Ее пустой, ненавидящий взгляд. И недрогнувший палец на спусковом крючке. Я не любил ее. Наверное, не любил. Но выстрелить в нее не смог бы. Наверное, не смог бы. Темнота принимает меня в свои ласковые объятия и мысли растворяются в ней без остатка вместе со всепоглощающей болью.

Я прихожу в себя в своих апартаментах в Высотке Шуваловых. Зеркало на потолке отражает мое обнаженное тело и Трубецкую, сидящую на краю кровати. Она водит ладонями по моей груди, и я физически ощущаю вливающиеся в меня потоки энергии. Пытаюсь пошевелиться, но тщетно — я нахожусь в стазисе, а боль исчезла. Все повторяется, даже жесткий стояк, только в предыдущий раз роль целителя выполняла Наталья Романова.

— Закрой глаза и успокойся, — сосредоточенно просит Ольга. — Серьезных повреждений нет, а трещины в ребрах я почти зарастила. И не беспо-

койся: к твоим драгоценным гениталиям даже не прикасалась, эрекция — это побочный эффект лечения у мужчин.

Плавали — знаем, хочу сказать я, но лишь послушно опускаю веки. Интересно, если бы я был почтенным старцем лет ста от роду, девочки-целительницы тоже раздевали бы меня до гола?

— Закончила! — с облегчением сообщает Ольга через некоторое время, и яркое свечение в ее радужках гаснет. — Теперь можешь двигаться.

— Спасибо! — благодарю я Ольгу. — Пора мне расплачиваться за чудесное спасение!

— Прямо сейчас я не готова! — девушка улыбается, выразительно смотрит на мой пах и вытирает со лба мелкие бисеринки пота. — Слишком много сил на тебя потратила!

— Я, вообще-то, кофе имел в виду! — подмигиваю и сайгаком спрыгиваю с кровати. — Приляг пока!

Кофейный аппарат стоит в гостиной, заправленный арабикой от «Императорской кофейни на паях». Наливаю божественно пахнущий напиток в тонкостенные фарфоровые чашки, ставлю их на медный поднос и возвращаюсь в спальню.

Ольга уже спит. Разметавшиеся по подушке черные волосы оттеняют неестественную блед-

ность лица, а под глазами залегли темные круги. Видимо, мое лечение, действительно, далось ей нелегко.

Обе чашки эспрессо я выпиваю сам, сидя на кровати и любуясь точеными чертами лица Трубецкой. Глядя на прекрасную брюнетку, пытаюсь отогнать мысли о Мине, но получается плохо. Рефлексия всегда была моим слабым местом, но потребность в ней — часть моей натуры.

Размышления приводят к неутешительному выводу: меня печалит не окончательное расставание с любимой девчонкой, и даже не ее решимость выполнить приказ и застрелить бывшего парня без всяких колебаний.

Мина оказалась образцовым агентом со стальными яйцами и железным стволом и поставила интересы дела выше личных, а я…

Звонок смартфона разрывает тишину, но Ольга не просыпается. Вызывает Шувалов. Собственной персоной. Почему Великий Князь снова тратит на меня свое драгоценное время?!

— Поход по магазинам удался?! — интересуется Князь вместо приветствия.

— Костюм подобрать не получилось, — коротко и зло отвечаю я.

— Тогда приходи в чем Разделенный послал!

Шувалов прерывает разговор. Я бросаю взгляд на валяющиеся на полу лохмотья, еще недавно бывшие моей одеждой, и направляюсь в ванную. Осматриваю себя в зеркало и с удовлетворением отмечаю, что Трубецкая постаралась на славу — порезов и синяков на коже нет. К Великому Князю я иду, традиционно облачившись в махровый халат и мягкие тапочки. Детский и безобидный протест, но все же.

— Как я должен расценивать твое возвращение?! — спрашивает Князь без подводок.

— Это вместо поздравления с чудесным спасением? — с сарказмом уточняю я.

— Не увиливай от ответа!

— Я в деле, Игорь Всеволодович, — отвечаю ровным голосом после небольшой паузы.

— Тогда присаживайся! — Шувалов откидывается на спинку высокого кресла и задумчиво на меня смотрит. — Ты осознаешь последствия своего выбора?

— Меня убьют, если предам Род? — спрашиваю я с откровенной насмешкой. — Сказано же в житие Разделенного: «Единожды предавший предаст снова»!

— Эту дерзость извиняет лишь череда стрессов, выпавшая на твою долю! — с укором говорит

Князь. — Но если предашь — убью без колебаний!

— Мне обещать верность до гроба, присягать или клясться на крови?

— В гроб ты, надеюсь, не скоро ляжешь, а клятвы мы отложим до Инициации, — серьезно отвечает Князь, не реагируя на иронию. — Просто имей в виду: твои яйца в моих руках!

— При всем уважении, Князь, я предпочитаю девушек и…

Радужки Шувалова вспыхивают, и мои тестикулы оказываются в невидимых стальных тисках. Пах взрывается от боли, я падаю на пол и скрючиваюсь в позу эмбриона. Давление нарастает, из глаз начинают катиться слезы, и я уже не в первый раз в жизни проклинаю себя за длинный язык без костей.

Через несколько мгновений боль исчезает так же внезапно, как и появилась. Я со стоном распрямляюсь и плашмя замираю на полу. Судорожно щупаю гениталии и выдыхаю с облегчением — повреждений и болезненных ощущений нет.

— Урок первый: ты должен подбирать поведенческие паттерны сообразно возможной реакции собеседника и собственной способности ей противостоять! — говорит Шувалов, стоя надо мной,

и протягивает руку. — Вставай, мой отважный и безрассудный герой!

— Жаль, что я вас не отравил! — произношу я тоном обиженного подростка с картинно хмурой рожей и сжимаю крепкую ладонь Князя.

Шувалов широко улыбается и начинает громогласно хохотать. Он занимает кресло за столом и отмахивается от меня обеими руками: молчи, мол, совсем уморил. Предсказуемая реакция. Интересно, он раскусил манипулирование и теперь подыгрывает, или принял все за чистую монету?

— Поведенческий паттерн сработал — ваша реакция соответствует ожидаемой, — сообщаю я Князю и заранее сжимаю челюсти, ожидая, что яйца снова окажутся в магических тисках.

— Расслабься! — произносит Шувалов сквозь смех и утирает выступившие на глаза слезы. — Демонстраций могущества больше не будет! Твое поведение говорит больше, чем любые клятвы!

Великий Князь отворачивается и смотрит в окно. Он улыбается, видимо, предаваясь каким-то теплым воспоминаниям, а я неожиданно осознаю, что не чувствую к нему неприятия или недоверия, а моя агрессия — подсознательный перенос на Шувалова отношения к Шефу.

— Как тебе в шкуре аристо? — Князь снова

обращает взор на меня. — Какие первые впечатления?

— Быть мишенью для пуль приютских мне не понравилось, если вы об этом!

— Теперь ты всегда будешь мишенью — не для одних, так для других! — философски замечает Шувалов. — Оборотная сторона медали!

— А лицевая какая же?

— Сила и власть!

— И они того стоят? — искренне интересуюсь я.

— Скоро поймешь, — лицо Великого Князя становится серьезным. — А пока давай обсудим твой образ жизни и будущее более детально.

— Я весь — внимание!

— Теперь ты представляешь Великий Род, и должен вести себя соответствующим образом: никакой самодеятельности, одиночных операций без предупреждения, походов по борделям и продажным девкам! Любой выход из башни, любые действия, выходящие за рамки обучения, будешь согласовывать лично со мной ил начальником Службы Безопасности! Это непременное условие для твоего же выживания!

— Вы это уже говорили, я понял и принял, — согласно киваю. — Но есть вопрос: что за пунктик

насчет секса?

— Репутация, мой юный Шувалов, репутация! — с пафосом заявляет Великий Князь и поднимает указательный палец. — Кроме того, нам не нужны бастарды и шантаж Рода от их непутевых матерей!

— Бастарды, значит?! — я бросаю жесткий взгляд исподлобья, картинно стиснув зубы и прищурив глаза. — Такие, как я?!

— Такие, как ты Роду нужны, — возражает Шувалов. — Но ты — лишь счастливое исключение, подтверждающее правило!

Князь пристально смотрит на меня, и я молчу, пытаясь считать выражение его глаз. Это удается не сразу, но результат меня обескураживает: Шувалов глядит на меня с гордостью!

— Мы договорились? — Князь протягивает руку для рукопожатия.

— Да! — я киваю с глупой улыбкой на лице. — Буду вести себя как комнатный шпиц, держать член в узде и запрыгивать только на племенных партнерш с родословной, но есть важное условие!

— Какое? — во взгляде Шувалова разгорается интерес.

— На мои яйца больше не покушаться!

— Договорились! — Князь заливисто смеется. — Я уже позабыл, что в восемнадцать это — главная ценность!

Мы скрепляем договор крепким рукопожатием, но сомнения по поводу необъяснимого интереса Шувалова к моей скромной персоне меня не оставляют. Он явно что-то недоговаривает и при этом не проявляет интереса к моему происхождению. Совершенно нелогичное поведение: принимая новичка в Великий Род, следует раскопать его прошлое до самого зачатия. Что ж, придется заняться этим мне.

— Продолжим, — произносит Великий Князь сугубо деловым тоном. — Вопрос по Ауруму закрыт, вира за ущерб и компенсации погибшим охранникам выплачены, Род Юсуповых претензий не имеет. Официально сообщат, что произошло нападение террористов, которые были уничтожены полицией. Жертв среди добропорядочных граждан нет. Один из убийц ускользнул — об этом, конечно, в медиа не расскажут.

Из груди вырывается вздох облегчения, и я нехотя признаю, что привязанность к Мине слишком сильна, ее не могут уничтожить даже выстрелы в упор. Гоню от себя противоречивые мысли о застреленных Карасе и Цаце. С одной

стороны, мне больно из-за гибели старых друзей, с другой — они умерли потому, что пришли убить меня.

— Думаю, что это покушение не последнее, — продолжает Князь. — Служба Безопасности Рода о нюансах оповещена, контроль усилен. Почерк приютских тебе известен лучше, чем мне, так что будь начеку!

— Буду! — я хмуро киваю.

В кабинете воцаряется молчание. Великий Князь смотрит на меня выжидательно и требовательно, я чувствую себя кроликом перед удавом.

— Почему ты не задаешь самый важный вопрос? — подозрительно спрашивает он.

— Какой из? — осторожно уточняю я.

— В тебя выпустили десяток пуль, а ты сидишь передо мной целый и невредимый, считаешь, для бездаря это в порядке вещей?!

— Я знаю, что не знаю ничего…

— Ты — аристо, Саша, и не просто аристо! — радужки Шувалова начинают тлеть. — Сам еще не догадался?

— Я — одаренный?! — озвучиваю очевидную мысль, которая возникла сразу после первой встречи с Шуваловым.

— Именно! — подтверждает Великий Князь. —

Не просто серый, а самый что ни на есть высший одаренный!

— Это и есть основная причина вашего интереса ко мне?

— В тебе течет кровь нашего рода! — продолжает Шувалов с экспрессией в голосе. — После Инициации твоя Сила вырастет многократно, и ты будешь чувствовать меня, видеть в пространстве…

Прозрение наваливается на меня тяжелой железобетонной плитой, и я вскакиваю с кресла.

— Так значит вы меня видели с самого начала, и все покушения были спектаклем? — я ору в голос, не думая о последствиях. — Играли со мной, как с неопытным щенком?

— Ты и есть неопытный щенок, хотя и очень талантливый!

Меня наполняет гнев. Цвета меркнут, глаза застилает пелена, сердце стучит барабаном, а руки покрываются мерцающим полупрозрачным полем. Великий Князь взирает на меня мудрым отеческим взглядом и будто не замечает ни агрессии, ни магического Покрова, окутывающего тело.

— Не горячись, Александр! — спокойно произносит он. — Это были тесты, которые ты прошел

с блеском!

Я отворачиваюсь к окну, и пытаюсь успокоиться. Шувалов терпеливо ждет, не говоря ни слова. Наконец, я беру себя в руки, и полупрозрачная пелена, окутывающая тело, исчезает.

— Все ли приютские — одаренные аристо? — спрашиваю я, садясь в кресло.

— В потенциале — многие, — Шувалов кивает. — Но мы не можем установить это со стопроцентной вероятностью.

— Бастарды, как и я?

— Преимущественно! — Великий Князь щелкает пальцами. — Теперь ты понимаешь, почему не стоит размахивать аристократическим членом направо и налево?

Угрюмо киваю и опускаю взгляд.

— Помни об этом, когда будешь развлекаться с Трубецкой или с любой другой девчонкой! А в рамках официального, одобренного Государем брака поработать на супружеском ложе придется! — Шувалов криво улыбается. — Жаль, что многоженство в Империи запрещено!

— Напугали козла капустой! — недовольно ворчу я и смотрю на портрет Императора, висящий над головой Великого Князя.

В мыслях полный бардак, и вопрос продолже-

ния рода заботит меня меньше всего. Приютские — потенциально одаренные внебрачные дети аристо. Я впрямую подошел к этому выводу, когда сопоставил цвет глаз и черты лиц убийц с жертвами.

Кто, как и зачем отбирает нас в Приют? Почему Дар не проявляется с самого детства, как у большинства одаренных? Зачем изолировать нас от общества и использовать для убийства таких же одаренных в качестве одноразового оружия? Какова стратегическая цель проекта? Неужели все же главная задача — внедрение в соответствующий Род?

— Мне нужны материалы дел, связанные с покушениями приютских на аристо, — задумчиво говорю я. — В том числе засекреченная их часть!

— Ты получишь их после официального объявления о принятии в Род и подписания бумаг!

— И когда произойдет сие знаменательное событие? — я не могу удержаться от иронии даже во время серьезного общения.

— Придется подождать! — Шувалов пожимает плечами. — Имперская бюрократия не зря ест свой хлеб!

— С бюрократией понятно, а что будет со мной?

— Станешь членом Рода, пройдешь Инициацию, закончишь Императорскую Академию, женишься и будешь строгать детей с фиолетовыми глазами!

— Приют обещал более интересную жизнь! — откровенно язвлю я.

— Обещал, да! Увлекательную, но недолгую! — не лезет за словом в карман Шувалов. — Приключений на твою задницу хватит, можешь не сомневаться! А если будешь работать на Тайную Канцелярию, еще прятаться от них будешь!

— Ладно, буду двуликим Янусом! — соглашаюсь я.

— Многоликим, Саша, многоликим! — поправляет меня Шувалов с пафосом в голосе. — А пока отдыхай и общайся с Трубецкой, мне пора на службу.

Я поднимаюсь из-за стола и молча иду к двери, переваривая вываленную на меня информацию.

— И еще один момент! — слова Князя останавливают меня уже в дверях.

Оборачиваюсь и вижу на лице старика недовольное выражение.

— Закажи себе несколько комплектов повседневной одежды! — Князь хмурится, глядя на мой махровый халат. — А завтра приедет портной

Рода для снятия мерок.

По коридору я бреду как во сне. Окружающая действительность кажется длинным, непрекращающимся сном. Детская мечта неожиданно сбылась. Я — высший одаренный. Такой же, как многочисленные сиреневоглазые Шуваловы, взирающие на меня с портретов. Возможно, кто-то из них — мой отец.

Захожу в апартаменты. Трубецкая уже ушла. На смарте сообщение, пришедшее с неизвестного номера.

«В Храме Разделенного. Сегодня в 13:00. Вопрос твоей жизни и смерти!».

Глава 14 — Ультиматум Шефа

— Эта футболка тебе не подходит! — решительно заявляет Трубецкая и морщит свой идеальный носик. — Снимай!

Пожимаю плечами и послушно выполняю распоряжение дамы, оставаясь в одних трусах.

— Тебе нужны приталенные модели, подчеркивающие достоинства фигуры! — она загадочно улыбается и обнимает меня за плечи. Пристально глядя в глаза, проводит большими пальцами по шее, опускает руки на грудь, а затем нежно гладит кубики пресса. Ее ладони обхватывают мою талию, медленно движутся вниз и останавливаются на бедрах.

— Ты меня соблазняешь, что ли? — спрашиваю я с усмешкой, глядя на отражение аппетитной попы Ольги в зеркале за ее спиной. — Серьезно?

— Проверяю на стойкость! — говорит она, вскинув брови, и я получаю легкий щелчок указательным пальцем по лобку. — Теперь надевай те, что выбрала я!

Вкус у графини Трубецкой отменный, и аст-

рономические ценники это подтверждают. Примерочная кабина вип-зоны ГУМа стремительно заполняется одеждой, которую приносят и уносят смазливые и услужливые продавцы.

— Привыкай не смотреть на цены, — говорит она, поправляя ворот очередной футболки, — за все платит Род. Ты теперь на полном обеспечении Фиолетовых!

— Но это же просто тряпки! — возражаю я. — Какая разница…

— Ты часть Великого Рода! — прерывает меня Ольга. — И должен соответствовать высокому статусу в обществе! Соответствовать во всем!

Она берет меня под руку и с удовлетворением смотрит в зеркало. Фиолетово-синяя майка прекрасно гармонирует с цветом наших глаз, а мои и без того широкие плечи визуально увеличиваются до всем известной косой сажени.

— Соответствуем? — спрашивает она с приторно-сладкой улыбкой на устах.

— Ощущаю легкий диссонанс, — отвечаю я, картинно надув губы. — Мои плавки не подходят к платью. — Нужно либо уменьшить глубину твоего декольте, либо разорвать мой гульфик!

— Джинсы надевай! — приказывает Ольга и бросает лукавый взгляд на безразмерную стоп-

ку. — Зауженные даже не меряй — в паху жать будут!

После примерно двадцати итераций, сопровождаемых едкими комментариями Ольги, на обитых черным бархатом пуфиках появляется несколько отобранная брюк. Коробки с обувью и пакеты с носками сложены рядом. Вздыхаю с облегчением и поворачиваюсь лицом к мучительнице.

— Экзекуция закончена?!

— Осталось выбрать самую важную часть гардероба — трусы! — Трубецкая подмигивает.

— Пожалуй, с этим я справлюсь сам!

— Святая Тьма, Шувалов, ты краснеешь? — Ольга картинно округляет глаза. — Только не говори, что ты девственник!

— Думаешь, я брошусь доказывать обратное и бравировать наготой?

— Саша, не смеши меня! — Трубецкая морщится, в синих глазах пляшут бесенята. — Я уже твой стояк видела!

— Просто с этим самым стояком мерить трусы неудобно! — я подмигиваю, разворачиваю грациозную девичью фигурку и аккуратным толчком отправляю прочь из кабины.

Цветастые упаковки я вскрываю в задумчиво-

сти. Нехотя признаюсь себе, что общество Ольги Юрьевны Трубецкой мне нравится. Все портит лишь ее обязанность со мной общаться. Обязанность, а не желание или интерес. Я бы предпочел завоевать симпатии девушки в честном ментальном бою с ней же.

— Бери несколько комплектов повседневных и несколько — соблазнительных! — советует Ольга из-за штор.

— А соблазнительные — это такие? — я выхожу наружу в обтягивающих розовых плавках, широкая резинка которых украшена сценами совокупляющихся в разных позах кроликов.

— Вульгарщина! — Ольга качает головой и решительно возвращается в кабинку.

К моему удовольствию мы продолжаем игру без оговоренных правил. Отбор идет деловито, без единого намека на флирт. Я включаю полный контроль над телом и давлю возбуждение в зародыше, а Трубецкая смотрит на меня словно на манекен — без всякого интереса.

Счет нам выставляют космический — на эти деньги можно купить неплохие апартаменты в центре Москвы. Я достаю черную карту с фиолетовым двуглавым орлом на обороте и вопросительно смотрю на Ольгу. Она едва заметно

кивает и закрывает глаза в знак согласия.

— Чаевые! — шепчет она в самое ухо.

— У меня наличных — ни целкового! — также тихо шепчу я.

— Будешь должен!

Трубецкая одаривает улыбкой выстроившихся шеренгой продавцов и открывает дамскую сумочку от Пуаре. Несколько крупных купюр перекочевывают в руки распорядителя салона, и Ольга сообщает во всеуслышание, что господин Шувалов забыл кошелек в машине, и потому честь отблагодарить работников за неоценимую помощь возложена на нее.

Нам кланяются, мы откланиваемся в ответ и по предложению Ольги следуем в подвал Торговых Рядов, в трактир «Мартьяныч». Ее выбор как нельзя лучше соответствует моим планам. Покупка одежды и обед — лишь прикрытие для истинной цели сегодняшних похождений.

— Мы непоследовательны! — сообщаю я Ольге, ставя на стол поднос со всяческой снедью. — Покупаем одежду на вес золота, а затем идем трапезничать в дешевый трактир, полный студентов и школьников!

— В этом и прелесть! — возражает мне Трубецкая и берет блинчик руками, ничуть не заботясь

о собственном великосветском шарме. — Здесь я расслабляюсь и не думаю, как выгляжу в глазах окружающих. А еще парнями любуюсь, попадаются весьма колоритные персонажи.

— И часто знакомятся? — спрашиваю я, ощутив легкий укол ревности.

— Обычно боятся или стесняются, приходится проявлять инициативу самой! — Ольга пожимает плечами и целомудренно улыбается. — Все как с тобой!

— Некорректное сравнение! — возражаю я и принимаюсь за тонко нарезанные ломтики буженины. — Я — твоя работа!

— Тяжелая и неблагодарная! — дополняет меня Трубецкая подмигивая. — С тобой, кстати, я бы не стала знакомиться — уж слишком красив.

— А я бы с тобой — стал! — подмигиваю и с хрустом откусываю малосольный огурчик. — Ровно по той же причине!

— Зачем мы здесь? — Ольга резко меняет тему разговора, игривые и легкомысленные нотки в ее голосе уступают место сугубо деловому тону. — Ты не похож на модника или любителя ходить по магазинам!

— Шувалов приказал приодеться, а заодно отлучиться хочу, на час или чуть больше…

— Зачем? — Трубецкая щурит глаза и смотрит на меня с подозрением. — Только не рассказывай о тайном свидании с любимой девушкой или походе в бордель!

— А это мысль! — я улыбаюсь и передаю Ольге смартфон. — Встреча назначена, но вряд ли это девушка…

Нахмурив брови, она читает сообщение, пришедшее с незнакомого номера, а затем переводит взгляд на меня. Ольга напряжена и серьезна.

— Ловушка? — Трубецкая отворачивается и какое-то время наблюдает за снующими вокруг нас посетителями таверны.

— Возможно — встреча назначена в Храме, все в рамках концепции Приюта: убийства должны быть громкими!

— Нарушение всех канонов! Кровь, пролитая в Храме, действительно, вызовет общественный резонанс, но со знаком плюс для аристо! — рассуждает вслух Ольга. — К тому же о принятии тебя в Род публично не объявлено, и ты все еще безымянный бездарь!

— Не думаю, что это западня, а цель — выманить меня на оперативный простор: если захотят убить, то убьют обязательно! — я указываю на четверых сопровождающих нас мордоворотов в

черных пиджаках, рассредоточившихся неподалеку. — Не поможешь ни ты, ни они! Но я не хочу просидеть всю жизнь в заточении!

— Даже в заточении со мной?! — Трубецкая кокетливо улыбается, видимо, решив, что встреча опасности не несет.

— С тобой — особенно! — я усмехаюсь. — Полное сексуальное истощение я заработаю с гарантией!

— И каков твой план?

— Оригинальный донельзя! — я наклоняюсь ближе к Ольге и заговорщицки шепчу, нацепив на уста дежурную улыбку.

Какое-то время Трубецкая в задумчивости смотрит на меня, вопросительно вскинув брови, а затем широко улыбается.

— Я согласна! — заявляет она довольно громко. — Но только на красные розы! Самые красивые в Империи! Князю, так уж и быть, о твоих ухаживаниях не расскажу!

Наклоняюсь, целую милостиво протянутую руку и слышу яростный шепот.

— Дай слово, что не устроишь там очередное побоище!

— Скоро вернусь! — я подмигиваю, встаю из-за стола и направляюсь к магазину. Отмечаю, что

двое охранников Рода неторопливо следуют за мной. Цветочный салон находится неподалеку, и главный его плюс — охлаждаемое хранилище цветов, расположенное в отдельном помещении.

Все продавцы заняты обслуживанием клиентов, и я беспрепятственно проникаю в ароматное царство. Быстро следую между двумя рядами напольных ваз, заполненных огромными букетами роз, и выхожу в технический коридор торгового центра, а затем спускаюсь в метро. Расстояние до Храма около километра, но у меня нет лишнего времени.

Храм Разделенного возвышается над заполненной людьми площадью белой асимметричной громадой. Цветные купола, спиралью окружающие главный, хрустальный, в свете полуденного солнца похожи на огромные светящиеся капли радуги.

Я невольно обращаю взгляд на отполированный миллионами верующих гранит под ногами. Глубоко под ним в толще земли находится Приют.

Сердце предательски сжимается, и ноги привычно несут к главному фронтону — входу для атеистов. Тело погружается в полупрозрачное светящееся марево, затянувшее высокий прямо-

угольный проем. Кожу покалывает, а выбранная Ольгой одежда трещит и искрится то ли от статического электричества, то ли от древней магии, адептов которой в живых уже не осталось.

Я выныриваю из плотного защитного поля и оказываюсь внутри. Проникая через прозрачный купол, солнечный свет преломляется и окрашивает белоснежные стены радужными разводами.

Оглядываю немногочисленных посетителей и пытаюсь угадать, кто из них — таинственный незнакомец, назначивший встречу подозрительно близко к Приюту. Ассасинов я вычислить даже не пытаюсь: убийство в Храме — табу с древнейших времен, преступление, за которое по преданию покарает сам Разделенный.

Хожу вдоль древних стен и разглядываю яркие цветастые фрески, изображающие обретение человечеством Великого Дара Света. Легенды гласят, что когда-то картины двигались, как в синематографе, а персонажи на них говорили, обращаясь к посетителям, но я не особенно верю в эти россказни.

Останавливаюсь перед алтарем и смотрю на расположенный в его центре символ — прозрачную семигранную призму высотой около двух метров. Хрустальная колонна сияет, будто под-

свеченная изнутри, и я отдаю должное древним зодчим, добившимся столь впечатляющего эффекта.

— Не оборачивайся и не двигайся! — раздается тихий, но властный голос за спиной, голос, который я узнаю из тысячи. — Убивать в свою честь в стенах Храма наш милосердный Бог не велел, но калечить не запрещал!

Я непроизвольно вздрагиваю — в позвоночник чуть повыше копчика упирается острие кинжала, и я чувствую, как по коже течет тонкая струйка крови. Спина вмиг покрывается холодным потом — клинок может быть отправлен.

— Не бойся, яда на лезвии нет! — сообщает мне Шеф, как будто прочитав мои мысли. — Не думал, что ты придешь!

— Я не боюсь смерти, — заявляю я, равнодушно пожав плечами. — Но умереть не жажду!

— Разумно, агент Симпа, разумно! — шепчет мне на ухо Иван Сергеевич, и я чувствую исходящий от него терпкий аромат кофе.

Это прокол — если бы я пришел с охраной, на выходе из Храма его вычислили бы по запаху.

— Принадлежность к аристо уже начала кружить голову?! — издевательским тоном спрашивает Шеф.

— Зачем я здесь? — интересуюсь подчеркнуто ровным и спокойным голосом.

— Я мог бы ответить, что знакомлюсь так с симпатичными парнями! — Шеф включает привычный туалетный юмор, и я непроизвольно кривлю губы. — А сам как думаешь?

— Сообщить что-то, узнать от меня или обменяться информацией?! — я пожимаю плечами и морщусь от боли — порез на коже становится глубже.

— Сказал же — не двигайся! — шепчет Иван Сергеевич. — Если я приставлю клинок к твоим яйцам, это подействует лучше?!

— Не знаю, нужно пробовать! — я снова не могу удержаться от очередной дерзости, и получаю болезненный тычок в спину.

— Позволь дать тебе совет! На правах старшего и более опытного товарища! — Шеф на мгновение замолкает. — Проявляй гонор только тогда, когда это необходимо и главное — безопасно для тебя!

— Совет принимается! — я нехотя киваю, отмечая, что примерно то же недавно слышал от Шувалова. — Поделюсь божественным откровением и я: не стоит тыкать кинжалом в спину, если не собираетесь убивать!

— Договорились! — Шеф убирает клинок.

— Только не оборачивайся и не делай резких движений!

— Кристалл Светлых завораживает так сильно, что даже не думаю об этом!

— Поздравляю, Симпа! — произносит Шеф с неожиданной теплотой в голосе, резко меняя тему и тональность беседы.

— С тем, что ваши покушения на меня провалились? — зло спрашиваю я.

— И с этим тоже! — Шеф усмехается. — Поздравляю с удачным внедрением в стан врага!

Внедрением?! Я не верю своим ушам и на мгновение теряю дар речи. О каком внедрении, Тьма его забери, он ведет речь?

— Иван Сергеевич, вы, наверное, не поняли: я больше на вас не работаю! Не являюсь явным или тайным агентом Приюта, не выполняю ваши поручения и не выхожу на контакт! Забудьте о моем существовании, а я забуду о вашем!

— Умерь юношеский пыл и накал праведного гнева! — шепчет мне Шеф в самое ухо, в его хриплом голосе звучит неприкрытая угроза. — У тебя нет выбора, Симпа!

Мне в спину снова упирается острие ножа. Страха я не чувствую, хотя при желании Шеф может убить меня голыми руками. Всегда думал, что он

бесцветный, но теперь сомневаюсь даже в этом.

— Ты всерьез считаешь, что можешь уйти так просто? Переметнуться на сторону врага совершенно безнаказанно?

— Еще куском хлеба попрекните! О душе напомните, которую в меня вложили! О том, что относились ко мне, как к собственному сыну!

Тяжелое дыхание Шефа учащается, кожу вновь обжигает боль, и струйка крови, текущая по спине, становится обильнее.

— Заодно поведайте: зачем растите нас и отправляете на верную смерть?! — я начинаю закипать. — За что погибли Карась, Цаца и многие другие?

— А ты поразмысли на собственном примере!

— Я отупел без зубов мудрости — даже два плюс два сложить не могу!

— Их взрыв инсценировал Шувалов, чтобы переманить тебя на свою сторону — такая версия тебя устроит? — усмехнувшись, спрашивает вмиг успокоившийся Шеф. — Могу озвучить еще одну: это наша страховка на тот случай, если ты попадешь в безвыходную ситуацию, и тебя будут пытать.

— Мне больше нравится третья: мини-бомбы в наших зубах необходимы, чтобы уничтожать

ненужный отработанный материал! — перед глазами встают фотографии изуродованных лиц выпускников Приюта.

— Я обещаю, что выложу все карты на стол, если ты продолжишь работать на Приют!

— Вы предлагаете мне стать двойным агентом?

— Да! — резко отвечает Шеф. — Но если твоя двойная игра вскроется, тебя лишат самого дорогого!

— Это была ваша традиционная шутка о моих гениталиях? — с усмешкой спрашиваю я. — Буду по ним скучать!

— Во-первых, это была не шутка, а во-вторых…

Острие кинжала колет в основание моего черепа, и я вздрагиваю от неожиданности.

— Во-вторых, речь идет о твоей голове!

— Заманчивая перспектива! — заключаю я и ощущаю, что меня обуревает истерическое веселье. — А если я откажусь, то вы меня убьете?!

— Ты очень прозорлив, мой дорогой Симпа…

— Сначала вы пытаетесь меня убить, затем предлагаете сотрудничество, а в случае отказа снова обещаете убить?!

— Риск твоего убийства в Ауруме был просчитан — одаренного твоего уровня невозможно

застрелить из обычного оружия! — раздраженно отвечает Шеф. — Было необходимо реальное покушение, чтобы Шувалов поверил, что ты больше не с нами, и путь назад для тебя закрыт окончательно!

— А на самом деле он открыт?

— Это тебе решать, — тихо произносит Шеф, и я слышу в его голосе усталость. — Я буду ждать ответ ровно неделю…

Встреча закончилась, можно расходиться. Я смотрю в бездонные глубины Светлого Кристалла и понимаю, что Приют меня еще не отпустил. Можно изгнать мальчика из Приюта, но как изгнать Приют из мальчика?

— Мина знала, что я выживу после покушения? — озвучиваю я вертящийся на кончике языка вопрос и закусываю нижнюю губу в ожидании ответа.

— Нет, она шла тебя убивать…

Я стремительно оборачиваюсь, уходя с линии возможной атаки, и вижу перед собой пустое пространство.

Шеф исчез. В некотором отдалении бродят одинокие верующие, и любой из них в теории может оказаться им. Можно, конечно, оббежать всех посетителей, ловя ноздрями аромат кофе,

но попасть в руки храмовой охраны мне не улыбается.

Сжимаю Осколок на груди, но не ощущаю ничего: потоки Силы не наполняют мое тело, а скорость течения времени остается неизменной. Теперь я аристо, да еще и одаренный. В потенциале. Куда до меня персонажам из детской карточной игры — Князю Грому или Человеку-Амфибии! Я даже Князя Морока уложу одной левой! Детская мечта приобретает гипертрофированную форму, и интуиции подсказывает, что это не сулит мне ничего хорошего.

К выходу из Храма иду, преодолевая себя: желание спуститься в Приют почти физическое. Вот он, под ногами, а тайный проход — в одной из исповедален. Я хочу увидеть приютских и преподавателей, хочу обнять Мину… Но это опасно. Смертельно опасно.

Пятое правило «Кодекса Агента» гласит: «Никогда не влюбляйся!», но…

Перед глазами уже в который раз возникает ненавидящий взгляд Мины, а в ушах звучит ее прощальное: «Предатель!».

Глава 15 — Супер-костюмы для супер-аристо

Яков Самуилович Розенкранц, потомственный портной Рода Шуваловых, придирчиво осматривает мою фигуру. В глубоко посаженных маленьких глазках за толстыми стеклами очков читается плохо скрываемое разочарование. Лента сантиметра в тонких старческих пальцах натянута, словно струна, губы двигаются беззвучно, а густые седые бакенбарды топорщатся, как шерсть на морде матерого кота.

Я стою перед стариком в одних трусах, закатив глаза к потолку, и стараюсь не встречаться взглядом с Трубецкой. Ольга расположилась в кресле у окна и внимательно рассматривает новейшие каталоги модной одежды, которые привез с собой Яков Самуилович.

— Ваша фигура, молодой человек, не соответствует принятым в высшем обществе аристократическим канонам! — наконец, заключает старик. — Слишком широкие плечи и слишком узкие бедра и талия! Мы разработаем нестандартные лекала, чтобы деловые костюмы и смокинги

не выделяли вас из общей массы ваших сверстников…

— В чем заключается их необычность? — уточняю я. — Мне нужна максимальная свобода движений для максимальной же эффективности в бою!

— Молодой человек! — с укоризной обращается ко мне старик и снимает очки. — Мое ателье обшивает ваш Род уже много лет, и поверьте, что я прекрасно знаю все нюансы создания высококлассной одежды для высших одаренных!

— Даже не сомневаюсь в этом, — поспешно соглашаюсь я, вспомнив присказку Шефа о том, что с портными и дантистами спорить себе дороже. — Просто озвучиваю то, что для меня чрезвычайно важно!

— Снимайте трусы! — отдает распоряжение Яков Самуилович и направляется к стоящему неподалеку саквояжу. — Дама может отвернуться, дабы вас не смущать.

— А трусы для чего? — интересуюсь я, с отвращением представив, как меня обхаживают морщинистые старческие ладони с узловатыми суставами пальцев.

— Молодой человек, у меня шестеро детей, четверо из которых — сыновья, и меньше всего

мне хочется лицезреть ваш срам! — с иронией заявляет Яков Самуилович, наклонив голову и глядя на меня поверх очков. — Помимо рубашек, костюмов, смокингов, плащей и пальто, мы будем шить для вас трусы с вашими инициалами.

— Зачем? — искренне недоумеваю я.

— Чтобы девушки из аристократических кругов, с которыми ты будешь уединяться после великосветских балов, проникались уважением и пиететом даже тогда, когда ты еще в исподнем! — подает голос Трубецкая и одаривает меня взглядом, полным озорства.

— Не только, уважаемая Ольга Юрьевна, не только! — ничуть не смутившийся Яков Самуилович достает из кожаного саквояжа ноутбук и небольшой прямоугольный прибор на раскладном треножнике.

Компьютер занимает место на кофейном столике, а похожий на профессиональный фотоаппарат прибор — прямо передо мной. Старик устанавливает его, тщательно выверяя положение и высоту, а я в нетерпении переминаюсь с ноги на ногу. Наготы я не стесняюсь уже давно, но от сопровождающего ее чувства тотальной незащищенности все еще не избавился.

— Не двигайтесь! — приказывает Яков Саму-

илович, наклоняется к зеленоватому окуляру прибора и включает его.

В обращенном ко мне объективе загорается красная точка, и тонкий луч лазера начинает сканировать мое тело. Закрываю глаза, и через минуту по команде старика поворачиваюсь к прибору спиной.

— Можете одеваться! — распоряжается старик, и я с облегчением облачаюсь в привычные джинсы и футболку.

Какое-то время Яков Самуилович колдует над клавиатурой ноутбука, а затем предлагает нам с Ольгой взглянуть на экран. Мое цифровое изображение по качеству напоминает голограмму: отображен не только рельеф мышц и прическа, запечатлелась даже вечная ироничная усмешка на губах.

Старик нажимает на кнопку, и цифровая копия обзаводится короткими облегающими трусами на толстой резинке. Объемная фигура на экране вращается, и мы внимательно разглядываем предложенную модель нижнего белья. Резинка и область паха подсвечена синим, и я вопросительно смотрю на портного.

— Бронированная вставка защищает от грубых физических воздействий, — поясняет Яков

Самуилович. — Броня гибкая, определенные физиологические процессы не доставят вам неудобства. Резинку можно использовать в качестве самозатягивающегося жгута, если нужно остановить кровотечение в раненой конечности. У вас или вашей дамы есть пожелания по дизайну?

— Если говорить об эстетике, а не о безопасности самого важного органа любого мужчины-аристо, я бы разбавила фиолетовый цвет ярким штрихом, — томно произносит Ольга. — Например, покрасила бы резинку в алый цвет.

Еще пара нажатий на кнопки, и предложенные изменения отображаются на экране. Киваю, делая вид, что не замечаю насмешливого взгляда Трубецкой, и готовлюсь к мучительно долгому процессу обсуждения и выбора гардероба.

Мы рассматриваем чудеса портняжно-инженерной мысли: приталенные рубашки, в пуговицах которых установлены генераторы помех, блокирующие работу цифровой аппаратуры; пиджаки, усиленные бронированными пластинами и скрывающие в лацканах мономолекулярные шнуры; поясные ремни, представляющие собой распрямляющиеся и твердеющие по команде мечи; туфли, в подошвах которых спрятаны

выдвигающиеся из носков клинки; плащи, превращающиеся в парашюты…

В какой-то момент я начинаю скучать и пропускаю мимо ушей сыплющиеся на меня тактико-технические характеристики предлагаемых изделий. Чувствую себя всемогущим суперариста — персонажем синематографического комикса, и понимаю откуда черпают вдохновение сценаристы Мосфильма. Детские мечты, действительно, сбываются.

Когда довольно улыбающийся Яков Самуилович покидает мои апартаменты, я усаживаюсь в кресло и наливаю себе и Трубецкой по бокалу холодного морса. Все счастливы: ателье седовласого стража клубка и иголки получает заказ на астрономическую сумму, Ольга — удовлетворение от активного участия в выборе дизайна и функционала одежды, а я — облегчение оттого, что скучная тягомотина, наконец, закончилась.

— Зачем все эти шпионские штуки? — спрашиваю я, опорожнив бокал одним махом. — Любому высшему одаренному они как мертвому — припарка!

— Именно для того, чтобы не оказаться мертвым! — отвечает Ольга. — Далеко не каждый Цветной или даже Темный может поддерживать

Покров или Меч в активированном состоянии сутки напролет или прыгнуть без парашюта с вершины Родовой Высотки.

Ольга протягивает мне опустевший бокал и мило улыбается.

— Ты же знаешь, что высшие одаренные периодически гибнут, и отнюдь не всегда по естественным причинам, — задумчиво добавляет она. — И не забывай о том, что бить магией направо и налево запрещено. Так что бронированный смокинг и клинки в лаковых остроносых туфлях могут сослужить тебе полезную службу.

— Думаю, что свой Яков Самуилович и секрет изготовления бронированных трусов есть в каждом Великом Роде, но твою правоту признаю и благодарю за помощь! — я обезоруживающе улыбаюсь и бросаю взгляд на часы. — Что у нас в программе дальше?

— Уже полдень — пора обедать! Заодно проверим твои знания этикета!

Двери приемной отворяются, и в гостиную входят двое слуг. Они катят перед собой тележки, уставленные всяческой снедью и напитками, источающими умопомрачительные ароматы, и я чувствую, что мой желудок начинает урчать от голода. Покрытый фиолетовой скатертью стол

для посетителей заполняется тарелками, бокалами и столовыми приборами, и Ольга приглашает меня отобедать.

— Это банкетная сервировка, именно такую ты будешь видеть чаще всего на балах и приемах, — деловито сообщает мне Трубецкая. — В центре — сервировочная тарелка. Слева от нее лежат три вилки — для закусок, для рыбы и столовая, справа — нож столовый, нож для рыбы, столовая ложка и нож для закусок.

В голосе Трубецкой проявляются менторские нотки, а в глазах читается чувство превосходства. Приютские учителя вдолбили в мою голову как аристократический, так и придворный этикет, но почему бы не сыграть с красивой девушкой еще в одну игру — не притвориться крестьянином-неофитом? Пряча ухмылку, сажусь к столу, округляю глаза от ужаса и беспомощно смотрю на Ольгу.

— Выше слева направо: тарелка для хлеба и нож для масла, — Ольга указывает на них изящным жестом ладони. — Сверху над тарелкой десертные ложка, вилка и нож, а правее — чайная чашка на блюдце и чайная же ложка.

— А зачем столько бокалов? — спрашиваю я дрогнувшим голосом и бросаю на Трубецкую взгляд, полный мольбы о помощи.

— Для воды, водки, шампанского, а также для белого и красного вина…

— И как всем этим пользоваться? — я оглядываю сверкающее стеклом и сталью великолепие, беспомощно откидываюсь на высокую спинку кресла и опускаю плечи.

— Интуитивно! — Трубецкая улыбается, садится напротив меня и подает знак слугам. — Все дело в очередности подачи блюд: сначала холодные закуски и напитки, затем первое блюдо, второе и десерт. Столовые приборы применяй сообразно их назначению, но сначала используй нагрудную салфетку — после этого официанты начнут подавать блюда.

Беру со стола салфетку и смотрю на нее как баран на новые ворота. Затем повязываю на грудь, смяв и заправив под футболку добрую ее половину. Трубецкая встает из-за стола, подходит сзади и медленно поправляет салфетку, нежно касаясь тонкими пальчиками моей шеи. Затем возвращается на свое место и повторяет манипуляцию с нагрудной салфеткой, пристально глядя мне в глаза и оголив грудь практически до сосков.

— Ты должен делать это с достоинством, не спеша, всем своим видом подчеркивая важность собственной персоны!

— Футболку мне тоже до пупка оттягивать?! — вяло интересуюсь я и проделываю фокус с салфеткой по всем правилам, так как нас учили в Приюте.

— Тяни сразу до лобка! — не лезет за словом в карман Трубецкая и кивает слугам.

Они выставляют на стол блюда с закусками и салатами и разливают в тонкостенные бокалы минеральную воду. Стараясь скрыть улыбку, накладываю в сервировочную тарелку салаты и разномастные нарезки. Затем, схватив первую попавшуюся вилку, жадно набрасываюсь на еду.

— Стоп! — громогласно восклицает Трубецкая. — Эта тарелка называется сервировочной, она лишь подставка для тарелок с едой! И вилку ты взял рыбную!

Слуга аккуратным движением вынимает из моей руки вилку с наколотым на нее кругляшом копченой колбасы и забирает со стола тарелку с солидной горкой еды. Я провожаю ее полным разочарования взглядом и вопросительно смотрю на Ольгу.

— Официант предложит тебе салаты, положит их в другую тарелку и поставит ее на сервировочную, — Трубецкая кивает, и слуга в точности повторяет последовательность озвученных ею

действий.

Я выбираю полтавский шпик, копченую колбасу по-московски, буженину по-цимлянски и малосольные огурчики. С грустью смотрю на мизерные порции и намеренно беру со стола десертную вилку. Трубецкая качает головой и указывает глазами на вилку для закусок.

— Если сомневаешься или забыл назначение прибора, двигайся от края тарелки, — советует она и приступает к трапезе.

Закуски, а затем и салаты мы поглощаем в молчании с непременной сменой вилки на салатную. С выбором ложки для куриного бульона я ошибиться не могу, а вот масло на хлеб намазываю ножом для десертов. Девушка наклоняется ко мне через стол, берет за руку и показывает нужный прибор.

— Ты так и не рассказал мне о встрече в Храме, — Ольга задумчиво смотрит мне в глаза. — Воспользовался как прикрытием и даже обещанные цветы не подарил!

Ложка с бульоном застывает у меня в руке. Про цветы после разговора с Шефом я напрочь забыл. И сказку, которую можно скормить Трубецкой, чтобы не вызвать подозрений, еще не придумал. Даже не сомневаюсь, что мой рассказ будет пере-

дан Службе Безопасности Рода и Шувалову лично, наверняка такая обязанность прописаны в контракте жирным шрифтом, но дело не в этом.

Я не хочу разрушать зарождающееся между нами доверие. Его основа — похоть двух юных, неудовлетворенных тел, но для меня важна не причина, а следствие. Поднимаю взгляд от тарелки и смотрю на Трубецкую, словно побитая собака.

— У меня в Приюте была девушка, — тихо признаюсь я. — Она назначила прощальную встречу…

— После того как стреляла в тебя в Ауруме? — изумленно вопрошает Трубецкая, подавшись вперед.

— От любви до ненависти один шаг, — я пожимаю плечами и отхлебываю горячий бульон.

— Прошла любовь, завяли помидоры? — внимательный, пристальный взгляд Ольги, вычисляющей, лгу я или нет, резко контрастирует с ее участливым тоном.

— Расстались врагами, — нехотя киваю я, спустя несколько мгновений.

— Значит, теперь ты свободен?

— Ага, и в первую очередь от себя! — смотрю на Трубецкую масленым взглядом, как перекачан-

ный тестостероном кот на кошку, и с удовлетворением отмечаю, что девушка мне верит.

Меня научили контролировать мимические мышцы лица, частоту дыхания и даже потоотделение, поэтому я смог бы обмануть Ольгу, рассказав любую историю, но делать этого не пришлось. Слова о расставании с Мией и моих чувствах были правдой за исключением факта встречи с ней. Почти правдой. Где-то в темных глубинах своей грешной души я все же лелеял надежду на свидание с бывшей.

На второе подают семгу под клюквенным соусом, и я, пребывая в раздумьях о нашем с Миной прошлом, совершаю фатальную ошибку: безошибочно выбираю нож и вилку для рыбы. Неторопливо разделываю нежное филе, изящным жестом отправляю в рот небольшой кусочек, промакиваю губы салфеткой и наталкиваюсь на подозрительный взгляд моей прекрасной визави.

Трубецкая понимает, что я ее разыграл. Прищурив глаза и поджав губы, она хватает со стола нож и без колебаний бросает его в меня. Уклоняюсь от острого лезвия, закрываясь баранчиком — металлической крышкой от блюда с горячим.

Ольга продолжает упражняться в метании

всего, что попадается под руку, а слуги невозмутимо смотрят куда-то поверх наших голов, делая вид, что не происходит ровным счетом ничего необычного. Сталь звенит от врезающихся в нее столовых приборов, бокалов и тарелок, на скатерть сыплются осколки стекла и фарфора, а я благодарю Разделенного за то, что Ольга не видит моего лица: на нем застыла довольная улыбка.

Атака стихает, я вздыхаю с облегчением, опускаю импровизированный щит и вижу на лице княжны желчную мстительную улыбку. От летящего прямо в лоб железного подноса уклоняюсь в последнее мгновение, падая спиной назад вместе со стулом.

Ольга разъяренной фурией запрыгивает мне на грудь, хватает за волосы левой рукой, а правой прижимает к горлу вилку. Рыбная, автоматически отмечаю я. Пара ее острых, раздвоенных зубцов могут превратить мою яремную вену в кровавое месиво.

— Никогда, слышишь, никогда не проделывай со мной подобные штуки! — яростно шипит девушка, сузив глаза.

Хватаю Ольгу за талию, сбрасываю с себя влево и мгновенно оказываюсь сверху, прижимая к полу оба тонких запястья.

— Значит, притвориться девственником в постели с тобой — опасная идея? — игриво шепчу я, почти касаясь губами ее губ.

— Самоубийственная! — Трубецкая фыркает и бьет мне между ног, не отводя взгляд.

От верной импотенции меня спасают лишь тесно сведенные бедра, но частично удар достигает цели, и я падаю на Ольгу, мысленно поминая Тьму во всех известных мне позах.

Двери открываются, и на пороге появляется седой бородатый старик в пенсне и поношенном костюме. Он удивленно смотрит на нас, затем на разгромленный стол и на застывших двумя неподвижными статуями слуг.

— Что здесь происходит? — вежливо интересуется дед. — Я вам не помешал?

— Нет, что вы! Мы отрабатываем ближний бой с помощью подручных предметов, — сообщаю я, кривясь от боли в паху, затем отстраняюсь от Трубецкой и стряхиваю с ее плеча несуществующую пылинку. — А вы, видимо, Хранитель Рода?

— Никифор Григорьевич Ариманов, — с достоинством представляется старик, не обратив внимания на грохот закрывшейся двери, едва не слетевшей с петель от удара выскочившей из гостиной Ольги.

Глава 16 — Темное прошлое и радужное настоящее

— Перейдем к изучению истории Шуваловых, — предлагает седой как лунь Хранитель Рода и выводит на экран уже знакомую мне родословную.

Разница с изученной мной в Приюте состоит в том, что она простирается во глубину веков — вплоть до появления в исторических летописях и былинах безымянного основателя Руси и первого мага по совместительству. Его имя было вымарано из всех источников еще во времена правления Ивана Темного, известно лишь, что Основатель был Светлым.

— Великий Род берет свое начало непосредственно от Основателя, — сообщает Хранитель Рода с придыханием, а я силюсь вспомнить отчество бородатого старца. — Один из семи сыновей Основателя, Ярослав, был заслуженно прозван Великим, потому что объединил под своим началом пятую часть европейской территории современной Российской Империи и основал

династию, впоследствии получившую фамилию Шуваловы. Его многочисленные потомки…

Хранитель тихо бубнит, транслируя хорошо знакомые прописные истины, и я начинаю скучать. Прервать его не позволяет уважение к сединам и наказы Великого Князя, и я делаю вид, что внимаю каждому слову ученого мужа.

Последняя тысяча лет истории Российской Империи, времени, когда в мир пришла магия, больше напоминает сказку для наивных детей, нежели правдивую летопись. Суть ее сводится к противостоянию Светлых аристо, впоследствии разделившихся на Цветных — радетелей блага народного, и Темных аристо — отщепенцев, предателей и наймитов. Маги соперничают, сражаются друг с другом и внешними врагами и периодически ставят само существование России на грань. Добро несут в мир, естественно, Цветные, ведь летописи, как известно, пишут победители.

Светлейший князь Ярослав Великий получил от Разделенного бесценный Дар фиолетовой магии и родил множество сыновей и дочерей, которые продолжили род. Именно из-за прозвища родоначальника Шуваловых семь магических Родов и начали называть «Великими».

Шуваловы сыграли ведущую роль в отражении набегов Темных кочевников в тринадцатом веке, а впоследствии — в свержении пришедших к власти Темных в семнадцатом. Сегодня же Великий Род наряду с остальными шестью противостоит практически всему миру, которым правят Темные.

Я рассматриваю портреты Шуваловых на экране проектора и отмечаю идеальные черты их лиц, весьма схожие с моими. В детстве я думал, что красота древних аристо — это лизоблюдство художников и авторов легенд, но сейчас осознаю свою ошибку — она вполне аутентична.

— А откуда взялся Иван Темный и другие Темные, ставшие его опричниками? — задаю провокационный вопрос вкрадчивым голосом, прерывая пустые разглагольствования учителя.

Невинно смотрю в глаза Никифору Григорьевичу и часто моргаю, как недалекая девица на смотринах. Старик замолкает на полуслове, и выражение его лица меняется. Благодушие уступает место растерянности, которая быстро сменяется менторской надменностью.

— Вырожденцы! — выдыхает он. — В древние времена Темных не уничтожали, как сейчас: они были полноправными членами своих Родов, а

черная волшба не была запрещена законом…

Старик замолкает, явно что-то недоговаривая, а я едва не проглатываю язык от удивления: вместо набившей оскомину легенды о предавших Свет и переметнувшихся во Тьму аристо, он сообщает что-то, похожее на правду!

— А из какого Великого Рода вышел Иван Темный? — спрашиваю я, ступая на тонкий лед, под которым уходит в смертельно опасную бездну запрещенная законом ересь.

Никифор Григорьевич медлит с ответом. Он пристально на меня смотрит, беззвучно шевелит губами и хмурится, взвешивая последствия возможной откровенности. Распространение ереси в Российской Империи карается смертью.

— Из нашего, — быстро произносит он, будто бросившись в холодный омут. — Больше всего Темных всегда рождалось среди Фиолетовых…

Вот это поворот! В Род Шувалова стоило вступить уже только ради обретения этого знания!

— А меньше всего — среди Красных? — высказываю очевидную догадку я.

— Именно так, юноша! — старик удовлетворенно кивает.

— Значит, со Светлыми все наоборот: больше всего их рождается среди Красных?

— Позвольте полюбопытствовать, уважаемый Александр Игоревич: откуда у такого, гм, симпатичного юноши возник интерес к краеугольным вопросам мироздания? — Никифор Григорьевич бросает на меня пристальный, изучающий взгляд.

— Вы хотите сказать, «легкомысленного юноши»? — уточняю я подчеркнуто язвительным тоном. — Вы считаете, что моя внешность больше располагает к забавам с прекрасным полом и поединкам на дуэлях, нежели к изучению наук?

— Устами красавцев и младенцев обычно глаголет истина! — парирует старик и лукаво улыбается в седую бороду.

— Намек на то, что уровень моего интеллектуального развития чуть выше младенческого?! — подыгрываю я старику и получаю в награду полный иронии взгляд.

— Скорее удивляюсь тому, что вы исключение из правил, но давайте вернемся к седой древности! — Никифор Григорьевич дипломатично возвращает разговор к главной теме. — Больше всего Светлых рождалось тоже в роду Фиолетовых.

— Но почему?! — искренне удивляюсь я. — Это нелогично — меня всегда учили, что Свет и Тьма

стоят на разных полюсах?!

— Никто не знает, — старик пожимает плечами и щурит глаза. — Возможно, природная любознательность сподвигнет вас на поиски истины?!

— А можно ли определить цвет одаренного до инициации? — спрашиваю я, впрочем, зная ответ наверняка.

— Ночью все кошки серы! — усмехается старик. — Этому вас тоже должны были учить. Цвет проявляется только после возникновения устойчивой связи души аристо, Осколка и Родового Кристалла…

— Мои глаза фиолетовые с рождения…

— Это не дает стопроцентной гарантии наличия способностей к владению Фиолетовой магией, — недовольно перебивает меня старик, — лишь свидетельствует о принадлежности к Великому Роду Шуваловых. Тонкости наследования Дара вам лучше обсудить с Игорем Всеволодовичем, я всего лишь скромный Хранитель.

— Тогда позвольте вопрос на историческую тему?! — прошу я и задаю его, дождавшись одобрительного кивка. — Какой процент темных и светлых магов родился в Великом Роду Шуваловых, скажем, за последние двести лет?

— Около половины всех аристо в нашем Роду

были Темными или Светлыми, — хмуро отвечает старик после длинной паузы. — За сим я вынужден нашу полемику прекратить— мне необходимо уточнить у Великого Князя пределы дозволенного в разглашении вам информации, закрытой по соображениям безопасности Рода и Империи!

— Великий Князь дает разрешение на передачу оному молодому человеку любых сведений, касающихся происхождения, истории и способностей представителей нашего Рода! — громко заявляет появившийся в дверях гостиной Игорь Всеволодович Шувалов. — Если парень окажется Темным или Светлым, то унесет наши тайны в могилу, а если — Фиолетовым, то будет хранить их как зеницу ока!

Великий Князь широко и открыто улыбается, а меня от его откровенности слегка коробит. Старик говорит обо мне, как о вещи, которую можно либо использовать на благо Рода, либо выбросить за ненадобностью! Вероятность оказаться Фиолетовым и не быть убитым в момент Инициации — около пятидесяти процентов! Я настолько поражен озвученной цифрой, что не сразу возвращаюсь в окружающую меня действительность.

— Приветствую вас, господа! — будто спохватившись, быстро произносит Шувалов и едва заметно склоняет голову. — Приветствую и предлагаю перенести наше занятие в практическую плоскость, проследовав к Родовому Кристаллу!

— Вы думаете, Александр Игоревич готов? — вопрошает Хранитель с явным сомнением в голосе.

— А ежели и нет — чем мы рискуем?! — на губах Великого Князя расцветает лукавая улыбка и он мне подмигивает. — Фиолетовым больше, фиолетовым меньше — нам не привыкать!

Шувалов разворачивается и решительно направляется прочь. Мы встаем из-за стола и следуем за ним. На ходу я ловлю успокаивающий взгляд Хранителя, но обуревающее меня волнение не исчезает, а лишь усиливается.

Уже через несколько минут я не только увижу Кристалл Великого Рода, но и почувствую его мощь. Это, конечно, не Инициация, скорее, лишь проба пера, эдакая репетиция, но древние легенды говорят, что у редких одаренных аристо инициация начиналась спонтанно, у некоторых в детском возрасте.

Самый яркий пример — Петр Великий, перед которым еще в юности, после его первого кон-

такта с Родовым Кристаллом преклонили колени не только все аристо Российской Империи, но и правящий тогда Император. Со мной такого наверняка не произойдет, но чем Разделенный не шутит…

Под взглядами запечатленных на огромных полотнах великих предков мы проходим уже знакомым коридором и оказываемся в лифтовом холле. Всякий раз следуя мимо помпезных портретов, я гадаю — кто же из них был моим родителем?

Охрана почтительно расступается, и мы заходим в кабину лифта. Великий Князь снимает с пояса ключ, вставляет его в неприметное гнездо под кнопками и поворачивает. Глаза Шувалова вспыхивают, стенки окрашиваются в фиолетовый цвет, и лифт начинает плавный подъем.

— Может, все же рано еще? — спрашивает Хранитель, бросив на меня короткий выразительный взгляд.

— А что изменится за пару недель? — отвечает Шувалов вопросом на вопрос. — Времени у нас в обрез, а чем раньше парень обретет Дар, тем больше шансов у него выжить!

— Я вам не мешаю? — вопрошаю стариков и попеременно гляжу то на одного, то на другого.

— Нет! — одновременно отвечают они без тени улыбки на морщинистых лицах.

— Тебя смущает наша откровенность? — спрашивает Великий Князь, удивленно вскинув правую бровь.

— Скорее, ваш неприкрытый цинизм!

— И это мне заявляет восемнадцатилетний циник, подобного которому я не встречал за всю свою долгую жизнь?! — Шувалов заразительно смеется, и его радужки разгораются ярче.

Лифт останавливается, фиолетовое свечение в глазах Великого Князя тускнеет, и двери открываются. Мы выходим в полутемное помещение и поднимаемся по узкой винтовой лестнице несколько пролетов. Ступени упираются в металлический люк в потолке диаметром примерно два метра. На нем нет замочных скважин, поручней или вращающихся рукоятей, а ровный отполированный до состояния зеркала металл идеально прилегает к массивной раме.

Радужки Великого Князя вспыхивают ярче, поверхность люка заливает фиолетовое мерцание, и он начинает медленно открываться. Шувалов открывает его Силой, без применения физического воздействия!

Мы продолжаем подъем и оказываемся в ци-

линдрическом помещении диаметром и высотой шесть или семь метров. Его заливает насыщенный фиолетовый свет, бьющий из не ограненного Кристалла над головой. Кажется, что белый мрамор, покрывающий стены и пол, источает собственный фосфоресцирующий свет и наполняет белки наших глаз глубокой насыщенной синевой. Мы будто попали внутрь огромного сапфира и увязли в густом цвете, как пчелы в меду.

Задрав голову, я смотрю в глубину исполинского фиолетового Кристалла. Проходя через него, солнечный свет тускнеет и наливается насыщенной фиолетовой синью, такой же, какая обычно светит из глубины радужек Шувалова.

— Тебе несказанно повезло, юный Шувалов — ты можешь лицезреть легендарное, дарующее Силу сокровище Великого Рода собственными глазами! — Шувалов поворачивается ко мне и расстегивает высокий ворот белоснежной рубашки.

Фиолетовый осколок на его груди светится и мерцает в унисон с Кристаллом.

— Чувствуешь что-нибудь? — спрашивает меня Великий Князь, выводя из состояния гипнотического транса.

— А должен? — я смотрю в глаза Шувалову и

мне кажется, что они источают не только свет, но и Силу в ее первозданном, необузданном виде.

— Прилив энергии? Ускорение восприятия? Покалывание кожи? Смещение спектра? — подсказывает Великий Князь.

— Ничего из перечисленного! — я отрицательно мотаю головой, а затем ощущаю легкое жжение на груди. Прикладываю руку к источнику тепла и понимаю, что Осколок снова нагревается.

Великий Князь разочарованно отворачивается, а я оттягиваю тугой воротник кожаной накидки, заботливо купленной мне Трубецкой, и заглядываю под нее. В глаза бьет яркий белый свет — Осколок сияет словно миниатюрное солнце!

Поспешно запахиваю накидку и ошалело смотрю на спины стариков. Осколок, который я всегда считал подделкой или детской игрушкой — все же настоящий? А если настоящий, то почему его сияние белое, а не фиолетовое? Неужели это подлинный Осколок Светлого Кристалла?

— Если я не ошибаюсь, вы, Великий Князь, почувствовали Дар в тринадцать лет?! — подает голос молчавший все это время Хранитель.

— Примерно тогда! — кивает Шувалов. — День и обуявший меня восторг я помню прекрасно, а вот точный возраст — уже нет. Как думаете,

Никифор Григорьевич, у Александра есть шанс?

— Сие ведомо лишь Разделенному! — искренне заявляет старик и пожимает плечами.

Меня захлестывают вопросы, и я не сразу осознаю, что Осколок продолжает нагреваться. Вены набухают и гудят, как будто в кровь впрыснули жидкую энергию, кожу покалывают тысячи миниатюрных иголочек, а мысли становятся быстрыми и четкими. Начинается спонтанная инициация?! Но Осколок же не фиолетовый, не часть Родового Кристалла! Интуиция подсказывает, что нужно срочно уносить ноги!

— Спускайтесь, мне нужно остаться здесь одному! — как нельзя своевременно распоряжается Шувалов не терпящим возражения тоном, и я спешно ему повинуюсь.

Несусь вниз по винтовой лестнице, перепрыгивая через ступени и утирая со лба обильно выступивший пот — Осколок невыносимо жжет грудь! Останавливаюсь у дверей лифта и перевожу дух: нагрев прекратился. Прижимаюсь спиной к холодной мраморной спине и медленно оседаю на пол. Слышу, как круглый стальной люк закрывается с неприятным металлическим скрежетом.

На лестничном проеме появляется Никифор

Григорьевич. Взгляд старика устремлен мне в глаза. Он медленно спускается и гипнотизирует меня как удав кролика.

— От кого или чего ты бежал? — с подозрением спрашивает он и останавливается передо мной, скрестив руки на груди.

— От себя! — отвечаю я и прищуриваюсь. — Никак не могу выбросить из головы, что половина фиолетовых стала Темными…

— Пути Разделенного неисповедимы! — пожимает плечами Хранитель. — Чему суждено быть, того не миновать!

— Что будет, если я надену на шею, например, Синий Осколок и встану под Фиолетовый Кристалл? Или наоборот?

— На все воля Разделенного! — Хранитель уходит от прямого ответа, задумчиво глядя на крупные бисеринки пота, покрывающие мой лоб. — А в связи с чем у вас возник этот вопрос?!

— Пытаюсь понять, почему множество фиолетовых оказались Темными! — тихо произношу я с отчаянием в голосе и утираю лоб.

— Это заложено в нас Разделенным, и выбор не изменить, — мягко произносит Никифор Григорьевич. — Биологическую наследственность невозможно поколебать манипуляциями с Кри-

сталлами, Осколками и местами инициации. Подобных попыток в истории аристо было множество, но все они провалились!

Звучит не очень-то обнадеживающе, и я едва удерживаюсь от привычного мне едкого комментария. Молча киваю и прижимаю согнутые ноги к груди. Мой Осколок остывает, и вместе с его температурой падает уровень тревоги за судьбу себя любимого.

Над нашими головами снова раздается металлический скрежет, а затем звучат тяжелые шаги. Шувалов спускается по скошенным каменным ступеням, останавливается у подножия лестницы и протягивает вперед руку. На его раскрытой ладони лежит вновь созданный Осколок.

— Уже скоро этот камень может стать неотъемлемой частью тебя, Александр! — немного устало заявляет Великий Князь, и Осколок вспыхивает ослепительным фиолетовым светом.

Глава 17 — Жалованная Грамота

Знакомство с Главой Службы Безопасности Рода не заладилось с самого начала. Шувалов опаздывает, и в его отсутствие Владислав Степанович Берестов разглядывает меня, не скрывая скепсиса. Его отдающие сталью серые глаза буравят мои, и я чувствую себя экзотической букашкой, которую изучают через мощное увеличительное стекло перед препарированием на лабораторном столе.

— Признаюсь как на духу, Александр Игоревич: я не разделяю довольно теплое к вам отношение со стороны Великого Князя и считаю вас как минимум чуждым Роду, а как максимум — опасным, — тихо говорит он, хмуря седые брови. — Посему буду строить взаимодействие с вами по соответствующему сценарию.

— Накроете меня непроницаемым колпаком?! — согласно киваю и пожимаю плечами. — Что ж, вы в своем праве, Владислав Степанович. Более того, я поступил бы на вашем месте точно так же.

— Рад, что вы понимаете и принимаете мою позицию, — с облегчением заявляет безопасник, складывает пальцы в замок и, расположив ладони на животе, откидывается в неудобном кресле для посетителей. — Я не буду повторять озвученные Игорем Всеволодовичем ограничения, но прошу заметить, что в мои обязанности не входит надзор за вашим моральным обликом. Меня интересует в первую очередь безопасность Рода, а во вторую — ваша. Именно в такой последовательности! Посему прошу исполнять все распоряжения господина Шувалова и мои, касающиеся сохранности вашего драгоценного седалища, безукоснительно! Во избежание, так сказать, ненужных эксцессов!

— Буду стараться! — обещаю со всей искренностью, на которую способен, хотя понимаю, что даже эти пустые слова — откровенная ложь.

— Не особо вам верю, но давайте обсудим детали! — на губах Владислава Степановича появляется кривая усмешка и кладет на стол лист бумаги, на котором напечатана небольшая таблица. — Любая отлучка из Высотки возможна только после моего одобрения, либо в сопровождении или по личному распоряжению Главы Рода. Если возжелаете посетить выставку, ресторацию или

танцпол, то сообщаете о подобных планах заранее с подробным описанием периода времени, места и предполагаемого состава сопровождающих лиц не позже, чем за двенадцать часов. Заявки на визиты в разного рода дома терпимости даже не подавайте! О намерении наведаться в гости к друзьям или подругам уведомляете за сутки по этой же форме. Я изучаю запрос, и в случае моего одобрения вам выделяется соответствующее обстоятельствам сопровождение.

Смотрю на безопасника, округлив глаза, и не верю собственным ушам. Я попал в золотую клетку, это было очевидно изначально, но неожиданно для меня клетка оказалась тюрьмой строгого режима.

— Заниматься сексом я должен под неусыпным надзором ваших людей или с их непосредственным участием?! — спрашиваю я сахарным голосом.

— Понимаю ваш сарказм, но боюсь, что иного способа сохранить вашу жизнь не существует, — отвечает Владислав Степанович, проигнорировав мою колкость и все также пристально глядя в глаза. — Признаться честно, даже озвученные мной меры могут не уберечь вас от смерти…

— Чему вы, безусловно, будете рады?! — преры-

ваю безопасника, прикинувшись обиженным и оскорбленным юнцом.

— Александр Игоревич, не ищите во мне врага! — произносит Берестов с нескрываемым раздражением. — Впрочем, друга или поводыря также не ищите! Я обычный сторожевой пес, который отвечает за вашу благородную задницу!

А это уже интересно! Плохо скрываемая классовая ненависть во всей красе или обычная проверка? Если это искренность, то она дорогого стоит, но и пугает безмерно. Глава Службы Безопасности Великого Рода всем своим видом показывает, что устал от аристо, от служения и от ответственности за охраняемых им высокородных персон.

— Позвольте нескромный вопрос? — я развязно растекаюсь в угловатом кресле и вытягиваю ноги, чтобы вызвать более сильное отторжение.

— Валяйте! — кивает Владислав Степанович с недобрым прищуром.

— На чем основано ваше отношение к моей скромной персоне? Вы составили мой психологический портрет, изучили досье или побеседовали со знающими меня людьми?

— Ни то, ни другое, ни третье, — отвечает Берестов с усмешкой и наклоняется через стол ближе

ко мне. — Я просто не верю тебе, красавчик! И знаешь, почему?

— Догадываюсь — вы не любите предателей?!

— Именно! — Владислав Степанович направляет на меня указательный палец. — А таких умных и хитрых, как ты — особенно!

— Спасибо за откровенность! — с горькой усмешкой заявляю в ответ, и Разделенный — свидетель: я ничуть не кривлю душой.

— На этом и порешим! — еще какое-то время безопасник молча меня гипнотизирует, а затем дверь в кабинет открывается, и на пороге появляется Игорь Всеволодович.

На Шувалове отливающий блеском лиловый костюм, идеально подогнанная по фигуре рубашка с высоким воротником, и зеленый галстук. Он стремительно проходит к своему столу, садится в кресло и кладет на стол тонкую папку из фиолетовой кожи.

— Читай! — коротко бросает он и тянется к бару.

Взгляд старика лучится от гордости, он открывает резную дверцу, достает бутылку коньяка «Шуваловский» и собственноручно разливает его по хрустальным бокалам.

Я открываю папку и вынимаю оттуда покры-

тый защитной пленкой тонкий лист гербовой бумаги со светящейся голограммой двуглавого орла в центре.

— Жалованная Грамота, — начинаю читать я. — Дана Шувалову Александру Игоревичу в том, что ему жалуется дворянство по праву Крови и членство в Великом Роду…

Поднимаю взгляд на Великого Князя и вижу его торжествующую улыбку. Берестов смотрит на меня так, будто сжевал без сахара половинку лимона.

— Поздравляю, Саша, ты теперь полноправный член Рода! — Игорь Всеволодович поднимает бокал, и мы следуем его примеру. — Не подведи меня!

Мы чокаемся и опорожняем бокалы. Я не желаю разочаровывать старика, и мое лицо практически светится от счастья — спасибо урокам актерского мастерства. Имитировать необходимые эмоции несложно, особенно, если ты уже сыграл множество образов и даже неодушевленных предметов — от таракана до табуретки.

Владислав Степанович не отрывает от меня внимательного взгляда даже в момент, когда опрокидывает коньяк в глотку. Интересно: раскусил он актерскую игру или нет?

Шувалов удовлетворенно крякает, а затем открывает стоящий слева от него сейф. С глухим стуком он выкладывает на стол пистолет, коробку с патронами и ламинированную карточку, украшенную светящейся голограммой двуглавого имперского орла.

— Десятизарядный Геруа, патроны и разрешение на ношение, — сообщает он. — Подарок лично от меня! Рекомендую изучить Дворянский Кодекс в части права и ответственности за использование оружия. Боюсь, что в случае явного нарушения закона тебе не сможет помочь даже сам Император! — Игорь Всеволодович указывает взглядом на висящий над его головой портрет и двигает дары ближе ко мне.

— Благодарю! — коротко отвечаю я и беру в руки отливающий чернью пистолет.

— Это всего лишь символ, — сухо уведомляет меня Берестов. — Как именной дворянский меч пару сотен лет назад. Когда вы обретете всю мощь Дара, огнестрельное оружие станет для вас бесполезной игрушкой.

Хочу язвительно заметить, что знаю обо всем этом ничуть не хуже Берестова, но сдерживаюсь. Сообщая прописные истины, известные каждому чистокровному аристо с пеленок, Глава Службы

Безопасности Рода лишний раз напоминает, что я к этим самым аристо не принадлежу.

— Любые почетные регалии предполагают определенные обязанности, в твоем случае не номинальные, а вполне реальные, — Шувалов кивает на кожаную папку, и я достаю из нее пластиковую карточку с неизменным двуглавым орлом и моим полным именем, напечатанным скромным черным шрифтом без вензелей.

Под стилизованным изображением крылатого хищника красуется надпись: «Тайная Канцелярия Российской Империи».

— Теперь ты — внештатный сотрудник! — с пафосом произносит Игорь Всеволодович и снова разливает коньяк по бокалам. — Разумеется, светить этой визиткой на каждом углу не стоит, но в случае серьезных проблем предъявить можно.

— Если могут быть проблемы, то есть и задачи, которые могут их породить?! — задаю очевидный вопрос я.

— Приют! — коротко отвечает Шувалов. — Мы все еще не знаем владельцев проекта, а также целей, которыми они руководствуются. Начни с материалов дел погибших выпускников, конверт лежит в папке.

— Материалы любых дел разглашению не

подлежат, — вступает в разговор Берестов, — их нельзя обсуждать ни с кем, кроме Игоря Всеволодовича — даже с графиней Ольгой Юрьевной Трубецкой! Даже в постели! Бумаги храните в сейфе и не потеряйте большой палец, который его открывает!

— В постели с девушками я обычно не разговорами занимаюсь, — с улыбкой отвечаю я, давя раздражение в зародыше.

Шувалов попеременно переводит взгляд с Берестова на меня и обратно. На его устах застыла довольная улыбка — похоже ему нравится стоять над схваткой, пусть даже в виде безобидного переругивания подчиненных.

— Завтра мы едем в Кремль на торжественную встречу будущих студентов Императорской Академии, — сообщает мне Шувалов. — Первый костюм уже отшит, его доставят утром, а маршрут следования, количество охраны и огневой поддержки мы обсудим с Владиславом Степановичем наедине, надеюсь ты не против?

Мальчику указали на место. Мальчик встает из-за стола, сгребает со стола документы и оружие, прощается и направляется в свою золоченую клетку.

Следуя мимо уже надоевших портретов, с удив-

лением признаюсь себе, что недоверие стариков меня совершенно не обижает. Коньяк тому причина или отсутствие ощущения принадлежности к Великому Роду — не знаю, но настроение у меня прекрасное.

Захожу к себе и закрываю двери на замок — сейчас я не хочу видеть даже Трубецкую. Небольшой кабинет, примыкающий к спальне предельно аскетичен и функционален. Помимо стола с моноблоком, эргономичного кожаного кресла и нескольких книжных полок в нем нет ничего. Утопаю в перфорированной коже и, пару раз крутнувшись на кресле, вскрываю конверт. Внутри лежат несколько файлов, и в каждом — фотографии, от которых мне становится не по себе.

Слева — изображение улыбающегося выпускника или выпускницы приюта, а справа — его же посмертный снимок. Столь явное доказательство мимолетности нашей жизни на мгновение вгоняет меня в меланхолию, но я беру себя в руки и открываю первый файл.

Грин не был моим лучшим другом, но приятелем был отменным. Когда этот веселый и компанейский парень исчез из Приюта, я пару недель места себе не находил — образовавшуюся

пустоту в общении не смогла заполнить даже Мина.

С прижизненной фотографии он смотрит на меня с неизменной улыбкой, и оттого вдвойне больнее видеть его изуродованное взрывом лицо. Налившиеся кровью полуприкрытые глаза, разорванные ноздри и губы, щеки, обвисшие и пронизанные тонкими трещинами лопнувших сосудов…

Переворачиваю страницу и вчитываюсь в текст, над которым проставлен штамп «Совершенно Секретно». По мере прочтения я удивляюсь все больше и больше. Год назад зеленоглазый Грин попытался убить зеленоглазого Цесаревича, еще до его инициации! Покушение почти удалось: сыграв роль провинциала-простачка из Рода Зеленых, он втерся в доверие к Сыну Императора, но убил его не сразу, почему-то затянул общение с венценосной особой, и подлог вычислила Служба Безопасности. Голова Грина взорвалась прямо на допросе, изуродовав его до неузнаваемости.

В том, что синеглазый Барс устроил покушение на наследника Синих, я даже не сомневаюсь. Короткая справка по делу подтверждает мою догадку. Снова покушение, снова знакомство

в личине неинициированного Синего — фальшивого воспитанника Царского Лицея и снова отсроченное покушение. Барс мог убить наследника Синих в первую же минуту знакомства, но общался с ним почти три дня до того момента, когда его обман раскрыли на балу случайно оказавшиеся там реальные выпускники Лицея.

Следующие шесть справок я просмотрел мельком, заранее зная, что убийства одаренных аристо не были главной задачей приютских. Целью выпускников Приюта всегда были молодые неинициированные члены Великих Родов, и всегда одной с ними крови.

Бастарды Красных втирались в доверие к Красными, оранжевые — к оранжевым, и далее по спектру. Они не стремились убивать, а наоборот — вступали в контакт и поддерживали его до рокового момента, когда аферы вскрывались, и они гибли от пуль, магических атак или встроенных в зубы бомб.

Внедриться в Род таким способом — весьма нетривиальная задача, и с наскока не решается. Неужели во всех случаях речь шла всего лишь о получении какой-то важной информации?

Мое задание отличалось от остальных. Во-первых, жертва была в несколько раз старше меня,

во-вторых — я должен был ее убить. Ни о каком вступлении в контакт речи даже не шло. История не укладывается в привычный сценарий, но по странному стечению обстоятельств я пришел к тому же, к чему и другие приютские — к общению с потенциальной жертвой, которое привело меня к вступлению в Великий Род.

Как ни крути, речь все же идет о попытках внедрения приютских в ряды противника. На встрече в Храме Шеф поздравил меня с проникновением в стан врага, чему я был безмерно удивлен. А затем предложил продолжить работать на Приют и поразмыслить о главной цели его существования на собственном примере.

Нас, внебрачных детей одаренных Цветных, растили, воспитывали и учили как аристо не для того, чтобы мы стали простыми ассасинами, нас изначально планировали забросить в общество высших цветных! Именно поэтому итоговые задания всегда были одиночными, и никто из выпускников не делился их подробностями даже с лучшими друзьями!

Но мне же поручили убить Шувалова?! Или это была глубоко просчитанная комбинация, вероятным исходом которой и было вступление в Род?!

Приютские парни и девчонки ловили своих

жертв с помощью создания иллюзии дружбы или любви, а я невольно апеллировал то ли к отцовским, то ли к дедовским чувствам. И, судя по всему, я — единственный живец, на которого клюнула добыча.

Отталкиваюсь ногами от стола, запрокидываю голову и начинаю вращаться в кресле. Комната кружит перед глазами, и ее безумная пляска сродни тому хаосу, который царит в моих мыслях: я снова и снова возвращаюсь к приоткрывшейся истине, стараясь погрузиться в нее как можно глубже.

Кто-то затеял игру с высокими ставками, игру вдолгую, игру опасную и рискованную, игру с неясными для меня целями, игру, участником которой я поневоле стал. Допустим, моя догадка верна, и основная задача приютских не убийства, а вступление в Род, но она не может быть самоцелью.

Зачем вступать в Великий Род? Какие возможности получит Приют, внедрив своих юных агентов в среду цветных одаренных столь высокой ценой? Если говорить обо мне, то некая логика присутствует, учитывая преклонный возраст Шувалова и его неспособность иметь детей, но что даст появление среди сотен Красных

аристо еще одного?

Вопросов не стало меньше, и они усложнились. Останавливаю вращение кресла и с дурацкой улыбкой на лице наблюдаю за качающимся над головой потолком. Хочется напиться и отдаться в ласковые руки китайских массажисток, чтобы реальность размылась на фоне их лиц, как фон фотопортрета.

Что ж, кое-какие карты Шефа, которые он обещал открыть в случае моего согласия работать на Приют, теперь известны. Стратегические цели, личности крупье и хозяев казино по-прежнему скрыты, и я не думаю, что смогу узнать больше, отказавшись от предложения Шефа. Более того, отказ означает верную смерть, которая рано или поздно меня настигнет.

Похоже, что у меня нет выбора. Я покинул Приют в надежде обрести большую свободу и еще недавно думал, что сменил одну клетку на другую. На самом же деле я стал пленником сразу двух узилищ.

Многие возразят мне и скажут, что выбор есть всегда. Я соглашусь, но с важной поправкой. Он есть, если принять за одну из опций смерть.

А седьмое правило «Кодекса Агента» гласит: «Выживи любой ценой!».

Глава 18 — Проверка тестикул на содержание стали

Закрытый спортивный комплекс Рода расположен на пару этажей ниже жилых апартаментов. Нас окружает сталь, натуральный камень и стекло — никаких деревянных панелей, хрустальных люстр, ковров и канделябров на стенах.

Тренажерный зал и спарринг-модули оборудованы по последнему слову техники и ничем не уступают приютским, пятидесятиметровый бассейн на десять дорожек заполнен морской водой, а сотрудники вежливы и обходительны.

Тир достоин отдельного упоминания. Стрельбище, нашпигованное самой современной аппаратурой, предоставлено в мое полное распоряжение. Я стою у стойки, смотрю на мишени вдалеке, и сердце бьется так, будто я оказался на поле боя.

— Тебе еще не приходилось убивать людей? — спрашивает меня Берестов, вызвавшийся провести первое занятие лично.

— Нет! — я отрицательно качаю головой и беру

в руки подаренный Великим Князем пистолет Геруа.

— А в тире работать?

— Было дело, — я утвердительно киваю. — Он был не настолько шикарен, как этот. Только стрельба по стационарным мишеням, никаких голографических модулей, движущихся целей и объемной рекогносцировки.

— Тогда с мишеней и начнем! — Берестов нажимает несколько кнопок на управляющем модуле, и начинается обратный отсчет. — Их будет тридцать: по десять на пятидесяти, двадцати пяти и десяти метрах. По патрону на мишень, они будут появляться через каждую секунду. Время на замену магазина — пятнадцать секунд. Надевай наушники!

Вдалеке в полутьме вспыхивает свет и появляется первая мишень, имитирующая черную фигуру человека. Прицелившись, жму на курок. Выстрел оглушает, пистолет дергается в руке, пуля с грохотом вылетает из ствола, и нарисованная фигура падает. Следующая возникает в паре метров от первой, я меняю прицел и снова жму на спусковой крючок.

Правая рука движется автоматически, на уровне рефлексов, практически без моего уча-

стия. Я лишь отрешенно обозреваю пространство, став его неотъемлемой частью, и покоряюсь инстинктам, сформированным в Приюте за десять лет.

Выстрел за выстрелом я всаживаю пули в мишени и чувствую, что каждый достигает цели. Не вижу, а именно чувствую, ощущаю направление и скорость полета пуль, будто я обрел некую волшебную способность. Я не могу отрешиться от этого ощущения, словно попал в какой-то другой мир, законы которого неподвластны нашему.

Все заканчивается очень быстро, я кладу горячий дымящийся пистолет на стойку, поворачиваюсь к Берестову и снимаю наушники. Владислав Степанович выглядит удивленным и не особо это скрывает. Он молча поворачивает ко мне электронное табло. На нем красуется цифра «300».

— Ты выбил максимум, — медленно произносит начальник Службы Безопасности. — Все поражения — в голову…

Я молчу, потому что удивлен не меньше Берестова. И поражен не цифрами даже, а ощущениями, которые меня захлестнули. Чувство полного единения с оружием, слияния с ним в одно целое немного пугает.

Запоздало ощущаю жжение на груди и пони-

маю, что Осколок снова нагрелся.

— Хотел бы соврать, что так происходит всегда, но не буду! — признаюсь я, ошарашенно глядя на безопасника. — Обычно я выбиваю меньше…

— Проявляется Дар, — удовлетворенно произносит он, поглаживая жесткий ежик седых волос. — Давай поработаем с динамическими целями!

Какое-то время Берестов сосредоточенно колдует над пультом, а затем пространство между стойкой и дальней стеной приходит в движение. Мишени отъезжают назад и прячутся в нишах, с потолка опускаются тускло светящиеся проекторы, а стены превращаются в экраны, на которых возникают объемные изображения вечернего полутемного парка.

— Занимай позицию в центре полигона, — приказывает мне Берестов и протягивает тяжелый тренировочный пистолет. — Ты не должен покидать точку стрельбы!

Прохожу в центр зала и становлюсь внутри подсвеченного на полу круга. Пространство зрительно расширяется, вокруг меня появляются голографические модели деревьев, кустарников и даже лавочек, расставленных вдоль узких пешеходных дорожек. Я не успеваю восхититься реалистичностью картинки, потому что в густой

растительности начинают появляться темные фигуры.

Пистолет в моих руках — яркая и дорогая игрушка. Она столь же тяжела, сколь и настоящее оружие, стреляет с оглушающим грохотом и впечатляющей отдачей, вот только пули из ствола не вылетают. Пораженные моими виртуальными выстрелами, фигуры атакующих одна за другой падают в густую траву, и мне становится скучно. А еще я чувствую нарастающее жжение спрятанного под одеждой Осколка.

— Усложняем задачу! — кричит Берестов, и нападающие начинают в меня стрелять.

Вокруг свистят пули, и я молю Разделенного, чтобы они оказались, действительно, виртуальными. Скорость появления врагов увеличивается, они стреляют все интенсивнее, и я танцую в светящемся кругу, словно ярмарочный плясун в кандалах. Наконец, мой выстрел поражает последнюю цель, виртуальные декорации гаснут, и я снова оказываюсь в центре обычного тира.

— Впечатляет! — коротко бросает мне Берестов и удивленно смотрит в глаза. — Продержался почти пять минут и уничтожил семьдесят четыре мишени! Для неинициированного ты более, чем неплох!

Весьма лестная оценка, особенно если учесть негативное ко мне отношение.

— Что вы приготовили на десерт? — вопрошаю я подчеркнуто ровным тоном, как будто совершаю подобные подвиги каждый день.

— Выводите! — говорит Берестов в миниатюрную рацию, висящую у него на груди, обращает взгляд на меня, и на его лице возникает холодная улыбка, похожая на оскал хищника.

Часть стены справа отъезжает в сторону, и в тир один за другим цепочкой заходят люди. Вооруженные охранники в боевой броне ведут троих парней примерно моего возраста в одних лишь наручниках и с кляпами во рту. Жертв пинками заставляют встать на колени в нескольких шагах от меня, и я чувствую, как по спине стекают тонкие струйки холодного пота.

— Ты должен их застрелить! — сообщает мне Берестов с презрительной усмешкой на устах и протягивает пистолет Прилуцкого.

Немного помедлив, я принимаю оружие из его рук и бросаю взгляд на стоящих на коленях парней. Стволы охранников нацелены в их головы, в глазах ребят застыл испуг, но они не пытаются миновать очевидной участи. На ум приходят лозунги Приюта о хищнической природе аристо, об

их преступной власти и отношении к бездарям, как к людям второго сорта.

— Кто они?! — спрашиваю я, кивнув в сторону потенциальных жертв.

— Это не имеет никакого значения, твоя задача — убить! — холодно отвечает Берестов.

— Вы хотите убедиться, что у меня кишка не тонка? — вопрошаю я, вскидывая бровь.

Меня захлестывает возмущение, густо замешанное на презрении.

— И в этом тоже! — Берестов подходит ближе и останавливается в полуметре от меня. — Ты должен доказать, что способен на хладнокровное убийство!

— Игорь Всеволодович знает? — интересуюсь я, все еще не веря в реальность происходящего.

— Конечно! — безопасник уверенно кивает, и в его взгляде проявляется плохо скрываемое торжество. — Более того, он инициатор этого испытания!

— Что будет, если я откажусь?

— На все воля Великого Князя! — Берестов равнодушно пожимает плечами. — И я не думаю, что его решение тебе понравится!

— Я не понимаю смысла этого испытания!

— Ты должен доказать, что у тебя есть яйца!

— тихо цедит безопасник сквозь зубы.

— А я еще не доказал?! — почти кричу я. — Зачем нужен этот дурацкий спектакль?!

— А зачем нужен молодой Шувалов, который способен работать только тем стволом, который у него между ног?! — раздраженно спрашивает Берестов. — Не волнуйся, ты не сядешь! Вероятность несчастного случая в тире невелика, но и ненулевая! Все подчистим и уберем: даже пятнышка крови не останется!

В тоне Владислава Степановича нет язвительности или издевки, он бьет словами наотмашь. Бьет продуманно и хладнокровно. Смотрю в серо-стальные глаза и пытаюсь понять: блефует безопасник или нет. Его взгляд не выражает никаких эмоций, а лицо совершенно непроницаемо и похоже на бескровную механическую маску.

Делаю шаг назад и разглядываю парней. Все это напоминает плохой спектакль, вот только руки пленников трясутся, а глаза полны страха и мольбы. Либо они ученики Станиславского, либо не сомневаются в своей участи.

— Кто они? — еще раз спрашиваю я с нажимом.

— Обычные бездари, но это не имеет значения! — раздраженно повторяет Берестов. — В

каторжников или душегубов стрелять легче, чем в простых парней с улицы?!

— Не знаю — не пробовал! — медленно отвечаю я, стараясь сохранить хладнокровие и не сорваться на крик, или того хуже — в истерику.

— Прошу вас, Александр Игоревич, примите решение! — произносит Владислав Степанович и уходит с линии огня.

Я тяну время. Вновь смотрю в глаза будущих жертв. Перевожу взгляд с одного лица на другое, и парни пригибаются и вздрагивают, будто от ударов невидимой плетью. Берестов стоит справа за стойкой и, скрестив руки на груди, наблюдает за мной из-под полузакрытых век.

Опускаю взгляд и только в этот момент ощущаю вес пистолета. Вороненая сталь оттягивает руку, но бремя выбора тяжелее во сто крат. Переключаю предохранитель и медленно поднимаю ствол. Больше всего хочется разрядить обойму в Берестова. Сначала завалить его, затем — охранников, потом бежать…

Умом я понимаю, что это, мягко говоря, не лучшее решение. Меня поймают и уничтожат. А перед этим будут пытать. Служба Безопасности Рода отомстит за смерть товарищей, а чуть позднее — Великий Князь: за разрушенные надежды

и впустую потраченное на меня время.

Стреляю, не надевая наушники. В роли мишеней представляю улыбающиеся лица Шувалова и Шефа. Грохот трех выстрелов бьет по барабанным перепонкам и погружает реальность в ватную тишину. Пули выбивают бетонную крошку у ног пленников, под двоими из них растекаются лужи, а третий, мелко дрожа, беззвучно плачет навзрыд.

Оставшиеся в магазине пули я разряжаю в потолок, не отрывая взгляд от бесстрастного лица Берестова. Стряхиваю с волос крошки бетона, кладу пистолет на стойку и молча иду к выходу. Он останавливает меня, положив руку на плечо. Резко оборачиваюсь и, сдерживая бешенство, смотрю в холодные серые глаза.

— Эти трое — претенденты на работу в Службе Безопасности, — неожиданно мягко произносит он. — Они не прошли испытание…

— А я?!

— Прошел! — удовлетворенно сообщает Берестов и протягивает руку. — Ты оказался человеком! Любой другой молодой аристо прикончил бы их без зазрения совести!

Вместо «любой чистокровный» он сказал «любой другой». Удержался и не указал на мою

второсортность. Слегка помедлив, пожимаю сильную жилистую ладонь и киваю. В мыслях творится полный сумбур. Я одновременно хочу покинуть этот долбаный цирк и остаться в нем навсегда.

— Тебя ожидает тест в боевом модуле, — сообщает мне Берестов, и я слышу в его голосе нотки зарождающейся симпатии.

Четвертое правило «Кодекса Агента» гласит: «Не доверяй никому!».

В тренировочный зал я бегу и кричу в голос, выплескивая ярость. Охранники провожают меня удивленными взглядами, но остановить не пытаются. Врываюсь в помещение и останавливаюсь, совершенно опустошенный.

Мужская раздевалка по площади не уступает тренажерному залу: в ней расположены сухая и влажная баня, несколько джакузи с разной температурой воды, и, наконец, душевые кабины, похожие на стеклянные капсулы жизнеобеспечения из научно-фантастического блокбастера.

Я захожу в одну из них и какое-то время тупо пялюсь на россыпь разноцветных кнопок на панели управления. Затем выбираю зеленую. На ней схематически изображена мужская фигура, контур которой окружен направленными на нее

стрелочками.

Стеклянная дверь за моей спиной плавно захлопывается, из вращающихся водяных сопел начинают бить тугие струи воды, и я оказываюсь в эпицентре тропической бури.

Обжигающие потоки ласкают и массажируют кожу, я запрокидываю голову, закрываю глаза и отдаюсь во власть рукотворной стихии. Мысли о только что закончившемся испытании не покидают сознание, и я погружаюсь в запоздалые переживания. Перед внутренним взором вновь появляются фотографии мертвых выпускников Приюта, а затем за спиной раздается стук.

Нажимаю на красную кнопку, потоки воды прекращаются, и дверь душевой кабины открывается. Я оборачиваюсь и вижу криво улыбающуюся, облаченную в интерактивный боевой костюм Трубецкую.

— Твое появление в мужской раздевалке — это проявление древних аристократических манер? — с иронией спрашиваю я.

— Мы выбились из графика, — деловито уведомляет меня девушка, — заканчивай водные процедуры!

— Мой боевой инструктор — тоже ты? — с недоверием интересуюсь я.

— А ты думал, пришла твоей голой задницей полюбоваться? — Ольга взирает на меня с откровенной насмешкой. — Нажми голубую кнопку, это сушка, а затем надевай костюм, и идем в спарринг-модуль!

Выхожу из кабины, принимаю из рук Ольги костюм и разглядываю вершину инженерной мысли Империи, совмещающее в себе чудеса магии и передовые промышленные технологии. Я бы очень удивился, будь костюм не фиолетового цвета.

В спарринг-модуль мы несемся, словно опаздываем на пожар. Врываемся внутрь, хватаем с полки кинжалы и застываем друг напротив друга в ожидании активации системы.

— Каков план? — спрашиваю я у Трубецкой, поигрывая клинком.

— Сначала проверим твои боевые навыки. По результатам тестирования составим программу тренировок и начнем работать, — равнодушно произносит Ольга и наклоняется к моему уху. — А если будешь прикидываться неофитом, как недавно за обедом — яйца отобью!

У меня на языке вертится множество колкостей, но я молчу. Трубецкая — инициированный высший аристо и может оказаться высококлассным

бойцом. А поучиться я готов, даже у девушки, облик которой больше располагает к тесному контакту в постели, нежели на поле брани.

— Насколько я понимаю, опыт боев в модуле ты уже имеешь?! — громко спрашивает Ольга, играя спектакль для зрителей, наблюдающих за нами с помощью многочисленных камер.

— Ага, впитал с молоком матери! — я ухмыляюсь и принимаю боевую стойку.

Под звук гонга светящийся потолок цилиндрического модуля вспыхивает ярким белым цветом, раздается сигнал к началу боя, и мы начинаем…

Очередной, пятый сигнал гонга, обозначающий окончание боя, звучит через час. Я смотрю на табло, едва держась на ногах, и устало вытираю пот со лба.

Я победил княжну Трубецкую. Три из пяти раундов за мной. Я победно улыбаюсь и любуюсь раскрасневшейся и возбужденной красавицей. Множество спаррингов с девушками в Приюте приучили меня воспринимать их как равных соперников. Почти равных.

— Хочешь провести бой с одаренным, использующим Силу? — спрашивает Ольга, поигрывая кинжалом.

— На слабо берешь? — с кривой улыбкой спра-

шиваю я. — Я не против, но применение магии в пределах Бульварного Кольца запрещено…

— В высотке установлены мощные экранирующие системы, так что проблем нет!

— Начинай! — командую я и принимаю боевую стойку.

Глаза Трубецкой вспыхивают, и мир вокруг меня выгорает. Мы оказываемся в черно-белом фильме, течение времени замедляется, и я готовлюсь к легкой победе.

От стремительной атаки Ольги я уклоняюсь с трудом, она движется неестественно быстро, игнорируя ощущение времени. Ее черный силуэт кружит вокруг меня в сюрреалистическом танце, я получаю удар кулаком в висок, затем ногой — в солнечное сплетение, и падаю на пол.

Ощущение такое, будто Трубецкая охаживает меня пудовым молотом, и я с ужасом понимаю, что ничего не могу противопоставить мощи одаренного. Ускорение и серый покров, прекрасно работающие против обычных людей бессильно перед Даром Разделенного.

Решающий удар Ольга наносит головой, приземлившись мне на грудь и прижав мои руки к полу. Нос противно хрустит, в голове взрывается сверхновая, я кричу от боли, напрягаю мышцы

и сбрасываю с себя девчонку. Вонзаю кинжал в ее грудь, но он не наносит виртуальных ран — девчонку надежно защищает Покров.

Ольга бьет меня в живот сразу двумя руками, я отлетаю на пару метров назад и врезаюсь спиной в стену модуля. Воздуха не хватает, перед глазами плывут красные круги, и я отчетливо понимаю, что умер бы от первого удара, не будь на мне боевого костюма, усиленного моим серым Покровом. Меня выворачивает, и я замираю на полу под звуки электронной системы контроля боя, которая любезно сообщает, что по совокупности полученных очков победу в серии одержала Ольга.

Она склоняется надо мной, я погружаюсь в стазис, и боль уходит. Через несколько минут лечебные процедуры заканчиваются, и я вновь обретаю свободу. На этот раз княжна меня не раздевает, о чем я даже жалею.

— Знаешь почему я тебя не боюсь? — шепчу я Трубецкой в самое ухо, касаясь губами выбившейся из хвоста пряди волос. — Ты спасешь, даже если покалечишь!

— Кровь вытри! — Ольга отстраняется от меня, но ее синие глаза продолжают светиться. — У тебя хорошая техника, ты можешь сражаться на равных даже с серыми одаренными, но любой

высший Цветной превратит тебя в труп.

— А если я пройду Инициацию?

— Один Разделенный знает! — Ольга пожимает плечами. — Ты можешь превратиться в сильнейшего мага современности, а можешь остаться серым ничтожеством, способным побеждать лишь Бесцветных. Если обретешь Фиолетовый Дар, тренировать тебя будет лично Глава Рода, а пока оставь влажные мечты и развивай те навыки, которыми владеешь. Завтра продолжим.

— А сегодня вечером? — с надеждой спрашиваю я.

— Мой рабочий день почти закончился, но до десяти я полностью в твоем распоряжении, — равнодушным тоном произносит Трубецкая. — Требование контракта!

— Тогда до завтра! — холодно отвечаю я и, развернувшись, выхожу из модуля.

Я понуро бреду к раздевалке, но меня тянет обратно — к Ольге. Мне доставляет удовольствие общение с ней, меня привлекают ее ирония, остроумие и интеллект. С Миной было не так, нашими отношениями правил секс. Он занимал три четверти времени, которое мы проводили вместе.

Тьма меня забери, зачем себя обманывать?! Я

хочу оказаться в постели с Трубецкой, хочу с того самого момента, когда увидел ее в приемной Шувалова, и хочу, чтобы она также страстно хотела быть со мной!

Захожу в раздевалку, сбрасываю пропитанный потом костюм и, проклиная свои дурацкие принципы, уединяюсь в душевой кабине. Нажимаю на зеленую кнопку и погружаюсь в мир грез и фантазий, в котором Ольга присоединяется ко мне, и мы занимаемся сексом под обжигающе острыми струями воды.

Глава 19 — Встреча с Темным

Мой первый после посещения Храма выезд из Родовой Высотки напоминает тщательно спланированную войсковую операцию. Визит на торжественный прием по случаю поступления в Императорскую Академию пропустить нельзя, и Великий Князь милостиво разрешает покинуть бронированную золотую клетку.

До Кремля ехать всего-ничего, но Служба Безопасности Рода сформировала пять групп по четыре бойца в каждой плюс я и мои двойники. Все мы примерно одного роста и телосложения, одеты в лицейскую форму темно-зеленого цвета, на голове — кепки с длинными козырьками, на глазах — темные очки в пол лица.

Мы занимаем пять из шести общественных лифтов и бесшумно спускаемся вниз. Уши закладывает от резкого перепада высоты, и сонливость буквально валит меня с ног. Я спал не больше двух часов, все остальное время просидел в родовой библиотеке, пытаясь откопать сведения о Темных и Светлых, отсутствующие в публичном

доступе.

Ужин с Трубецкой я вчера проигнорировал, о чем уведомил красавицу коротким вежливым сообщением в мессенджере «Вестник». В ответ прилетело анимированное изображение кучки дерьма. Я собрался, было, выслать дикпик, но вовремя вспомнил, что она уже видела эту картинку, причем вживую.

Затем я лежал в полутьме и как сыч пялился на свое отражение в зеркале над кроватью, гоняя навязчивые мысли по кругу. Целостная картинка не складывалась, она все так же напоминала разрушенный пазл. Часть его фрагментов изображала сцены моей жизни, а часть была девственно чиста.

Кабина лифта несется к земле, я облокачиваюсь на резные дубовые панели, закрываю глаза и снова вижу длинную вереницу портретов Шуваловых, один из которых с большой вероятностью является моим отцом. Личность матери мог бы раскрыть только он, но все кандидаты на отцовство, кроме Великого Князя мертвы.

Мозг перегружен и кипит от огромного объема разноплановой информации: тайна моего происхождения, раннее детство в Выборгском сиротском доме, жизнь в Приюте и цели его со-

здателей, переход на сторону аристо, вступление в Великий Род, ультиматум Шефа и, наконец, потенциальное владение Даром…

Запланированный завтрак с Шуваловым не состоялся в виду срочной отлучки Главы Рода, и множество вопросов, роящихся в моей голове, пока остаются без ответа.

Лифт замедляется и плавно останавливается на подземной парковке. Мы с охранниками выходим в четком боевом порядке — меня окружают четверо вооруженных бойцов. Располагаемся в бронированном лимузине черного цвета и выезжаем на Кутузовский проспект в сопровождении двух джипов. Наш кортеж лишь один из пяти: в случае нападения потенциальный враг должен либо точно знать, в каком из них нахожусь я, либо уничтожить все пять.

Над нами барражирует боевой вертолет с Берестовым на борту. Мое предложение прилететь в лицей на Сикорском он категорически отверг, объяснив такой способ передвижения уязвимостью винтокрылой машины.

Я смотрю наружу через толстое бронированное стекло, и мир кажется серым. Таким же серым, каким я видел его уже несколько раз в моменты прикосновения к еще не инициированному

Дару.

За окнами мелькают роскошные магазины и офисы, ранним московским утром прохожих на тротуарах практически нет. Мы движемся в Кремль в плотном потоке машин, который в случае атаки превратится в ловушку, из которой не будет выхода.

Чтобы отвлечься от невеселых мыслей, беру в руки смартфон и начинаю просматривать заголовки в сегодняшнем «Имперском Вестнике». В стране неспокойно: половина новостей посвящена противостоянию с Евросоюзом, Империей, которой управляет древний Род Темных, и мелкими конфликтами с внутренними врагами — разрозненными ячейками темного подполья.

Смартфон звенит колокольчиком, сигнализируя о пришедшем сообщении. Открываю «Вестник» и вижу, что отправитель зашифрован. Белое лицо клоуна с красным носом и черными треугольниками под глазами ухмыляется, а затем начинает меняться. Кожа медленно темнеет и в конечном итоге становится черной, а нос меняет цвета в радужной последовательности — от красного к фиолетовому.

Наверное, Трубецкая со своими шуточками! Порываюсь отправить ей «дерьмодемона», но

лицо клоуна взрывается, а вместо него на экране возникает надпись «Берегись!».

Весьма полезный совет, учитывая, что двери лимузина заблокированы, на креслах передо мной сидит парочка бойцов в боевых доспехах поперек себя шире, а справа и слева от меня — еще двое таких же!

Мы въезжаем в тоннель, и через сотню метров автомобиль вздрагивает от гулкого удара, дергается, будто натолкнувшись на невидимое препятствие, и нас начинает разворачивать поперек дороги. Звук корежащихся корпусов влетающих в лимузин машин смешивается с грохотом ударов по крыше. Длинное черное лезвие пробивает бронированный металл над головами охранников и по очереди пригвождает их к креслам — парни даже пистолеты достать не успевают.

Снаружи в салон проникают дробные звуки выстрелов, а изнутри его заполняет отдающий металлом терпкий запах крови. Следующий проникающий удар меча поразит меня — успеваю понять я перед тем, как лимузин цепляет кормой покатую стену тоннеля справа.

Инерция бросает мое тело на дверь, затем я падаю на пол и сверху валятся тела убитых

охранников.

С режущим слух скрежетом кто-то вскрывает бронированную пласталь корпуса, словно консервную банку, и прыгает в салон прямо на тела охранников. На меня наваливается непомерная тяжесть, которая, кажется, раздавит в лепешку, и в этот момент цвета исчезают.

Мир погружается в серо-черный сумрак, а вены начинают гудеть от хлынувшей в них Силы. Я поднимаюсь, легко сбрасывая с себя мертвые тела, и вижу перед собой черный зеркальный силуэт. Нагнувшись, воин застыл в попытке схватить одного из охранников за воротник.

Выхватываю из рук мертвеца автомат, приставляю дуло к обсидиановой голове Темного и отчаянно жму на курок. Выстрела не происходит! Выхватываю еще один, повторяю манипуляцию с тем же результатом и только в этот момент понимаю, что мир застыл без движения, а мое тело и автомат в руках облачены в светящийся серый Покров.

Обрушиваю приклад автомата на черную, похожую на бильярдный шар голову и слышу хруст ломающихся костей под глянцевым Покровом. Удар сопровождает яркая слепящая вспышка, мои руки отбрасывает вверх, и я одним прыжком

покидаю лимузин через вскрытую крышу.

Приземляюсь на искореженный капот и вижу множество машин, как будто застывших в толще слегка затемненного стекла. В погруженной во мрак глубине тоннеля находятся кортежи-близнецы. Возможно, на них тоже напали, и охранникам требуется моя помощь. После секундного колебания движусь в противоположном направлении — к светлому пятну выхода.

Время застыло. Я прыгаю с капота на капот в абсолютной тишине, которую нарушают лишь звуки моих приземлений и скрежет корежащегося металла под ногами. Полукруг въезда в тоннель призывно светится вдали, и я несусь к нему на всех парах, потому что боюсь опоздать: чувствую, что скоро эффект ускорения иссякнет, привычный бег времени восстановится и я не смогу противостоять Темным.

В атаке на пятый лимузин, следующий за моим, застыл боец в обсидиановом Покрове, точная копия предыдущего. Он стоит на крыше машины, превращенной в смятую консервную банку, с занесенным над ней длинным клинком.

Отрываю никелированный глушитель у тяжелого байка, жду, когда он покроется полупрозрачной пленкой, а затем подхожу к бойцу в черном

и, размахнувшись, обрушиваю на его голову.

В яркой вспышке света воин падает на асфальт безжизненной куклой, а я застываю в нерешительности, потому что не понимаю, что делать дальше. Я не знаю, откуда взялись Темные в центре Москвы, сколько их здесь, и даже предположить не могу, по чьему приказу они действуют.

Течение моих мыслей и абсолютную тишину остановившегося времени нарушает звук шагов. Они раздаются из глубины тоннеля, а вместе с их обладателем приближается облако сумрака и давящая на разум Сила.

— Браво! — тишину взрывает низкий мужской голос и громкие аплодисменты, заставляя меня подпрыгнуть от неожиданности.

Через мгновение в поле зрения появляется человек, одетый в черную мантию. Он запрыгивает на крышу белой Волги и громко хлопает в ладоши. Лицо незнакомца спрятано под глубоким капюшоном и окутано темнотой.

Я ощущаю струящуюся от него Силу каждой клеточкой собственного тела и четко осознаю, что мне его не победить. Он может прихлопнуть меня играючи, как старый опытный кот — мышонка.

— Кто вы? — спрашиваю я и делаю шаг назад.

— Мое имя не скажет тебе ни о чем! — отвечает мужчина бархатистым раскатистым голосом. — Важно то, что я тебе предлагаю!

— Никогда не заговаривайте с незнакомцами, — бормочу я неожиданно всплывшую из глубин памяти фразу, и мужчина раздраженно машет рукой, прерывая меня на полуслове.

— Я мог бы придумать себе личность, которая тебя устроит и рассказать, что ты — один из немногих Избранных, обладающих потенциалом великой Силы, но скажу правду! — таинственный незнакомец хмыкает, а затем продолжает вещать холодным и бесстрастным голосом. — Ты — ничто, случайная флуктуация в череде высших цветных, но можешь не просто сдохнуть как агнец на заклании, а оставить след в этом бренном заблудшем мире. Присоединяйся к нам, и мы подарим тебе силу, превосходящую твои самые смелые мечты. Она позволит обрести реальную власть. Власть за пределами твоих грандиозных мечтаний и вне контроля Имперских аристо!

— К вам — это к кому? — уточняю я, особо не сомневаясь в ответе.

— К Темным, — отвечает мужчина и отбрасывает капюшон с лица.

Его голову покрывает черная зеркальная пленка — Покров. Она начинает мерцать, постепенно истончается и открывает морщинистое старческое лицо. Его черты еще хранят следы былой привлекательности, седые волосы зачесаны назад, а радужки глаз сверкают двумя обсидиановыми сферами. Он явно не из Рода Шуваловых.

— Мне не нужна власть, — отвечаю и понимаю, что мой дрожащий голос звучит жалко. — Я просто хочу быть свободным!

— Свобода — это иллюзия, — с пренебрежением произносит Темный. — Тебе нужна Сила! Сила, чтобы управлять своей судьбой, чтобы менять мир по собственному желанию.

Пока звучит голос мужчины, я чувствую странную тягу к Силе, о которой он говорит. Как будто она сама жарко шепчет мне на ухо, заманивая обещаниями величия.

— Наполовину ты уже с нами, иначе не победил бы так легко воинов Тьмы, — продолжает искушать незнакомец.

— Вы планировали меня убить, а теперь подкупаете несбыточными обещаниями?! — спрашиваю я и чувствую, что страх постепенно рассеивается.

— Убить? — удивленно переспрашивает Тем-

ный, и его седые брови поднимаются. — Убивать мы тебя не собирались! Нас, Темных, в Империи осталось слишком мало…

— Нас?! — переспрашиваю я, ощущая дрожь, которую вызвала эта оговорка.

— Тебя пугает форма! — отвечает старик с кривой усмешкой на тонких бескровных губах. — А бояться нужно содержания! Тьма — не синоним зла, а Свет — не синоним добра! Тебе восемнадцать, в таком возрасте пора осознавать столь очевидные истины!

— Тогда зачем это кровавое представление? — почти кричу в ответ я. — Чтобы показать, что вы действуете на стороне добра?

— Если ты доживешь до моих лет, то, возможно, поймешь, что самое прекрасное в юности вовсе не секс, а страстные порывы и безапелляционность суждений! — отвечает Темный с иронией. — Абсолютного добра не существует, впрочем, как и абсолютного зла! Все мы находимся в серой зоне, такой же, как и твой Покров!

— Зачем мне выбирать Темных, если все — серое? — спрашиваю я и вижу, что в этой словесной дуэли старика обыграл.

Я ощущаю, как разгорается мое любопытство, и не могу оторвать взгляд от вспыхнувших черным

огнем глаз.

— Чтобы сражаться на правильной стороне! — отвечает Темный. — Помоги нам достичь важных целей, и мы дадим тебе могущество, которого ты достоин!

— Каких целей? — уточняю я, а замечание о том, что не ищу силы и власти, благоразумно оставляю при себе.

— Спасти мир, конечно! — отвечает старик и, запрокинув голову, заливисто смеется. — А иначе зачем одаривать Силой направо и налево?

— Я хочу услышать серьезный ответ!

— Это он и был! — уверенно заверяет меня Темный. — Прелесть в том, что дежурная цель непобедимых книжных и киношных героев в нашем с тобой случае отражают реальную действительность!

— Я думаю, что вы можете сформулировать мой следующий вопрос самостоятельно…

— От кого будем спасать мир?! — отвечает старик вопросом на вопрос и снова смеется. — Думаю, и ты способен сформулировать ответ без моей помощи!

— От семи Великих Родов?!

— А что, есть иные варианты? — голос Темного снова звучит серьезно.

— Зачем вы напали на кортеж?

— Чтобы произвести на тебя впечатление, — старик усмехается и пожимает плечами. — И поговорить заодно!

— Убить пару десятков людей?! — переспрашиваю я и ощущаю холодную волну, опускающуюся по позвоночнику. — Чтобы просто поговорить?

— Мы сорвали другое покушение на тебя! — черные глаза Темного вспыхивают, а на губах появляется ироничная улыбка. — А заодно показали тебе наши возможности, и поверь — ты имел дело всего лишь с неофитами! Правда, пришлось замедлить время, чтобы парни в пылу борьбы не снесли твою голову!

— Я вам не верю!

— Твое право!

— Ваши посулы не особо отличаются от тех, которые звучат из уст цветных аристо! — заявляю я, впрочем, не особо надеясь на искренний ответ.

— Иногда нас окружают друзья, с которыми и враги без надобности…

Темный снова говорит загадками. Он не отводит от меня задумчивого взгляда прищуренных черных глаз. Старик терпеливо ждет моей реплики.

— У меня недостаточно информации, чтобы

принять взвешенное решение, — наконец отвечаю я. — Мне нужно время!

— Время — роскошь, которой у тебя нет! — печально отвечает Темный. — Ты должен сделать выбор до Инициации!

— Что будет, если я останусь среди цветных аристо?

— В твоем случае выбор — это всего лишь иллюзия, — старик равнодушно пожимает плечами. — Ты можешь стать Темным и обрести огромную власть, либо стать Светлым и обрести смерть!

Интонации незеакомца бросают меня в холодный пот. Могущественный собеседник стоит напротив, и от напряжения, витающего в воздухе, становится не по себе. Я пытаюсь придумать выход, хотя четко осознаю, что его нет. Шувалов уже считает меня своим, а Шеф и Темный ждут моего решения. Я чувствую, как в мысли закрадываются отчаяние и безысходность.

— Как я смогу дать вам знак, когда приму решение? — спрашиваю я, буквально выдавливая из себя каждое слово — желание закончить разговор становится нестерпимым и неуправляемым.

— Я найду тебя сам, — старик удовлетворено кивает и протягивает вперед раскрытую ладонь.

Какое-то время он ожидает ответного жеста, но

я продолжаю держать дистанцию.

— Пожмем друг другу руки при следующей встрече! — с усмешкой говорит Темный, разворачивается и уходит в черную глубину тоннеля, стремительно шагая по крышам машин.

Все происходящее настолько похоже на сон, что я крепко зажмуриваю веки и до крови вонзаю ногти в ладони. Открываю глаза и снова вижу силуэт удаляющегося незнакомца.

Я не хочу быть пешкой в чужой игре, но какой у меня выбор?! Я чувствую, что Темный говорит правду, даже если является воплощением абсолютного зла. Он подает ее как единственную истину, но даже в свои восемнадцать я знаю, что истина может иметь множество трактовок — все зависит от точки отсчета.

Мне предстоит нелегкий выбор, и нет возможности сбежать или сопротивляться, потому что сражаться придется с самим собой.

Второе правило «Кодекса Агента» гласит: оставайся независимым.

Я делаю глубокий вдох и с облегчением ощущаю, как темно-серый текучий Покров, окутывающий тело, исчезает. Накатывает чудовищная слабость, мир вокруг приходит в движение, а на покатых бетонных сводах появляются фиолето-

вые отблески — в тоннель входит Великий Князь Игорь Всеволодович Шувалов.

Глава 20 — Прием в Императорскую Академию

В полумраке тоннеля фигура Великого Князя, облаченного в текучую фиолетовую броню, выглядит чуждо и нереалистично. Расстояние в несколько десятков метров от въезда он преодолел в пару прыжков и теперь с недовольством оглядывает остатки лимузина с кровавыми ошметками внутри.

— Мой в таком же состоянии, — отвечаю на невысказанный вопрос и отшатываюсь от яростного пылающего взгляда.

— Кто?! — ревет Шувалов. — Кто это был?!

— Темные, — спокойно отвечаю я после секундного колебания, и реальность врывается в мой мозг.

Течение времени восстанавливается, и движение в тоннеле возобновляется. На меня наваливается какофония звуков: рев двигателей, непрерывные сигналы множества столкнувшихся машин и крики орущих от ужаса людей.

Шувалов задумчиво смотрит на труп Темного

с проломленным черепом, лежащий в растекающейся луже крови. Покров исчез, и теперь видно, что под ним скрывался парень примерно моих лет, одетый в футболку и джинсы. Глава Рода переводит взгляд с мертвого лица на мое, и в фиолетовых радужках зарождается яркое свечение.

— Как ты выкрутился? — спрашивает он, цедя сквозь зубы каждое слово. — Почему они оставили тебя в живых?

Я лихорадочно размышляю, стоит ли передавать Шувалову содержание моего диалога с Темным. Логика взывает к искренности, а интуиция требует молчать. Напряжение постепенно отступает, и я осознаю, что свидетелей, которые слышали наш разговор, нет.

— Меня спасла охрана, — я киваю в сторону искореженного лимузина. — В моей машине примерно такая же картина.

Игорь Всеволодович пристально смотрит мне в глаза, а затем его взгляд опускается на мою правую руку, и я понимаю, что все еще держу искореженный от удара мотоциклетный глушитель. Разжимаю пальцы, и он падает на асфальт с гулким звоном.

— Летим! — коротко приказывает Шувалов, бросает красноречивый взгляд на глушитель,

ухмыляется, и резко развернувшись на каблуках, широкими шагами идет к выходу.

Большой армейский вертолет с императорским гербом на хвосте ждет у въезда в тоннель на аварийной посадочной площадке, не заглушив двигатель. По откинутому трапу навстречу нам спускаются имперские дознаватели. Старший учтиво кивает Шувалову, а меня удостаивает лишь холодного, оценивающего взгляда.

Мы с Князем усаживаемся в тесный салон друг напротив друга, пристегиваемся, четверо бойцов в активной боевой броне располагаются у дверей, и вертолет взлетает. Вести разговоры в кабине практически невозможно — грохот винтов перекрывает все остальные звуки. Один из бойцов протягивает нам наушники, но Шувалов отрицательно качает головой.

Его глаза вспыхивают, и мы с ним оказываемся в мерцающей фиолетовой сфере, которая напоминает гигантский мыльный пузырь. Тишина обрушивается на уши подобно громкому хлопку, и я вздрагиваю от неожиданности. Бойцы с опаской отодвигаются от светящегося поля к бортам и отворачиваются к окнам.

— Ты убил его простым ударом трубы? — недоуменно спрашивает Шувалов.

— Их! — поправляю я старика и с удивлением отмечаю, что мои пальцы ощутимо дрожат.

В Приюте нас психологически готовили к тому, что придется убивать людей, но одно дело — теория, и совсем другое — практика.

— Снова проявляется Дар, — задумчиво произносит Шувалов, пристально глядя мне в глаза. — Если бы не он, ты был бы мертв! И отбрось переживания по поводу убитых тобой — здесь как на войне: или ты, или тебя!

Я молча киваю, прижимаю ладонь к груди и только сейчас осознаю, что Осколок снова нагрелся. Старик прав насчет Дара. Вопрос лишь в том, каков его цвет.

— А популярность твоя растет: к приютским присоединились более опытные киллеры! — Шувалов подмигивает.

— Мы возвращаемся домой? — спрашиваю я.

— Церемонию поступления в Императорскую Академию пропускать нельзя! — назидательно произносит Глава Рода. — Пусть хоть камни с неба падают, а Шуваловы должны появиться на мероприятии, где будет присутствовать сам Император!

— Может, стоит вернуться в Высотку? — спрашиваю я и вижу, как дергается щека Главы Рода.

— И сколько ты собираешься отсиживаться под защитой Родового Кристалла? — цедит сквозь зубы он. — Год, два или десять?

— На такой срок не планирую: того и гляди сдохну не сегодня, так завтра! — я пожимаю плечами. — Я даже не знаю, от кого нужно прятаться!

— Не прятаться, а противостоять! — голосе Шувалова отдает сталью. — Мы Великий Род, и будем сражаться! Мы должны продемонстрировать врагам, что их не боимся! И не важно кто они: приютские оборванцы или могущественные одаренные!

Я снова киваю, отворачиваюсь и разглядываю Москву сквозь светло-фиолетовую пленку защитного поля, стараясь не смотреть на старика. Его глаза мечут гром и молнии, лоб прорезала глубокая вертикальная складка, а губы сомкнуты в тонкую белую линию.

— Ты был приманкой, банальной наживкой, как и двойники в остальных четырех кортежах. Нападение приютских должно было случиться на выезде из тоннеля, а не внутри, такой сценарий отрабатывала наша Служба Безопасности. В их планах было проследить за кураторами покушения и через них выйти на заказчика!

Атака Темных спутала все карты и твоим при-

ютским друзьям, и нам! Мы все еще не знаем имя или имена кукловодов! — Шувалов бьет широкой ладонью по подлокотнику кресла, салон вибрирует, и охранники отодвигаются от нас еще дальше.

В разговоре с Шефом я не уточнил, поставит ли Приют на паузу попытки меня убить, пока я размышляю над его предложением. Вполне возможно, что информация о готовящемся нападении приютских, о которой упомянул и Темный, устарела или является провокацией.

Игорь Всеволодович наклоняется ближе ко мне и кладет руку на плечо. Фиолетовые радужки горят ровным слепящим светом, и от этого мне становится не по себе.

— Как ты убил Темного? — негромко спрашивает он, выделяя каждое слово.

— Парня, напавшего на мой лимузин, завалил прикладом автомата, — медленно отвечаю я, делая вид, что вспоминаю произошедшее. — Затем выскочил из машины и бросился к выходу из тоннеля. Увидел Темного на крыше еще одной машины, оторвал глушитель мотоцикла и врезал ему по затылку!

Я пожимаю плечами и продолжаю смотреть в светящиеся глаза, не отводя взгляд. Мы играем

в гляделки довольно долго, не меньше минуты. Поверив моим словам, Шувалов откидывается на переборку, и его морщины разглаживаются.

— Дар ты вызвал сознательно, или он проявился спонтанно? — уже спокойнее спрашивает он.

— Спонтанно, я даже помыслить о нем не успел…

— Ты — одаренный, это очевидно, и такие проявления способностей нормальны, но вот их мощь делает тебя слишком опасным соперником для других Великих Родов! — прерывает меня Игорь Всеволодович. — У дознавателей будут к тебе вопросы, позднее мы проработаем правдоподобную версию случившегося, опустив ненужные подробности! Запомни, Саша: Темных убил я! До Инициации ни одна живая душа не должна знать о твоей мощи!

— Она столь велика?! — я искренне удивляюсь.

— Я еще не слышал о том, чтобы неинициированные одаренные останавливали время и убивали инициированных Темных, по уши накачанных Силой!

Игорь Всеволодович замолкает и задумчиво смотрит на меня, потирая подбородок. О словах Темного, который сказал, что время остановил он, я благоразумно не упоминаю.

— Обязательно поблагодари Цесаревича — вертолет предоставил он, — деловито уведомляет меня Шувалов, резко меняя тему разговора. — Щенок заверил, что никто не посмеет атаковать Имперский Воздушный Флот, но я не доверяю Романовым и тебе не советую!

Старик буквально испепеляет меня взглядом, а затем отворачивается к окну. Сикорский летит в Кремль на сверхнизкой высоте, минуя широкие проспекты и едва не задевая корпусом крыши многочисленных небоскребов. Мы явно страхуемся и стараемся избежать возможного нападения, несмотря на заверения в полной безопасности.

Сквозь фиолетовую светящуюся сферу я любуюсь лиловыми облаками, плывущими по темно-синему небу, и вспоминаю восторг, который испытывал во время обладания Даром. Пьянящая необузданная сила и чувство неуязвимости дарили упоительное ощущение свободы, которое хочется испытывать вновь и вновь.

Мне отчаянно не хватает информации, недостает тайных знаний аристо о подлинном устройстве мира и о его главной составляющей — магии цвета. Я лишь пешка в чужой игре, и действую по невидимой указке опытных гроссмейстеров, находящихся вне поля моего зрения. Но самое

страшное не это. Я действую вслепую, потому что не в состоянии адекватно оценивать причины и последствия собственных поступков.

Мне нужно разобраться в главном, нужно понять, кто я такой на самом деле, и почему интересую неведомые мне могущественные силы.

Вертолет снижает высоту, и я отвлекаюсь от уже надоевших размышлений. Мерцающее марево защитного поля окрашивает белокаменные стены Кремля в фиолетовый цвет, и я не могу удержаться от улыбки, видя в этом определенный символизм.

Сикорский зависает над вертолетной площадкой, расположенной внутри Кремлевской стены, и начинает снижение. Шувалов отключает защитную сферу лишь в момент, когда колеса касаются бетона. В уши врывается оглушающий грохот винтов.

К откидному трапу подъезжает огромный черный лимузин с золотым императорским гербом на борту, из салона выскакивает пара одетых в парадную форму военных и распахивают пассажирские двери. Они вытягиваются в струнку и застывают, задрав подбородки вверх.

Мы выходим из вертолета следом за охранниками и садимся в роскошный салон.

— Не возражаешь? — спрашивает Шувалов и, не дожидаясь ответа, открывает дверцу бара и наливает ароматный коньяк в пузатый хрустальный бокал.

Он молча покачивает его в руках, внимательно разглядывая янтарную жидкость, а затем подносит бокал к лицу, втягивает воздух, хищно раздувая ноздри, и как будто случайно прикладывает указательный палец к губам. Едва заметно киваю и наливаю себе Боржоми.

Лимузин останавливается у площадки, сплошь заполненной лицеистами, и я выхожу из машины.

Взгляды трех десятков будущих студентов обращены на небольшую сцену, на которой собрались представители Великих Родов. Мое появление замечает лишь несколько человек, обернувшихся на звук закрывающейся двери. Один из них — Цесаревич собственной персоной. Он улыбается и призывно машет рукой.

— Добрый день, Александр Игоревич! — шепчет он и протягивает руку, когда я становлюсь рядом. — До этого момента был знаком с вами лишь заочно. Судя по вашему цветущему виду, планы злодеев не увенчались успехом!

— Добрый день, Алексей Николаевич! —

негромко отвечаю я и пожимаю руку, с ужасом ожидая, что Цесаревич узнает во мне соблазнителя Воронцовой или храмового послушника. — Игорь Всеволодович вмешался очень вовремя! Благодарю вас за предоставленный вертолет!

— Нас, высших аристо, слишком мало, и мы должны поддерживать друг друга! — в голосе Императорского наследника появляется жесткость. — Мы будем стоять плечом к плечу в борьбе с Темными вне зависимости от статуса в Великом Роду и состояния!

Я слушаю Цесаревича, вспоминаю, как он вел себя во время двух предыдущих встреч, и поражаюсь произошедшей с ним метаморфозе! Возникает ощущение, что сейчас рядом со мной находится другой человек!

Я киваю, и Наследник трона замолкает, сосредоточив внимание на сцене.

Шувалов тем временем поднимается на обитое зеленым бархатом возвышение и занимает место среди других Глав Великих Родов, сидящих в президиуме. Они расположились в порядке следования цветов радуги. В центре — Император в темно-зеленом костюме. Он с умиротворенной улыбкой оглядывает абитуриентов, а когда взгляд останавливается на моей скромной персоне,

приветственно кивает.

Это что за тайные знаки? Информация обо мне передана Самодержцу? Рассказы спасшего меня Михаила и Натальи, или еще одна загадка, которую предстоит раскрыть?

По боковой лестнице на сцену поднимается тщедушный низенький старичок в светлом льняном костюме. Опираясь на тонкую трость, он неспешно подходит к трибуне, и на наши ряды опускается неестественная тишина — даже шелеста листьев не слышно. Древний маг явно воздействует на нас, ощущение очень похоже на стазис, в который меня погружали Алексей Романов и княхна Трубецкая.

— Господа лицеисты! — обращается старик неожиданно зычным голосом, оглядывая нас из-под седых кустистых бровей. — Сегодня радостный и одновременно грустный день в вашей жизни! Радостный — потому что вы успешно поступили в Императорскую Академию и тем самым сделали первый шаг во взрослую жизнь, а грустный — потому что беззаботная юность закончилась!

Старик делает паузу и на мгновение оборачивается к президиуму.

— Когда-то Главы Великих Родов, которых вы

видите перед собой, стояли на вашем месте и так же внимали моим словам. С того времени утекло много воды, но количество опасностей и вызовов, стоящих перед Российской Империей, лишь увеличилось! Подрывная деятельность Темных, столкновения с европейцами на западе, трения с китайцами на Востоке и непрочный мир с османами на юге — все это в любую минуту может привести к большой войне! Ваша задача — быть готовыми к ней! Мало эффективно применять магию и сражаться на поле боя, вы должны стать умелыми лидерами, моральными и политическими авторитетами для членов вашего Рода и граждан Империи! Возможно, многие из вас уже скоро будут вести в бой десятки тысяч воинов!

Старик замолкает, и тлеющее в его глазах зеленое пламя становится ярче, а ощущение давления извне — сильнее.

— Некоторые из вас уже могут пользоваться родовой магией, и преодолеть искушение подчинять нижестоящих людей силой, как я делаю это сейчас с вами, будет сложно! Запомните очень важную вещь, с которой, возможно, не согласятся ваши отцы: жесткое принуждение — это козырь, который вы должны использовать лишь в исключительных случаях!

Давление и неприятное ощущение в груди исчезают, огонь в глазах старика гаснет, и шум города врывается в уши. Будущие студенты продолжают стоять без единого движения, и внимают словам старика.

— Я поздравляю вас с поступлением в Императорскую Академию и желаю успешного ее окончания! Надеюсь, что через много лет некоторые из вас будут сидеть в президиуме за моей спиной и приветствовать следующее поколение наследников Великих Родов, которые поведут нашу страну к процветанию!

Старик заканчивает речь на торжественной ноте и сходит с трибуны под шквал аплодисментов и здравиц. Я же нахожусь вне праздничной атмосферы и чувствую себя актером в спектакле, которого забыли ознакомить со сценарием.

— Олег Федорович расчувствовался, даже всплакнул, — говорит Цесаревич. — Сентиментальным стал на старости лет, он еще прадеда моего учил, представляешь?

— А сколько ему лет?

— Сто восемьдесят, а может, и двести — точно не знаю, — Алексей пожимает плечами. — Вот смотрю я на этого тщедушного старичка, и поверить не могу, что всего сорок лет назад он на

Халхин-Голе в одиночку сжег целую армию! Китаезы до сих пор произносят его имя с придыханием!

Легенду Империи сменяет Ректор Академии. Он бесцветный, хотя и принадлежит к Императорскому Роду. Выжил как-то, просочился между струйками, избежал множества опасностей и занял приличествующее фамилии положение в обществе.

Примерно такая же судьба ждет и меня, если останусь бездарем и мне удастся выжить среди одаренных. Неприятная перспектива. Не перспектива даже, а тепличное существование, жизнь комнатного шпица, которого в любой момент могут загрызть соплеменники или случайно задавить люди. Те самые люди, ради которых еще недавно я был готов без колебаний уничтожить всех Цветных.

Такая жизнь не для меня. Я уверен в этом. Уверен, несмотря на все еще висящий на мне ярлык «бесцветный».

— Приветствую вас, господа абитуриенты! — обращается к нам Ректор, протирая потеющую лысину. — Поздравляю всех с предварительным поступлением в лучшее учебное заведение Российской Империи и выражаю благодарность за

прилежание, которое вы проявили во время учебы в школе. Я знаю, что вы с нетерпением ждете возможности оказаться в стенах вашей альма-матер, и весьма скоро она вам предоставится. До начала учебного года ещё далеко, и результаты поступления промежуточные, но мы готовы их огласить и выдать вам заветные студенческие билеты. До встречи в Академии осенью!

Одну за другой ректор произносит фамилии и имена представителей Великих Родов, парни и девчонки поднимаются на сцену, и с улыбками на лицах получают заветные книжечки. Наконец, звучит и моя фамилия.

Я иду к сцене и чувствую, что взгляды всех присутствующих нацелены на меня. Их интерес понятен: бастарда Шуваловых, вступившего в ряды Великого Рода они видят впервые.

Получаю небольшую книжицу в кожаной темно-зеленой кожаной обложке и с неизменным двуглавым орлом на лицевой стороне, сердечно благодарю ректора, награждаю благодарственным кивком членов президиума и будущих сокурсников и спускаюсь вниз.

Открываю студенческий билет и вижу косой штамп, пересекающий первую страницу. Внутри толстой зеленой рамки отпечатано: «Зачисление

действительно после успешного прохождения Инициации».

Глава 21 — Беседа с дознавателями

Тайный Сыск прислал дознавателей в Родовую Высотку Рода, сделав исключение ввиду существования угрозы моей драгоценной персоне. Весь вечер мы с Берестовым работали над правдоподобной версией произошедшего в тоннеле, и он натаскивал меня, задавая самые каверзные вопросы, призванные проверить мои показания. Показания эти будут шиты белыми нитками, в соответствии с ними Темных убил не я, а Глава Рода.

Неинициированного аристо, способного убить Темных, могли квалифицировать как будущего Темного и уничтожить. Стереть с лица земли от греха подальше, не дожидаясь, пока его радужки станут черными, как обсидиан. От этой новости я слегка опешил и начал воспринимать предложение таинственного незнакомца о выборе темной стороны всерьез.

Голова у меня тяжела, как камень — сказываются уроки Великого Князя по углубленному контролю собственного психоэмоционального

состояния. По его словам, постигнув азы этой науки, я превзошел самого себя, поскольку не был инициирован. На самом деле это развитие психологических техник, которые нам преподавали в Приюте. Думаю, что мой учитель Ада Юрьевна Бехтерева осталась бы довольная своим легкомысленным учеником.

На этаже для официальных приемов меня в очередной раз поражает контраст с жилыми покоями: нас окружает сталь, серый камень и стекло. Миновав короткий коридор, ведущий от лифта, мы с Великим Князем подходим к белым полупрозрачным дверям. Они открываются плавно и бесшумно.

Малая приемная похожа на зал ожидания небольшого аэропорта. Никелированный металл, полированный бетон, стеклянные панели и кожа светлых тонов превалируют в отточенном до совершенства интерьере и зрительно увеличивают пространство помещения.

От входа к панорамному окну простирается похожий на взлетную полосу серый стол. Его венчает высокое, напоминающее трон белое кресло, а по бокам стоят десятки других — гораздо меньших по размеру.

Трое уже немолодых мужчин в деловых черных

костюмах с достоинством поднимаются на ноги и приветствуют Главу Великого Рода. Игорь Всеволодович отвечает вежливым кивком и жестом предлагает им присесть.

— К делу, господа! — говорит он. — Обстоятельства нападения на Александра Игоревича были весьма необычны, впрочем, господин Берестов уже донес до вас необходимую информацию. Он подробно информировал о том, что произошло, да вы и сами изучили место происшествия…

Шувалов прерывает монолог, внимательно рассматривает мужчин, переводит взгляд на меня, а затем — на главного дознавателя, сидящего в центре.

— Вы знаете, что делать и без моих пространных речей, — неожиданно заканчивает короткую речь он. — За сим разрешите откланяться, у меня скопилось множество дел. Если беседа пойдет не по плану или вскроются какие-то необычные обстоятельства — сообщите мне об этом немедленно. Уже далеко за полночь, думаю, что Императора сегодня беспокоить не стоит, он все узнает из утреннего доклада и от меня лично.

Дознаватели снова встают и кивают.

Неожиданно Игорь Всеволодович мягко касается моей руки, и я непроизвольно вздрагиваю — в

меня вливаются мощные потоки Силы.

— Александр, ведите себя благоразумно и помогите господам дознавателям установить все детали произошедшего! — произносит он приказным тоном.

— Да, Ваша Светлость! — я покорно киваю и встречаю острый проницательный взгляд старшего дознавателя.

Он недовольно хмурит брови, будто уловив в словах Главы Рода скрытую иронию, и опускает взгляд на лежащие на столе бумаги. Игорь Всеволодович исчезает за дверьми, которые медленно закрываются, отставляя меня наедине с троицей в черном.

— Разрешите представиться, — учтиво обращается ко мне седовласый дознаватель, самый старший из троих. — Князь Андрей Федорович Грибоедов. Имена моих спутников не скажут вам ровным счетом ничего, к тому же вряд ли мы встретимся с вами еще раз.

Голос князя спокоен, движения расслаблены, и лишь глаза выдают царящее в его душе волнение или нетерпение, либо и то и другое сразу.

— Александр Игоревич Шувалов, — отвечаю я, соблюдая приличия, хотя прекрасно понимаю, что мое имя известно всем троим.

— Присаживайтесь, юный князь, — предлагает Грибоедов и застывает в ожидании.

С облегчением плюхаюсь в мягкое кресло и ощущаю, как на меня накатывает неуверенность. Троица садится напротив меня. Яркий свет, льющийся из плоских потолочных плафонов, желтит дряблую морщинистую кожу мужчин, отчего они напоминают восковых кукол.

— Не могли бы вы еще раз поведать нам обо всем случившемся в тоннеле, — вкрадчиво произносит Грибоедов и откидывается на высокую спинку кресла. — Все вплоть до того момента, когда мы с вами встретились у трапа вертолета.

Вижу охотничий азарт в прищуренных глазах старого князя и хочу послать его как можно дальше. Послать и завалиться спать прямо здесь, в приемной, зафиксировав разочарование на изборожденном глубокими морщинами лице.

— Всецело к вашим услугам, — учтиво киваю я, вспомнив совет вести себя благоразумно, и начинаю рассказ, тщательно контролируя частоту биения сердца, мимические мышцы лица и потоотделение.

Излагаемая мною версия событий существенно отличается от реальной. После неожиданного нападения, сопровождающая меня охрана

заблокировала лимузин, в который пытался проникнуть Темный. Уже через секунду крыша Руссо-Балта оказалась вскрыта и охранники мертвы. Из искореженной машины меня вытащил Великий Князь, и только тогда я увидел тело Темного на асфальте.

Второй лимузин, полный мертвых охранников, и тело Темного, лежащее рядом с ним я узрел, когда мы с Игорем Всеволодовичем следовали к выходу из тоннеля — по словам Князя, этого террориста он уничтожил первым.

Лица моих собеседников непроницаемы, эмоции теплятся лишь в глазах. Я сознательно не рассказываю о том, что видел бой, глянцевые черные Покровы и обсидиановых мечах нападавших.

Грибоедов останавливает меня знаком руки.

— Вы уверены, что не видели оружие темных? — уточняет он и пристально смотрит мне в глаза, ожидая ответа.

— К моему великому сожалению, я не видел или не помню момент сражения, — отвечаю с напускной досадой в голосе. — Все произошло слишком быстро. Игорь Всеволодович объяснил мне, что все произошло в управляемом потоке времени. Оружие Темных мне незнакомо. Могу

лишь сказать, что клинки оно было материально, как и заколотые им охранники Рода.

— Ах да! — восклицает Грибоедов и с деланным разочарованием на лице откидывается на спинку кресла. — Вы же еще не инициированы и не проходили соответствующего обучения. Продолжайте, князь!

Заканчиваю краткий пересказ событий нашей встречей с господами дознавателями у трапа вертолета. Замолкаю и выжидающе смотрю на троицу в черных костюмах. Судя по их реакции, моя версия событий не вызывает у дознавателей сомнений.

Грибоедов смотрит на меня задумчиво и отрешенно, а двое его безымянных подручных, скучая, пялятся мне за спину. Видимо, разглядывают огромную картину сумасшедшего художника-абстракциониста, висящую на стене.

— По вашим словам выходит, что Темные уничтожили охрану, но не пытались захватить убить вас? — ровным голосом задает вопрос Грибоедов.

— Либо не пытались, либо не успели благодаря вмешательству Великого Князя…

Инициированные, родовые обсидиановые клинки, черная бездна в глазах и черные же силуэты — хочу заорать в ответ, что я в душе не чаю, о

чем идет речь, но сдерживаюсь и учтиво киваю.

— Мы проверим ваш рассказ! — произносит Грибоедов вкрадчивым голосом, и его радужки стремительно темнеют.

Я мгновенно растекаюсь по креслу подобно желе и застываю, чувствуя оцепенение. Такой же рукотворный паралич сковывал мои движения уже несколько раз. Стазис откровенно пугает меня, точнее, не само состояние, а легкость, с которой его вызывают аристо.

— Вы еще не инициированы, и потому для вмешательства в ваш разум требуется разрешение родителей или опекуна, — казенным тоном уведомляет меня Грибоедов. — Игорь Всеволодович милостиво предоставил оное, и потому мы в своем праве. Прошу вас не противиться ментальному воздействию, ибо оно может разрушить некоторые фрагменты вашей личности без возможности последующего восстановления. Мы должны проверить правдивость вашего повествования, отследить упущенные вами важные подробности, и главное — удостовериться, что вы не стали марионеткой Темных.

Чувствую, как во мне поднимается волна неконтролируемого гнева, подсознание противится будущему вмешательству в разум, но я

снова вспоминаю предупреждение Главы Рода. Перед мысленным взором возникает его лицо и уверенный взгляд, а в ушах звучит низкий бархатный голос.

— Расслабьтесь, закройте глаза и не сопротивляйтесь, так вам будет проще, — медленно произносит Грибоедов. — Мы лишь выполняем свою работу…

Смеживаю веки и стараюсь подавить неконтролируемое желание искалечить троицу в черном и выбросить их бездыханные тела сквозь бронированное стекло панорамного окна слева от меня.

Свет гаснет, и я погружаюсь в вязкий пульсирующий сумрак. Он похож на туман, расцвеченный всеми оттенками серого. Опускаю взгляд и вижу собственную инфернальную сущность — полупрозрачный белесый силуэт. Его очертания плывут и искажаются в черно-белом мареве.

Ко мне медленно приближаются три черных вращающихся вихря. Чувствую исходящую от них угрозу и инстинктивно закрываюсь, окружая себя броней. Моя сущность приобретает человеческие очертания и покрывается зеркальной, похожей на ртуть пленкой.

— Князь, не сопротивляйтесь! — в голове звучит обманчиво мягкий, бархатистый голос Грибо-

едова. — Не вынуждайте нас взламывать вашу родовую защиту!

Чувствую растущую в груди Силу и давлю в зародыше острое желание разметать клубящиеся черные вихри. Успокаиваюсь и снимаю щит. Он медленно истончается, рождая вокруг меня светящийся белый ореол и, наконец, исчезает. Ощущаю себя моллюском, лишенным раковины, но следую совету Шувалова — веду себя благоразумно, как и подобает члену Великого Рода.

Сознания дознавателей приближаются, вращение черных вихрей замедляется, и они превращаются в чернильные, масляно поблескивающие фигуры. От их длинных рук тянутся многочисленные тонкие колеблющиеся нити. Инстинктивно пытаюсь отпрянуть, но ничего не выходит — окружающий меня сумрак становится вязким, словно кисель, и сковывает движения.

Черная паутина летит на меня, будто ловчая сеть, и надежно обездвиживает. Центральная фигура увеличивается в размерах и приближается ко мне, проворно двигаясь по блестящим нитям. Она напоминает бегущего к пойманной мухе паука.

Вздрагиваю от отвращения, и паутина дергается. Черные фигуры вздрагивают, будто от удара

током, и на мгновение замирают.

— Кня-я-я-язь! — укоризненно произносит Грибоедов, растягивая гласные. — Не ведите себя как маленький ребенок!

В сознании снова звучит предостережение Шувалова, и я успокаиваюсь. Успокаиваюсь и покоряюсь. Обсидиановые нити проникают внутрь моего сумрачного воплощения как иглы целителя — в вены. Я ощущаю присутствие чужого разума внутри моего, чувствую, как он погружается в воспоминания последних часов и читает их, перелистывая словно открытую книгу.

Уже через доли секунды возникает непреодолимое желание защититься от вторжения, вышвырнуть непрошеного гостя прочь, но я решительно подавляю его. Агрессор аккуратно погружается в мою память, и не пытается что-то изменить в ней или навредить. Он уверенно движется вглубь, но неожиданно для него самого проваливается в бездонную пропасть. Какое-то время мечется в абсолютной пустоте, словно утопленник в черном омуте, а затем мгновенно выныривает на поверхность.

Сумрак рассеивается, и я открываю глаза. Троица все также сидит передо мной с бесстрастными выражениями на лишившихся красок лицах. Они

похожи на древние мраморные статуи, и черные одежды лишь подчеркивают неестественную бледность кожи. Замешательство Грибоедова выдают только глаза, точнее, их лихорадочный блеск.

— Неожиданно! — медленно произносит князь.

Он щурится и беззвучно шевелит потерявшими цвет губами, а затем откидывается на спинку кресла. Его тонкие пальцы профессионального пианиста выбивают дробь на стеклянной поверхности стола.

— Ваш рассказ соответствует действительности, либо же эта действительность сконструирована в вашем сознании методами, которыми мы не владеем, — Грибоедов жидко улыбается.

Еще бы, под руководством Шувалова я потратил на создание ложных воспоминаний несколько часов, и он множество раз проверил результат!

— У вас очень мощный потенциал, Александр Игоревич! — задумчиво изрекает Грибоедов. — Мощный даже для чистокровного аристо, но есть одна странность…

Князь замолкает и кивает застывшему подобно изваянию дознавателю справа от него. Я уже привык к оговоркам, противопоставляющим меня и

чистокровных цветных и перестал обращать на них внимание.

— Цвет вашей ментальной защиты — зеркальный! — коротко добавляет мужчина и пожимает плечами. — В моей практике я такого еще не встречал. Уверен, что вы и сами не сможете обрисовать природу этой странности, но думаю, что все прояснится в момент Инициации…

Понимаю, что мной манипулируют, пытаясь заполучить информацию, и продолжаю внимать словам дознавателей молча.

— Впрочем, оценка особенностей вашего Дара не входит в наши профессиональные обязанности, по крайней мере, в данный момент, — говорит Грибоедов, глядя на меня сквозь узкий прищур вновь ставшими серыми глаз. — Нас вызвали на аудиенцию с вами вовсе не для постановки диагнозов.

Князь замолкает, выдерживая длинную театральную паузу, склоняет голову набок и рассматривает меня, словно биолог диковинную зверушку. Разве что в руках не вертит и в брюки не заглядывает.

— Тьма, — произносит он на выдохе, и его голос звучит будто удар хлыста. — Мы не обнаружили следов ее воздействия на ваш разум, но…

Грибоедов вновь умолкает и смотрит на меня не мигая, как змея. Напряжение в пространстве сгущается, словно грозовая туча, и я готовлюсь к отражению ментального удара. На краткий миг закрываю глаза и окружаю себя зеркальным коконом. Я действую инстинктивно, бессознательно, не задумываясь ни секунды.

— Все самое интересное обычно звучит после «но», — с иронией говорю я, принимая обманчиво расслабленную позу.

— Не стоит! — предупреждает Грибоедов ледяным тоном, и его радужки стремительно наливаются чернотой. — Мы не собираемся вас атаковать. По крайней мере, здесь и сейчас.

— Хорошо, — я киваю, не ослабляя защиту. — Это происходит помимо моей воли.

— Вы обладаете очень мощным Даром, Александр Игоревич! — заключает Грибоедов, и его взгляд наполняется неподдельным удивлением. — Это противоречит вашему досье. Разумеется, мы сохраним информацию в тайне, о ней будет известно лишь узкому кругу высших должностных лиц Империи!

Вердикт дознавателей полностью подтверждает осторожные предположения Игоря Всеволодовича. Что ж, теперь можно объяснить интерес

Шувалова к моей скромной персоне. Но почему Дар не проявлялся в Приюте? Всех нас называли бесцветными и противопоставляли одаренным аристо? Значит ли это, что большинство приютских — бездари, а я — всего лишь счастливое исключение?

Дознаватели внимательно на меня смотрят, ожидая ответа, а я не знаю, как реагировать на сказанное и даже предположить не могу, какой реакции от меня ждут. Сохраняю бесстрастное выражение лица и продолжаю держать паузу, ожидая, что кто-то из троицы даст необходимые пояснения или подсказки.

— Вы хорошо держите удар, — с одобрением заключает князь и неожиданно подмигивает. — Игорь Всеволодович неплохо вас подготовил за столь короткое время!

— Существует еще одна опция — ваше сообщение не является для меня новостью, — наугад отвечаю я и вижу, что попал в цель. — К чему фальшивые эмоции, князь?

— Я искренне рад за вас, поверьте! — миролюбиво отвечает Грибоедов. — В любом случае, проверяя ваши способности, мы лишь выполняли распоряжение Наследника Императорского Рода.

Князь осознанно подчеркивает, что копался в моих мозгах не по своей воле, а по распоряжению Цесаревича. Что ж, вполне разумная предосторожность, зачем наживать лишнего врага в лице одаренного аристо из Фиолетового Рода.

— У меня нет претензий, — говорю я и снимаю ментальную защиту.

— Разрешите откланяться?! — задает риторический вопрос Грибоедов и встает из-за стола.

— Не смею вас задерживать! — отвечаю я и учтиво улыбаюсь троице в черном.

В короткое мгновение между исчезновением дознавателей за дверью и появлением в приемной Конибродского я четко осознаю, что истинной целью их визита было именно сканирование моих способностей, а вовсе не расследование нападения Темных, но смущает меня не это.

Глаза дознавателей! Они были чернее ночи, как и их ментальные образы. В памяти всплывают отвратительные паукообразные фигуры и тонкие обсидиановые нити, пронзающую мою сущность.

Я вздрагиваю, будто стряхивая с себя полчища мерзких насекомых, и поворачиваюсь к окну, глядя на цветные небоскребы Великих Родов.

Если дознаватели не являются Темными, то я

визирь Османской Сатрапии!

Глава 22 — Я — Темный?

После встречи с дознавателями я сплю как убитый и покидаю постель лишь ближе к вечеру. Проглотив обильный завтрак, совмещенный с обедом и ужином, выпиваю не меньше литра кофе и возвращаюсь в свой кабинет. Падаю в кресло перед монитором, и тревожные мысли набрасываются на меня подобно рою пчел.

Собственная популярность среди сильных мира сего начинает пугать: в тоннеле по мою душу явился уже третий, на этот раз Темный. Детские мечты сбываются с избытком — у меня есть реальный шанс стать не просто агентом, а тройным агентом, одновременно работающим на Темных, Приют и Тайную Канцелярию с Родом Шуваловым заодно.

Блестящая перспектива для бессмертного героя бульварного романа или шпионского сериала, но я не являюсь ни тем ни другим.

С тоской смотрю на черный экран, всячески оттягивая неизбежное — погружение в тайну фамильного древа. Я отчетливо помню каждую

морщинку на благородных лицах последних трех поколений Шуваловых и краткое описание их биографии, но это не приближает меня к пониманию того, кто из них является моим отцом.

Включаю компьютер и уже в который раз всматриваюсь в фотографии фиолетовоглазых мужчин и юношей, пытаясь вычислить своего безответственного папашу.

Игорь Всеволодович Шувалов, Глава Великого Рода — единственный оставшийся в живых, но претендовать на отцовство, скорее всего, не может в силу весьма преклонного возраста. Отчество Игоревич, как и фамилия, данные мне в Выборгском сиротском доме меня не обманывают: вероятно, я получил их еще в младенчестве из-за фиолетовых радужек.

Старший брат Главы Рода, Ярослав Всеволодович, исчез сотню лет назад, сразу после инициации, поэтому кандидатура отпадает сама собой. Видимо, он был Темным, и его уничтожили от греха подальше, как это водится у высших аристо. Детей он не оставил, по крайней мере, тех, о которых было известно Роду.

Все трое сыновей Игоря Всеволодовича в момент моего предполагаемого зачатия были живы, и каждый из них мог отметиться в постели моей

матери, о которой я тоже не знаю ровным счетом ничего.

Младший сын, Константин Игоревич — балагур, дуэлянт и повеса, был убит в двадцать семь лет на очередной дуэли, когда мне исполнился год. Средний, Николай Игоревич, погиб во время битвы с османами за Тавриду еще через пару лет, а история младшего, Владимира Игоревича, оборвалась в 1898 году, тогда мне было восемь лет.

Я похож на них, все трое не были женаты, и любой мог оказаться моим таинственным родителем. Наверняка Игорь Всеволодович сможет пролить свет на обстоятельства их жизни и смерти, но вряд ли это поможет понять, кто из них был моим отцом. К тому же информация эта не несет никакой практической пользы.

Горько усмехаюсь, расслабляюсь в мягком кресле, запрокидываю голову на подголовник и, оттолкнувшись ногой от стола, начинаю медленное вращение. Кружащийся потолок дарит отрешенность и дает возможность хотя бы на время спрятаться от проблем.

Подобие медитации прерывает звук распахнувшихся дверей. В проеме стоит Ольга Юрьевна Трубецкая собственной персоной. Останавливаю кресло, встречаюсь с ее скучающим взглядом и

вздыхаю.

Мне предстоит очередное оттачивание навыков в словесных пикировках, принятых в среде аристо, без перехода к предложенному Шуваловым изучению тонкостей светского разврата. Еще пара недель одиночества, и я соглашусь на любой разврат, даже на самый грубый и с первой попавшейся девушкой. Молоденькая горничная вполне сгодится.

— Контракт обязывает, — Трубецкая пожимает плечами и заходит, не дожидаясь приглашения.

— И тебе здравствовать, — хмуро отвечаю я и закрываю дверь на ключ.

— У тебя на меня планы? — Ольга оборачивается и, вопросительно выгнув бровь, указывает взглядом на щелкнувший замок.

— В последние дни мои апартаменты превратились в проходной двор, приходится исправлять ситуацию…

Девушка внимательно на меня смотрит и недовольно покачивает головой. Ее темно-синий шелковый кринолин колышется в такт движениям шеи, и я любуюсь осиной талией, которую могу запросто обхватить ладонями.

— Что же ты, мой друг, невесел? — спрашивает княгиня, томно улыбаясь. — Что же голову

повесил?

Она подходит ко мне, обнимает за плечи и заглядывает в глаза. Объятия явно дружеские, но это идеальный момент для поцелуя. Идеальный, если бы не льдистая синь в глубине ее радужек. В голосе Ольги нет искреннего участия, лишь дежурный интерес.

Вспоминаю, как смотрела на меня Мина, рывком высвобождаюсь из объятий Ольги и подхожу к окну. Вторя светящимся куполам Храма Разделенного, Кристаллы Великих Родов отбрасывают с крыш Родовых Высоток яркие цветовые сполохи и расцвечивают вечернее сереющее небо радужными разводами.

— Чувствую себя крысой, которая бесцельно бежит по смертельно опасному лабиринту в полной темноте…

— Оставь меня, подруга, я в печали?! — Ольга вопросительно вскидывает брови, а затем медленно подходит к креслу и садится в него, расправляя складки на пышной шелковой юбке. — Ты хочешь быть супергероем плохого романа? Избранным, на пути которого мужчины будут преклонять головы и бросать на землю оружие, а женщины — прыгать в постель по первому щелчку пальцев?

— Неплохая перспектива, — отвечаю я с усмешкой. — А девушки мне бы и одной хватило…

— Шувалов, ты что, подкатываешь ко мне свои яйца, обернутые в романтичный флер? — в стекле отражается лицо Трубецкой, на нем застыло искреннее удивление.

— С чего ты взяла, что я говорю о тебе? — оборачиваюсь и с недоумением смотрю на девушку, включив актерские способности на полную.

— Слава Разделенному! — с облегчением восклицает Ольга. — Одной проблемой меньше!

Тьма меня забери! Наши отношения похожи на романтичный сериал про подростков от Мосфильма, в котором встретились юные идиот с идиоткой и никак не могут переспать в течение пятидесяти серий!

— Почему ты ушла из Рода Синих и подписала контракт с Шуваловым? — спрашиваю я, меняя тему разговора.

— Ради твоих красивых глаз, конечно! — отвечает Ольга с ядовитым сарказмом, подходит к окну и становится рядом со мной.

— А ты предполагала, что твоим питомцем окажусь именно я? — подыгрываю, одновременно пытаясь выудить касающуюся меня информацию, и встречаю ее подозрительный взгляд в

отражении.

— Я ничего о тебе не знала до нашей первой встречи в Приемной Великого Князя, — уверенно произносит Ольга, но отвечает слишком быстро, и я понимаю, что она лжет. — Меня изгнали из собственного Рода…

Удивление захлестывает меня, словно морская волна, и я в недоумении поворачиваюсь к Трубецкой. В синих как майское Питерское небо глазах застыла боль. Девушка покусывает нижнюю губу и едва сдерживается, чтобы не расплакаться. Я протягиваю ладонь к ее щеке, но Ольга резко отшатывается назад.

— Давай обойдемся без щенячьих нежностей, ладно?! — раздраженно заявляет она. — С кем-нибудь другим я бы напилась, сидя у этого окна и любуясь ночной Москвой с высоты птичьего полета, но не с тобой!

А вот это звучит обидно. Мне хочется еще раз внимательно рассмотреть себя в зеркале и убедиться, что я не превратился в жирного уродливого старика.

— Давай, упомяни еще раз про контракт и подчеркни, что общаешься со мной исключительно из-за возложенных на тебя обязанностей! — я начинаю закипать. — Ты делаешь это специально,

чтобы разбудить во мне чувство вины и я, не дай Разделенный, не воспользовался тобой в грубой и извращенной форме?

— А не боишься, что я дам отпор? — Трубецкая поворачивается ко мне, и я отшатываюсь от ее вспыхнувшего глубокой синью, тяжелого взгляда.

— Не боюсь, потому что так с тобой не поступлю…

— Шувалов! — Ольга почти кричит. — Пойми, наконец: мы не ровня! Ты — плоть от плоти Рода, а я — вассал Фиолетовых, и обязана удовлетворять твои прихоти!

— Так удовлетворяй! — на моих устах появляется усмешка испорченного херувима.

Ольга отворачивается и прижимается лбом к холодному стеклу панорамного окна.

— Почему тебя изгнали из Рода Синих? — спрашиваю я после длинной паузы.

— Я не хочу об этом говорить!

— Тогда считай мое любопытство сумасбродной прихотью, которую ты обязана исполнить!

— Задай свой вопрос Великому Князю, и он обязательно расскажет тебе обо всем, если посчитает нужным! — лицо девушки кривится от клокочущего внутри гнева, она поворачивается ко мне

и снова обжигает ярким огнем, вспыхнувшим в синих радужках.

— Зачем пришла?! — спрашиваю я подчеркнуто спокойно. — Сегодняшний урок великосветских манер явно идет кото под хвост!

— Хотела проведать перед сном и убедиться, что ты грызешь гранит наук, а не порно смотришь, — язвительно отвечает Ольга.

— Обязательно позову тебя, если надумаю развлечься — вдвоем будет интереснее, — улыбаюсь, картинно заламывая бровь, и отбрасываю со лба непослушную челку. — Придется сделать хотя бы это, чтобы мы не поубивали друг друга из-за банального недотраха!

Трубецкая отводит взгляд и закусывает нижнюю губу.

— Я по уши в учебе, убедилась? — я киваю на монитор, где все еще светится фамильное древо Рода Шуваловых.

— Прости меня, Саша! — неожиданно мягко заявляет Трубецкая и подходит ближе, в ее глазах стоят слезы. — Я просто сорвалась, а ты совершенно ни при чем!

Мгновенная перемена настроения меня обескураживает. Месячные у нее, что ли… Обнимаю девушку и прижимаю к себе. Ее тело мелко

дрожит, а сердечко бьется, словно в груди испуганной птички.

— Знаешь пятое правило Кодекса агентов из игры «Супераристо»? — спрашивает она, обжигая мою шею теплым дыханием.

— Никогда не влюбляйся! — произносим мы одновременно, и через мгновение хрупкую иллюзию единения разрушает настойчивый стук в дверь.

Нехотя плетусь открывать и, распахнув тяжелую дубовую створку, скрежещу зубами от досады — на пороге стоит седобородый Хранитель Рода. Я и забыл, что у нас назначена встреча. Что ж, попытаюсь выудить у него хотя бы какую-то информацию.

— Добрый вечер, Александр Игоревич, — приветствует меня старик, и я отвечаю ему тем же. — Добрый вечер, Ольга Юрьевна!

Откланявшись, Ольга покидает нас стремительной походкой, и я с сожалением провожаю взглядом ее грациозную фигурку. Как же не вовремя явился этот старик! С трудом переключаюсь на Хранителя и приглашаю его в гостиную. Мы усаживаемся за стол, и Никифор Григорьевич выкладывает принесенные подмышкой фолианты в старинных кожаных переплетах с изрядно

потертым золотым тиснением.

— Как прошла встреча с дознавателями? — спрашивает Хранитель, и его голос подрагивает от нетерпения.

— Они порылись в моей памяти и сообщили, что я обладаю зачатками Дара…

— На этом — все?

— Уведомили, что Дар довольно мощный, и Тьма надо мной не властна…

— Больше ничего не сказали?

— Ни слова, — я отрицательно качаю головой. — Как они получают способность ковыряться в чужих мозгах?

Никифор Григорьевич внимательно на меня смотрит, прищурив веки, и молчит.

— Есть два варианта ответа: поверхностный и глубинный, — нехотя начинает говорить он. — Первый совершенно безопасен как для меня, так и для вас, а второй…

Старик замолкает и отворачивается к окну. Яркий дневной свет оживляет его выцветшие серые радужки и подчеркивает густую сетку морщин на веках. В глазах Хранителя читаются сомнение и недоверие. На мгновение у меня возникает ощущение, что он сознательно медлит, словно оттягивая прыжок в бездонную пропасть.

— Правда может привести вас прямиком в царские застенки, а меня — на плаху, — старик вздыхает и устремляет на меня внимательный взгляд. — Вы точно хотите ее узнать?

— Без всякого сомнения! — я киваю и поворачиваю внешнюю часть кольца на безымянном пальце левой руки. — Теперь нас никто не услышит!

Подаренный Шуваловым амулет на мгновение вспыхивает ярким фиолетовым светом, а затем интенсивность свечения падает, и кольцо становится похожим на экстравагантное украшение молодого щеголя. Мы погружаемся в тишину, вязкую и обволакивающую, словно сладкий кисель.

— Вы не заметили ничего странного во взглядах дознавателей? — медленно задает вопрос старый Хранитель и нервно облизывает тонкие губы.

Он смотрит на меня недоверчиво и настороженно, и я замечаю страх в глубине прищуренных старческих глаз. Вспоминаю радужки дознавателей, наливающиеся чернотой, и медлю с ответом. Шестое чувство сигнализирует, что об этом лучше не рассказывать даже Шувалову, не говоря уже о Хранителе Рода.

— Нет, если не считать расширенных зрачков! — я отрицательно качаю головой и замолкаю в

ожидании продолжения разговора.

— Дознаватели — Темные, — тихо произносит Никифор Григорьевич и откидывается на спинку кресла. — Темные на службе у Цветных…

Сказать, что я ошарашен, значит, не сказать ничего. Мое представление о мире, в котором я живу, дает очередную трещину и продолжает стремительно разрушаться.

В Приюте мне с детства внушали, что Темные — враги рода человеческого во плоти, сиречь диаволово отродье, как именует их Патриарх. Каждый патриот Российской Империи должен без раздумий положить жизнь на борьбу с ними.

— Темные на службе Цветных?! — потрясенно лепечу я. — Их же уничтожают без суда и следствия?!

— Не все Темные одинаково Темны! — на губах старика возникает ироничная усмешка.

— Но как они вскрывают чужое сознание?

— Любой Темный способен ощутить мысли находящегося рядом с ним человека. Кто-то погружается в чужой разум, как червь в яблоко, а кто-то лишь улавливает настроение. Это — основная причина, почему Темные находятся в Империи вне закона.

— А власть они захватывали, используя эту

весьма полезную способность?

— Именно так, Александр Игоревич, именно так! — Хранитель одобрительно кивает и улыбается в седую бороду.

Потрясенно замолкаю и обдумываю услышанное. Запоздало понимаю, что Темный в тоннеле читал меня, словно открытую книгу, и сжимаю челюсти до зубовного скрежета.

— Значит, противостоять им невозможно? — с горечью спрашиваю я.

— Почему же?! — старик усмехается, поглаживая бороду. — Когда-то с этим неплохо справлялись Светлые…

— Но они не появлялись на свет уже двести лет!

— Быть может, мы не владеем информацией об их существовании? — спрашивает старик и смотрит на меня все с той же ироничной усмешкой.

— Как выявляют Темных и Светлых среди Цветных?

— Светлого вычислить практически невозможно — они способны управлять любой магией. Их оружие, щиты и покровы могут принимать любой цвет радуги. Собственно, единственный способ понять, что перед тобой Светлый — стать свидетелем того, как он меняет цвет Покрова,

например. С Темными проще. Их магия черна, словно безлунная ночь, а Тьму в глазах одаренного может узреть либо другой Темный, либо инициированный цветной…

— А не инициированный одаренный?! — спрашиваю я, подавшись вперед.

— Исключено! — Хранитель качает головой. — Именно поэтому Инициация аристо всегда проходит в присутствии всех Глав Великих Родов.

Меня бросает в холодный пот. Радужки дознавателей были черны, как смола, мне это не предвиделось! На высшего одаренного я точно не тяну, на Темного — тоже, по крайней мере, так сказали дознаватели…

— А Светлые могут увидеть чернь в глазах Темных? — мой голос дрожит от волнения, и на этот раз никакие актерские таланты не способны скрыть эту дрожь.

— Высшие увидят точно, а вот насчет начинающих магов сказать ничего не могу! — сообщает мне старик с неприкрытым лукавством в голосе. — Если в вас живет надежда оказаться Светлым, то поспешу разочаровать: вероятность этого стремится к нулю. Инициация покажет, что вы — потомственный аристо Великого Рода Фиолетовых магов!

Я снова вспоминаю черные глаза дознавателей и предложение стать Темным, полученное от незнакомца в тоннеле, и мне становится по-настоящему страшно. Боюсь я не за себя, а себя.

Неужели, я — Темный?

Глава 23 — Приглашение на Бал в Кремль в мою же честь

Кабинет Главы Рода залит ярким электрическим светом, который слепит будто полуденное солнце и выдавливает слезы из глаз. Князь собрал нас перед рассветом, сразу после возвращения из резиденции Императора.

Бессонная ночь, которую я провел в раздумьях о Тьме, Свете и всех семи цветах радуги, дает о себе знать — я хочу спрятаться в темном чулане и не видеть ни слепящего света, ни лиц Шувалова, Трубецкой и Берестова.

— Кофе?! — спрашивает Игорь Всеволодович и, не дожидаясь ответа, собственноручно разливает его по миниатюрным серебряным чашечкам.

Выпиваю крепкий обжигающий напиток залпом и на мгновение закрываю глаза, погружаясь в спасительный мрак.

— Император предложил устроить бал в честь твоего принятия в наш Род, — задумчиво произносит Шувалов, и я мгновенно выныриваю из уютного полузабытья.

— Бал?! — переспрашиваю я. — В мою честь?

— У тебя проблемы со слухом или у меня — с дикцией? — с сарказмом интересуется Великий Князь.

— Просто не выспался, — нехотя признаюсь я.

— Дело молодое — привыкай! — Шувалов бросает мимолетный взгляд на Трубецкую. — Я в твоем возрасте почти не спал!

На лице Ольги не дергается ни один мускул, приветливая улыбка сидит как приклеенная, а глаза источают благожелательность и живой интерес к происходящему.

— Вернемся к делам! Бал состоится в Императорском дворце в Кремле — такова воля самодержца, — продолжает Шувалов. — Будут приглашены все молодые неженатые и незамужние члены Великих Родов до третьего колена включительно. Откровенно говоря, мне не нравится этот бал — от него за версту несет неприятностями, но отказаться мы не можем ни при каких обстоятельствах…

— Обеспечение безопасности?! — деловито интересуется Берестов.

— Все за счет Короны, — Игорь Всеволодович пожимает плечами и раскуривает трубку. — Я предлагал провести бал в наших владениях, но

получил решительный отказ: мол, пополнение самого сильного Великого Рода Империи случается не каждый день, и все прочее в таком же духе.

Князь замолкает, откидывается на спинку кресла и задумчиво рассматривает кофейную чашечку, которая в его огромной ладони кажется игрушечной. Мы терпеливо ждем, не произнося ни слова.

— Совершенно нелогичное поведение императорской семьи, — заключает Шувалов и ставит чашку на блюдце вверх дном. — Если уж и проводить бал в честь пополнения Великого Рода, то нам, и только нам. К тому же Саша еще инициацию не прошел…

Через десяток секунд старик медленно переворачивает чашку и с любопытством заглядывает внутрь. Его лицо мрачнеет, и он демонстрирует нам застывшую гущу. Она похожа на стилизованный череп с белыми прорезями глаз и узкой полоской рта.

— Моя бабка всегда гадала на кофейной гуще перед важными встречами, — взгляд Шувалова теряет фокус, и на мгновение он погружается в воспоминания.

— Не думаю, что Романовы планируют убийство гостя в стенах собственного дворца, — веско

произносит Бекетов, возвращая Князя к реальности.

— Они ничего не делают просто так, — отвечает Шувалов, глядя на кофейный узор. — Зачем-то им нужен этот праздник веселья, причем именно их же территории…

— Быть может, это смотрины? — предполагает Ольга. — И юному Шувалову подыскивают подходящую невесту?

— Юный Шувалов, слава Разделенному, не наследник Рода, — резко парирует Берестов. — Корона не будет подыскивать невест или плести интриги ради безвестного мальчишки…

Игорь Всеволодович хмуро смотрит на безопасника, а затем переводит взгляд на меня. Фиолетовые глаза неярко светятся, и я ежусь, словно оказавшись на пронзающем до костей морозе.

— Что скажет безвестный мальчишка?! — спрашивает Князь.

— Бесполезный юнец не может иметь право голоса в компании столь опытных и проницательных аристо, как вы, — отвечаю я, глядя в глаза Бекетову. — Его мнение априори гроша ломаного не стоит!

— Давай обойдемся без дешевых спектаклей?!

— раздраженно восклицает Шувалов. — Есть соображения — высказывай, нет — молчи!

— Если Романовы что-то планируют в отношении меня, то инициатор — Цесаревич, — примирительно говорю я.

— Почему ты так думаешь? — удивленно спрашивает Шувалов. — Я чего-то не знаю?

— Интуиция, не более того! — я пожимаю плечами. — Вряд ли я представляю реальный интерес для Императора или возрастной имперской бюрократии…

— Если бы ты был наследником Рода, то интерес к твоей персоне был бы оправдан: старшей дочери Его Величества пора подыскивать именитого и одаренного мужа! — с усмешкой говорит Шувалов.

— А в каком случае я могу им стать? — осторожно интересуюсь я, и Великий Князь тут же награждает меня ледяным взглядом.

— В случае моей смерти! — медленно отвечает он. — Вряд ли при таком раскладе Правящяя Семья уничтожит Великий Род, а вот поддержать тебя в роли нового Главы и использовать в качестве марионетки и племенного быка-производителя — вполне способна!

— И по случайному стечению обстоятельств

у Императора есть старшая дочь на выданье, — ровным голосом добавляет Трубецкая и выразительно смотрит на меня.

— Нет! Нет! Нет! — Шувалов отмахивается от нас, словно от надоедливых мух, и на его устах возникает усмешка. — Я не верю в теории заговоров и тайные планы алтайских мудрецов! Моей смерти может желать кто угодно, только не Император!

— Тогда стоит задуматься о поиске другого интересанта, — говорю я и обращаю взгляд на Берестова.

Безопасник глядит на меня пристально и оценивающе. Я впервые вижу в его глазах подобие одобрения.

— Благодарю за совет, Александр Игоревич, мы обязательно проработаем возможные варианты! — сообщает он мне без тени иронии. — А вас я попрошу использовать предстоящий бал с максимальной отдачей и завязать дружбу с влиятельными аристо вашего возраста!

— С языка снял! — говорит Шувалов и направляет на меня указательный палец. — Особое внимание обрати на будущих сокурсников, а главная твоя цель — Цесаревич! Можешь считать это вторым боевым заданием!

Князь переводит взгляд на Трубецкую.

— Ольга Юрьевна, завтра вы будете сопровождать Александра на бал…

— В качестве кого? — бесцеремонно перебивает Шувалова Трубецкая.

— В качестве спутницы! — с лукавой улыбкой сообщает Князь. — Вас не устраивает такой статус?

— Мне все равно! — Ольга пожимает плечами. — Уточняю, чтобы понять какую буду играть роль…

— Хорошо! — Шувалов удовлетворенно кивает. — Сегодня вы с Александром изучите будущих студентов Императорской Академии и разработаете планы знакомств. Максимум внимания нужно уделить наследникам Великих Родов, включая Романова!

Мы с Трубецкой синхронно киваем, не глядя друг на друга.

— Владислав Степанович, на Балу будут присутствовать только Ольга с Александром, поэтому активную боевую поддержку мы обеспечить не сможем, — Шувалов щурит глаза и сжимает губы в тонкую линию. — Транспортировку берет на себя Императорская Гвардия, безопасность гарантирует тоже она, но мы должны максимально

купировать потенциальные опасности в стенах Императорского дворца. Защитными амулетами нашу молодежь обеспечу я, а задачу подбора оружия и амуниции возлагаю на вас!

Великий Князь замолкает и какое-то время смотрит мне в глаза.

— Саша, мы с тобой мало общаемся — у меня катастрофически не хватает времени, — устало произносит Шувалов. — Сразу после твоей инициации возобновим совместные завтраки и начнем тренировки по вечерам. А сейчас — за работу!

В мои апартаменты мы с Трубецкой идем молча. В полутемном коридоре портреты Шуваловых кажутся призраками, и глаза их темны, как непроглядная ночь за широкими окнами.

В моей гостиной царит кавардак. Письменный стол завален книгами в старинных кожаных переплетах, журнальный заставлен тарелками с недоеденной едой и чашками с остывшим кофе, а на диванах и креслах разложены доставленные Яковом Моисеевичем комплекты одежды, которую я даже не примерял.

— Холостяцкая берлога во всей красе, — насмешливо говорит Ольга и берет в руки один из фолиантов. — Почему ты отказался от персональной горничной или постельничего?

— Еще не осознал свою принадлежность к высшему классу, привык обслуживать себя сам, — честно отвечаю я.

— Смотри не ляпни нечто подобное в Академии или на балу! — Трубецкая укоризненно качает головой. — Они тебя как минимум не поймут, а как максимум — запишут в простаки. Возьми в услужение пару симпатичных девчонок и неглупого парня!

— С девочками все понятно, их ты мне в постель подкладываешь, а неглупый парень для чего?

— Надо же тебе с кем-то общаться, чтобы не впасть в депрессию!

— Пока мне тебя с избытком хватает, — язвительно отвечаю я.

— Зря, у каждого наследника Великого Рода таких прилипал целая свита, со временем они превращаются в лояльных ему работников, — Трубецкая пожимает плечами.

— У тебя такие тоже были?

На лицо Ольги набегает тень, она бросает книгу на стол и становится у окна, повернувшись ко мне спиной.

— Давай не будем об этом, я не хочу говорить о своей прежней жизни…

— Ладно, тогда приступим к обсуждению моих

будущих сокурсников, наверняка ты знаешь их лично…

Мы садимся перед монитором, и Трубецкая сразу оживает, погружаясь в привычный для нее мир сплетен и светских интриг. Ее глаза разгораются, от внезапно нахлынувшей грусти не остается и следа, и я с трудом направляю мысли в рабочее русло.

— Великий Род Красных представлен сразу двумя сонаследниками, Радославом и Бореславом Юсуповыми — прошу любить и жаловать! — на экране появляются фотографии двух смазливых юношей с красными глазами и огненно-рыжими шевелюрами. — Ходят упорные слухи, что они делят не только статус первых наследников, но и кровать с девушками. Завоевывать их доверие придется тебе, с твоей физиономией и фигурой успех практически гарантирован, а если в Сандуновские бани вместе пойдете…

— Ты меня в постель к этим извратам подкладываешь, что ли? — искренне возмущаюсь я.

— Я лишь даю тебе информацию, а уж как ей распорядиться — твое дело! — произносит Ольга с лукавой усмешкой на устах. — Просто очаруй их и расположи к себе. Братья не особо сильны в сражениях, но по части интеллекта дадут фору

многим высшим аристо. Честь Рода для них не пустой звук, с ними можно иметь дело. Как ты и сам знаешь, красные не особо сильны, но многочисленны, а парни уже сейчас управляют частью операций Рода.

— Ладно, с близнецами пообщаюсь, не впервой, — я вздыхаю, вспоминая бой в имении Воронцовых, и смотрю на Ольгу. — А ты будешь неподалеку на тот случай, если я подвергнусь насилию со стороны этих п…

— Рекомендую не называть их так даже за глаза! — перебивает меня Трубецкая. — И не волнуйся, домогаться тебя они не станут, у Юсуповых большая и светлая любовь к девушкам, если они спят сразу с ними двумя…

— … парней, я хотел сказать, — заканчиваю фразу и невинно улыбаюсь. — А танцевать на Императорском балу они будут тоже втроем?

— Танцуют и флиртуют с девушками они превосходно и легко обставят любого опытного дамского угодника, — отвечает Трубецкая и выразительно косится на меня.

— Просто ты еще не была на великосветском балу со мной…

— После бала я обязательно поделюсь с тобой впечатлениями о тебе, а пока перейдем к Оранже-

вым, — Ольга насмешливо улыбается и выводит на экран следующую фотографию.

Не хочу признаваться ей, что все эти лица мне хорошо известны, а по некоторым из них я даже кулаками прошелся, и внимательно разглядываю фотографии. Оранжевый Олег Апраксин похож на придурковатого широкоплечего кузнеца, на которого напялили парадный мундир с золотыми эполетами. Яркое оранжевое одеяние оттеняет бледную кожу и лишь подчеркивает невзрачность лица молодого аристо.

— Глуп и прямолинеен как шомпол, при этом мнит себя неотразимым и обаятельным светским львом, — ядовито произносит Ольга. — В его свите с десяток красавиц, а число благородных дам, побывавших в его постели, не поддается исчислению.

— Мне кажется, или я слышу в твоем голосе нотки зависти?

— Ко мне он тоже подкатывал, но я столько не выпью…

— Если бы ты сказала, что спала с ним, моя самооценка упала бы ниже нуля…

— Лучшие друзья женщин — это бриллианты, частенько они гораздо более важны, чем внешность или интеллект! — Ольга ерошит мне

волосы на макушке. — Этим персонажем займусь я, а к тебе подгоню его уже тепленьким. Выпьешь с ним, поговоришь о девушках и спорткарах, и если произведешь впечатление, то окажешься на разнузданной оргии в Родовой Высотке Оранжевых!

— Появилась хотя бы какая-то мотивация присутствовать на этом балу!

— Верни кровь к мозгам, в нашем списке еще два десятка человек! — Ольга вскидывает брови и выразительно смотрит мне между ног.

— Позволь предположить, что следующая в списке — Княгиня Нарышкина?

— И руки на стол положи! — девушка поворачивается к экрану. — Желтоглазая красавица и предмет влажных мечтаний всех юношей благородных кровей от тринадцати до ста тридцати лет включительно! Ходят слухи, что ее совершенная внешность — результат работы сильнейших целителей Великого Рода Желтых, но какое это имеет значение, если ты уже представляешь ее обнаженной?!

— Обнаженной и на коленях! — не лезу за словом в карман я. — Надеюсь, что очаровывать ее придется мне?!

— Уж потрудись как следует, но преуспеешь

ты вряд ли…

— Это почему же?

— Едва ли она променяет Цесаревича на безвестного мальчишку, пусть даже и с фиолетовыми глазами! — Ольга вызывающе улыбается.

— Предложил бы пари, но мои мысли заняты другой особой!

— Советую выбросить их из головы, хотя бы на время Императорского Бала!

— Наследника и наследницу Романовых мне представлять не нужно…

— Хорошо, скажу лишь, что Цесаревич весьма умен и опасен, после разрыва помолвки с Воронцовой он начал появляться на публике с Нарышкиной, думаю, что скоро объявят о новом династическом браке…

— А что ты скажешь о его сестре? — спрашиваю я с максимальным безразличием в голосе, на которое способен.

— Хорошая девочка, но ее судьба незавидна — выдадут замуж по расчету…

— Претендент уже известен?

— А ты хочешь им стать? — на лице Трубецкой появляется ехидная усмешка.

— Ты меня раскусила, так что давай перейдем к следующему цвету радуги!

— Княжна Воронцова! — задумчиво произносит Трубецкая. — Из всех аристо нашего возраста с ней не переспал только ты, но даже в этом я не уверена…

— Клянусь, что невиновен! — восклицаю я и картинно вскидываю руки.

Вспоминаю Дворец Воронцовых, чайную комнату, нежные пальчики и бойкий язычок княжны и чувствую, что к щекам приливает кровь. И не только к щекам…

— Неужто и ты в ее постели отметился?! — Трубецкая подозрительно разглядывает мой румянец.

— Нет, но, пожалуй, не отказался бы…

— Значит, ее возьму на себя я, к тому же мы хорошо знакомы. Вытащим тебя из цепких медвежьих объятий Апраксина по окончании бала и спасем от участия в бездушной оргии!

— Благодарю покорнейше, Ольга Юрьевна, ваша доброта воистину не знает границ!

— Отблагодаришь нас парой бутылок шампанского «Новый Свет»!

— Пренепременно, но мне кажется, что нам понадобится еще один парень, — многозначительно говорю я. — Андрей Трубецкой, например?! Княгиня Воронцова будет в восторге?!

Игривая улыбка медленно сползает с лица Трубецкой, а взгляд леденеет.

— Я бы не хотела общаться с братом, — тихо произносит она и закусывает нижнюю губу. — Ты легко с ним подружишься и без моей помощи, точнее, тебе так будет казаться, а на самом деле он мастерски воспользуется тобой. В его коллекции шахматных фигур появится еще одна — фиолетовая.

— Андрей — игрок и манипулятор высшего класса? — уточняю я, хотя знаю это наверняка.

— Смертельно опасный игрок! — Ольга кивает, не отрывая взгляда от фотографии широко улыбающегося синеглазого красавца, который мог бы выстроить блестящую карьеру в синематографе или модельном бизнесе. — Тебе есть, чему у него поучиться…

Трубецкая порывисто встает с кресла и быстрым шагом направляется к двери.

— Прошу меня извинить — мне нужно отлучиться, — говорит она на ходу. — Предлагаю продолжить нашу беседу после обеда, а пока поработай с Берестовым над амуницией, он тебя как раз ждет.

— Ладно! — говорю я вслед девушке, провожая ее задумчивым взглядом.

Судя по всему, виновник ее изгнания из Великого Рода Синих — собственный брат или отец. Нужно будет поговорить об этом с Великим Князем и, наконец, расспросить его о пресловутом контракте.

Но больше всего я хочу поговорить о себе и попытаться понять, кто я на самом деле…

Глава 24 — Императорский бал: второе покушение на меня

Императорский бал в мою честь только начался, а я уже умираю от скуки. Главный зал Большого Кремлевского Дворца залит светом огромных хрустальных люстр, натертый до блеска паркет слегка скрипит под ногами, а негромкая классическая музыка ласкает слух. На огромных экранах, расположенных позади тронного возвышения, крупным планом показывают гостей, чтобы все могли рассмотреть друг друга в мельчайших подробностях.

Те же лица и разноцветье глаз, что и на балу в усадьбе Воронцовых, где я расстроил помолвку Цесаревича. Вот только теперь я один из них. Телеграф транслирует все происходящее в сеть, и я немного нервничаю из-за риска быть узнанным жертвами моих прежних заданий.

Парни в черных фраках и бабочках похожи на степенных неторопливых жуков, а девушки в ярких вечерних платьях — на легкомысленных бабочек. Я купаюсь в их внимании, словно ново-

явленная звезда Мосфильма и хочу лишь, чтобы эта ярмарка тщеславия поскорее закончилась.

Фрак на мне весит килограмм пять, и я мучаюсь от жары, потому что идеально облегающие фигуру броневые пластины практически не пропускают воздух. Танцы похожи на пытку из-за встроенных в подошвы туфель клинков и съемных пластидных микробомб в каблуках. Поправляя широкий кожаный пояс со встроенным мономолекулярным мечом, я ощущаю себя Князем Мороком — героем шпионского комикса, которым мечтал стать в детстве.

После того как мы с Трубецкой прошествовали по зеленому ковру сквозь караул разодетой в старинную военную форму Императорской Гвардии и остановились перед троном, меня официально представили Императору и Императрице. В соответствии с придворным этикетом я поклонился и дежурно улыбнулся, чем заслужил дежурные же благосклонные взгляды четы соправителей России.

Первым танцем был полонез. Первой парой — Цесаревич с Нарышкиной, второй — я с его сестрой. Император с Императрицей не танцевали, а лишь наблюдали за веселящейся молодежью и периодически одаривали нас улыбками.

К фуршетному столу все бросились, будто до этого голодали в течение как минимум недели. Под пронизывающими любопытными взглядами присутствующих я залихватски накачивался шампанским, практически не притрагиваясь к еде.

Цесаревич не отходит на меня ни на шаг, опекая на правах хозяина мероприятия. В нем невозможно узнать того наглого и надменного аристо голубых кровей, с которым я общался после первого покушения на Князя Шувалова. Парень источает желчь, но ведет себя вполне адекватно, являя образ утомившегося и скучающего от светских балов пушкинского Онегина.

Все планы, связанные со знакомством с отпрысками Великих Родов полетели в тартарары: Цесаревич не подпускает ко мне никого. Периодически он холодно приветствует всех желающих присоединиться к нашей тесной компании, представляет меня и одаривает подошедших ледяным взглядом, после чего жаждущие знакомства поспешно ретируются прочь.

— Я своего добился, теперь эти снобы смотрят на тебя как на равного, а не как на презренного бастарда, — с облегчением произносит порядком захмелевший Цесаревич, когда толпа стражду-

щих иссякает. — Царское внимание дорогого стоит! И за бал в твою честь тоже можешь не благодарить!

— Спасибо! — поспешно спохватываюсь я. — Но позволь узнать — с чего такая забота?!

— Интуиция, — пожимает плечами Цесаревич. — Она четко подсказывает, что с тобой лучше дружить, нежели враждовать. Скоро ты станешь сильнейшим аристо Российской Империи!

Если останусь жив в этом террариуме единомышленников, хочу добавить я, но благоразумно помалкиваю, помня наставления Шувалова. Фраза Цесаревича коробит слух, но я не могу понять — почему.

— Да и надоели они мне! Надоело все это подрастающее поколение одаренных! — восклицает Цесаревич. — Заглядывают в рот еще со времен младших классов лицея, всегда смиренно улыбаются, поддакивают и смеются в ответ на самую тупую шутку!

Цесаревич делает широкий жест, указывая на подобострастно глядящих на него гостей, и едва не проливает шампанское на грудь. Аристо мгновенно отворачиваются, чутко уловив настроение будущего монарха, и делают вид, что заняты великосветской беседой.

— Пусть знают свое место! — заключает Алексей, и на его губах возникает уже знакомая мне кривая ухмылка.

Цесаревич верен себе и развлекается: одаривает меня безмерным вниманием, лишив его всех остальных, чтобы позлить высокородных аристо и указать им, кто в Империи хозяин.

— Знаешь, что самое противное? — Цесаревич наклоняется ближе ко мне, он уже изрядно пьян. — Я могу затащить в постель любую из них! А ее парень будет улыбаться и собственноручно сопроводит подругу к королевскому ложу! Еще и присоединится, если я прикажу! А на следующий день они будут общаться со мной как ни в чем не бывало!

— Ты будишь во мне черную зависть! — я подыгрываю Цесаревичу, делая вид, что тоже пьян, и панибратски обнимаю его за плечи.

— С удовольствием поменялся бы с тобой местами! — отвечает он неожиданно серьезно, мы громко чокаемся и опустошаем бокалы.

Я уже в который раз внимательно оглядываю присутствующих, но не замечаю никакой угрозы: в зале собралась золотая молодежь Российской Империи, пока не представляющая опасности. Выросшие в богатстве и славе аристо обычно

тусуется в Ауруме с той лишь разницей, что одета она в классические костюмы и платья, а не в футболки и рваные джинсы дорогих марок.

— Ах да, едва не забыл! — говорит Цесаревич и подмигивает. — Одна известная вам особа приглашает вас на следующий танец! На правах хозяйки дома! И вы, мой дорогой друг, не смеете ей отказать!

Цесаревич подает знак, и объявляют вальс. Под обстрелом пронизывающих взглядов гостей я направляюсь к группе девушек, в центре которой стоит Наталья Романова. Шелковое платье нежно-оливкового цвета подчеркивает соблазнительные изгибы стройной фигуры и прекрасно гармонирует с темно-зелеными глазами. Приглашаю ее на танец и веду в центр площадки.

Когда-то вальс считался разнузданным и безнравственным, даже порочным танцем. Сегодня это кажется смешным, но не в моем случае: близость Наследницы Престола вызывает возбуждение. Я крепко удерживаю Наталью за осиную талию и умело лавирую среди танцующих пар. Периодически наши тела соприкасаются, и я мысленно благодарю Якова Самуиловича за гибкую бронированную пластину, встроенную в трусы.

Наталья нарушает молчание первой.

— Это ваш первый бал? — спрашивает она.

— Да, — честно признаюсь я. — Чувствую себя немного не в своей тарелке…

— Завтра вы проснетесь знаменитым, даже не сомневайтесь! От девушек отбоя не будет!

— Лучшие друзья женщин — это бриллианты! — я повторяю фразу, услышанную вчера от Трубецкой.

— Не скромничайте, внешностью Разделенный вас явно не обидел!

— Спасибо за комплимент, но это должна быть моя реплика, адресованная вам!

— Ненавижу лесть и дежурную лесть, — Наталья фыркает и морщит носик. — Пообещайте, что я ее от вас не услышу?!

— Комплименты обязательно будут, но только искренние, моя дорогая Натали! — нагло вру я и натягиваю на лицо соблазнительную улыбку.

— Никак не могу избавиться от ощущения, что где-то вас уже видела, — неуверенно произносит Наталья. — Брат сказал, что вы провели детство в сиротском доме под Петербургом. Быть может, мы виделись на каком-нибудь балу или приеме?

— Наверное, вы меня с кем-то путаете, — мягко возражаю я. — Встречу с вами я бы запомнил, даже не сомневайтесь!

Мы ведем пустопорожнюю великосветскую беседу, и я не верю своим ушам. Наталью Романову не узнать, как и Цесаревича. Такое ощущение, что я общался не с ними, а с двойниками. Видимо, в кругу равных венценосные особы ведут себя более подобающим образом. Такими они мне нравятся гораздо больше, но мне скучно.

Мне скучно без Трубецкой, и я определенно зажрался. В моих объятиях одна из самых красивых девушек Российской Империи, да еще и наследница Престола, а я ворочу нос. Думаю о другой, которая, в свою очередь, является неравноценной заменой третьей.

Танец заканчивается, я благодарю Наталью, провожаю ее к фуршетному столу и ищу Цесаревича, чтобы спрятаться от всех под его невидимой броней.

Алексей занят. Он окружен толпой подобострастных поклонниц, и девушки явно не собираются отпускать его из цепких цветных коготков.

— Приветствую новоиспеченного фиолетовоглазого! — раздается мягкий, приятный голос из-за спины, и я оборачиваюсь.

Андрея Трубецкого я узнаю сразу: синева его радужек еще более глубока, чем у сестры. Яркий свет выгодно подчеркивает его черты лица, кото-

рые я не разглядел в полутемной чайной комнате Воронцовых. И по этому кукольному личику я бил кулаками!

С трудом удерживаюсь от неуместного смешка и спешу поддержать беседу.

— Мое почтение наследнику самого близкого Великого Рода, — вежливо отвечаю я и жму протянутую руку.

Несколько секунд он внимательно меня разглядывает, видимо, стараясь понять, где мы могли встретиться раньше, а затем приветливо улыбается. Я с облегчением перевожу дух: не узнал.

— Хотел было предложить вам пообщаться за рюмкой коньяка, но сегодня ни карточных столов, ни ужина не предусмотрено! — Андрей сокрушенно вскидывает густые черные брови, и сходство с мультяшным принцем усиливается.

— А вы — игрок? — деланно удивляюсь я.

— Вист — моя страсть, — с гордостью признается князь Трубецкой. — Приглашаю вас при случае составить компанию! С близнецами Юсуповыми вы уже знакомы?

— Еще не довелось…

— Значит, будет повод! — Андрей протягивает мне визитку и делает шаг назад. — Оставлю вас, чтобы дать возможность пообщаться с осталь-

ными.

Объявляют белый танец, и я чувствую себя редким зверем, на которого объявлена охота. Ко мне направляется сразу несколько девушек, во главе которых — голубоглазая княгиня Воронцова собственной персоной, но на мое счастье, всех опережает красавица Нарышкина. Цесаревич поднимает бокал с шампанским и благосклонно подмигивает — дает монаршее разрешение на танец с фавориткой.

Оркестр играет «Оборванные струны», и я обнимаю тонкую талию Юлии. Желтоглазая красавица похожа на совершенную во всех отношениях куклу, но ее взгляд холоден, как у снежной королевы. И это не демонстрация превосходства, а проявление характера. Признаю правоту Трубецкой: девушку просто так в постель не затащишь, не говоря уже о том, чтобы увести у венценосного жениха.

— Всегда был наслышан о вашей красоте, а теперь очень рад лицезреть вас воочию! — говорю я, едва уклонившись от столкновения с другой парой.

— Ах, Александр Игоревич, помилуйте, я уже устала от напыщенных и велеречивых комплиментов! — отвечает девушка, но я отмечаю

румянец, вспыхнувший на ее щеках.

— Извольте! — соглашаюсь я. — Но о чем еще говорить с девушками на балу, как не об их красоте и потрясающих нарядах?

— О вас, например! — Юлия обворожительно улыбается, и в моей душе вспыхивает зависть к Цесаревичу.

— Бал в мою честь, но его инициатор не я!

— Мне это известно, но я так и не смогла понять заинтересованности в нем со стороны Алексея!

Ревнует она, что ли? На кончике языка вертится множество скабрезных шуток, но я даже не улыбаюсь и отвечаю с донельзя серьезны лицом: ведь речь идет о монаршей семье.

— Об этом лучше узнать у Алексея Николаевича!

— Не премину этого сделать! — обещает Юлия с холодной улыбкой на устах.

Беседа не клеится с самого начала, но ситуацию спасает Цесаревич. Он подает знак оркестру, и вальс переходит в котильон. Шампанское играет в крови, и всех захватывает безудержное веселье.

Пьяный Цесаревич выхватывает из моих рук златоглазую Нарышкину и танцует с ней перед оркестром, выкрикивая смены фигур. Я включа-

юсь в игру, поддаюсь незримому ритму и меняю партнерш каждые несколько па. Наверное, сверху слаженные движения танцующих подобны смене картинок в калейдоскопе, игрушке, которую я очень любил в детстве.

Очередная девушка обжигает меня касаниями разгоряченных рук, пронзает взглядом красных глаз и уносится прочь в руках Андрея Трубецкого. В моих объятиях оказывается Наталья Романова, а я смотрю вслед красноглазой, рискуя свернуть шею, потому что запоздало ее узнаю.

Я узнаю ее фигуру, черты лица и главное — взгляд, который не могут замаскировать никакие контактные линзы, накладные ресницы и великолепный грим. Танцуя с гигантом Апраксиным в шаге от нас, она отклоняется назад в одном неуловимом взглядом движении, и я не вижу даже, а чувствую, что в тонкой, изящной руке — оружие.

Мысль пронзает понимание, что цель атаки — Романова, потому что мы находимся в слепой зоне камер наблюдения, и подозрение в убийстве Наследницы Престола в первую очередь падет на меня.

Мир замедляется, цвета меркнут и становятся черно-белыми, а музыка превращается в ржавый

скрежет. Я резко ускоряю вращение, разворачиваюсь спиной к Мине, закрывая Цесаревну собой, и чувствую удар в броневую пластину.

Опускаю глаза и вижу, как на наборный паркет медленно падает тонкая стальная игла. Ловлю ее в воздухе и прячу в карман. Магия отступает, черно-белый мир наполняется цветами, безумное вращение танцующих пар ускоряется, и музыка начинает звучать с привычной скоростью.

Замечаю враждебный взгляд Мины, передаю Наследницу какому-то красноглазому и выхватываю свою бывшую у обалдевшего Апраксина. Фиксирую ее правую руку в своей, а левую прижимаю к ее же талии.

— Будь добра — исправь мою неловкость: медленно подними руку и положи ее мне на плечо, — говорю я, улыбаясь во все тридцать два зуба. — Иначе сломаю обе твои!

Улыбаясь также открыто, Мина бьет мне в пах, мастерски маскируя движение в танцевальном пируэте. Отрицательно качаю головой и мысленно благодарю Якова Самуиловича за броню в трусах второй раз за вечер.

— Без глупостей! — сладко шепчу я, сжимая ее запястья. — Перемещаемся к выходу!

Мина повинуется и, кружась в танце, мы молча

движемся в окружении других пар. Глаза в глаза, и пусть весь мир подождет. Красные контактные линзы и накладной нос с горбинкой придают лицу Мины хищное выражение, но ей идет — так лучше проявляется ее агрессивная сущность.

По мере кружения мы прижимаемся друг к другу все ближе, агрессия уступает место возбуждению, и котильон превращается в какой-то другой танец, откровенный и чувственный. Мина расслабляется и отдается мне без остатка: кладет голову на грудь и обнимает за шею. К счастью, гости вечера слишком заняты, чтобы обращать внимание на наши слишком тесные объятия.

Веду ее к распахнутым дверям зала и запоздало понимаю, что мой самоконтроль начисто проиграл острому животному возбуждению.

Мы вываливаемся в коридор, взявшись за руки, прячемся за колонну от любопытных глаз гвардейцев и сливаемся в страстном поцелуе. Мина притягивает меня к себе, вставляет ногу между моих и целует жадно, как раньше в Приюте. Мне хочется сорвать с нее коралловое платье и заняться сексом прямо здесь, в Большом Кремлевском Дворце.

И вдруг все заканчивается. Девушка отстраняется от меня, отводит взгляд и утирает глаза

жестом, который знаком мне с раннего детства.

— Я не могу, Симпа! — сдавленно произносит Мина. — Я не могу с предателем…

Выражение ее лица меняется, взгляд наполняется решимостью, и я понимаю, что в отличие от меня она полностью взяла себя в руки.

— Приют нас обманывал и растил, чтобы использовать в качестве смертников, пойми это…

Мина хватает меня за лацканы фрака и впивается в губы яростным поцелуем, заставляя замолчать. Она прерывисто дышит через нос, по ее щекам текут слезы, растапливая густой слой грима, а я снова погружаюсь в нирвану.

— Прощай, Симпа! — тихо говорит она, прерывая поцелуй, когда воздуха в легких почти не остается. — Я нарушила главное правило Кодекса Агента и должна это исправить…

Я отчетливо понимаю, что последует за этими словами, но защищаться даже не пытаюсь. Иглы девушка прячет в высокой прическе — больше негде. Она молниеносно выхватывает их и бьет мне в грудь сразу с двух рук.

Острая сталь скользит по кевлару, разрезая тонкую шерсть, застревает в нем, ломается о бронированные пластины, и одновременно что-то ломается у меня внутри. Я медленно оседаю на

пол, глядя сквозь слезы вслед убегающей девушке, и четко осознаю, что прежней Мины нет. Ее для меня больше не существует.

Глава 25 — Ложь во спасение

Бал закончился час назад, почти в четыре утра. Автомобили и вертолеты Императорской Гвардии развезли гостей по имениям и домам, а меня и Трубецкую доставили прямиком на крышу Родовой Высотки. Несмотря на поздний час, Шувалов с Берестовым ожидали нашего возвращения, не сомкнув глаз.

Я без утайки доложил старикам обо всем, что произошло. Почти без утайки. Поцелуи Мины и наш с ней короткий разговор остались за кадром. Берестов покинул нас, чтобы дополнить картину покушения данными от «надежных источников», и мы ожидаем его в кабинете Главы Рода. После расставания с Миной на душе скребут кошки, и больше всего мне хочется остаться в одиночестве, выпить пару бокалов вина, посмотреть порно, расслабиться и как следует выспаться.

— Значит, ты спас Романову, выбросил изорванный пиджак и продолжил танцевать как ни в чем не бывало? — во взгляде Шувалова читается неподдельное удивление, а я размышляю: с какой

долей искренности ему отвечать.

— Не хотелось портить бал, организованный в мою честь, — пожимаю плечами и натягиваю на лицо фальшивую улыбку.

— У тебя хорошо получилось! — Трубецкая одобрительно кивает. — Я ничего не подозревала до момента, когда ты передал мне иглы.

— Извини, что втянул тебя в это — у меня нет высокой прически, в которую смог бы их спрятать! — едко отвечаю я, не в силах удержаться от сарказма.

Трубецкая кривит губы и готовится ответить мне примерно в том же духе, но дверь кабинета распахивается, и на пороге возникает Берестов.

— Иглы отравлены! — уведомляет он, садится на свободное кресло и продолжает после небольшой паузы. — Яд Каратты. Через несколько дней после попадания в кровь проявляются первые симптомы — слабость и головокружения. Еще через неделю жертву ждет гарантированная смерть в результате отказа всех внутренних органов. Противоядия не существует, Целители тоже бессильны.

— Ты уверен, что на тебе ни единой царапины? — спрашивает у меня Шувалов, и я слышу в его голосе искреннее беспокойство.

— Уверен! — я киваю. — Могу раздеться до гола и продемонстрировать это прямо здесь…

— Ольга, внимательно его осмотри после окончания разговора! — приказывает Шувалов не терпящим возражения тоном, и очередная скабрезная шутка застревает у меня в горле. — Владислав Степанович, Императорской Гвардии уже доложили?

— Да, они просматривают записи камер и проверяют, под чьим именем убийца попала в Кремль…

— Пусть обратятся к Красным и уточнят: не исчезла ли после Бала очаровательная красноглазая аристо, — нехотя подсказываю я. — Уверен, что настоящую Юсупову найдут связанной в номере какой-нибудь гостиницы или в туалете торгового центра.

— Расследованием занимается Тайная Канцелярия, — поправляет меня Шувалов. — С Красными уже общаемся, но за совет спасибо! Как только получим новую информацию — обязательно обсудим!

— Как я и предполагал, инициатором бала в мою честь был Цесаревич! — сообщаю я, не в силах скрыть мелкое торжество.

— Ну да, чтобы свести тебя с сестрой! Как я и

предполагала! — произносит Трубецкая, копируя мои интонации. — Шутка ли — она подарила тебе семь танцев! В Телеграфе брожение и пересуды — все называют вас тайными любовниками и обсуждают будущую помолвку.

— Музыка была слишком громкой, и мы почти не общались, — нехотя признаюсь я, и Ольга награждает меня недовольным взглядом. — Но я бы не отказался стать ее любовником!

Неужели ревнует? Я внимательно смотрю в синие глаза, но не вижу ничего, кроме скуки и усталости.

— Романова не знала убийцу в лицо: я уточнил во время танца, — сообщаю присутствующим, откидываюсь на спинку кресла и устало закрываю глаза. — Преступница явно действовала одна, после ее исчезновения никто из гостей не изменил поведения и не покинул бал в необъяснимой спешке!

— Это покушение — еще одна загадка, — произносит Шувалов, задумчиво глядя в темное панорамное окно. — Я не могу постичь логику Приюта, их действия носят хаотичный и несвязанный характер и не выстраиваются в стройную цепь событий. Пришла пора разобраться с ними окончательно!

Еще вчера я бы мог поспорить с этим утверждением и выложить соображения о том, что главной целью приютских было внедрение в ряды аристо, а убийства они совершали в силу каких-то других, еще не понятных мне обстоятельств, но покушение на балу спутало все предположения. Пазл рассыпался, едва начав собираться в цельную картину.

— Оставьте нас с Сашей наедине, необходимо обсудить кое-какие детали сугубо личного характера, — обращается Шувалов к Трубецкой и Берестову.

Ольга и безопасник молча встают с кресел и направляются к выходу. После того как двери за ними закрываются, старик достает из мини-бара бутылку неизменного коньяка и пару хрустальных бокалов. Он подмигивает мне, наполняет их янтарной жидкостью и один протягивает мне.

— А теперь рассказывай! — мягко просит Шувалов и выпивает содержимое бокала большим глотком. — Рассказывай все, у нас очень мало времени!

— Что именно? — я тщетно делаю вид, что не понимаю вопроса.

— Почему ты не убил девчонку? Почему не предупредил охрану и дал ей уйти?

Отвожу взгляд от проницательных глаз старика, выпиваю коньяк и безвольно оседаю в кресле.

— Мина была моей девушкой, — тихо признаюсь я. — Рука не поднялась…

— А у нее, значит, поднялась? — Шувалов вопросительно вскидывает седую бровь.

— Если бы она хотела меня убить, то убила бы! — парирую я, хотя отчетливо осознаю собственную неправоту.

— Себе хотя бы не ври! — Шувалов поджимает губы и снова наполняет бокалы. — Ты ее любишь?

— Можно не отвечать? — искренне вопрошаю я, потому что вымотан до предела и включить актерскую игру попросту не в состоянии.

— Нельзя! — старик отрицательно качает головой и двигает бокал ближе ко мне. — Твои чувства интересуют меня лишь в контексте твоей же безопасности! Хочу быть уверен, что в следующий раз рука юного Шувалова не дрогнет!

— Следующего раза не будет — я убью Мину! — отвечаю я, хотя понимаю, что моего запала хватит лишь до первого ее поцелуя.

Пью коньяк. На этот раз, как положено, маленькими глоточками, смакуя вкус и божественный

аромат. Шувалов молча наблюдает за мной, плотно сжав губы и прищурив фиолетовые глаза.

— В первый раз после распития спиртного в этом кабинете вы передали меня в умелые руки массажисток мадам Ву, — говорю я, криво улыбаясь.

— Хочешь повторить?

— Нет! — убедительно вру я то ли самому себе, то ли старику.

— Саша, мне не особо интересны твои сердечные переживания и сексуальные похождения, просто хочу, чтобы ты выжил, понимаешь? У меня на тебя большие планы, и будет очень обидно, если какая-нибудь девка банально заколет во время танца или в постели!

— Трубецкую мне тоже стоит опасаться?

— А вы что, еще не…

Шувалов осекается и удивленно смотрит мне в глаза, а я краснею как мальчишка со спущенными штанами, которого взрослые застали за просмотром непристойных картинок. Мое красноречие куда-то испаряется, я отвожу взгляд в сторону и внимательно рассматриваю золоченые переплеты книг в массивном шкафу.

Старик вздыхает и наливает еще по одной.

— Ольге можешь доверять во всем, — произно-

сит Великий Князь с железобетонной уверенностью в голосе.

— Почему Трубецкую изгнали из Рода Синих, и как она оказалась в нашем Роду?

— Ты уже используешь эпитет «наш» по отношению к Великому Роду Фиолетовых, мне это нравится, — медленно произносит Шувалов, и я понимаю, что он тянет время, обдумывая ответ. — Обещаю, что расскажу тебе об этом, но немного позже…

— Вы мне не доверяете? — спрашиваю я слегка заплетающимся языком.

— Дело не в этом…

Князь на мгновение замолкает.

— Есть вещи, о которых тебе лучше не знать, — тихо говорит старик. — И Ольга Юрьевна Трубецкая и я дали клятву хранить в тайне некоторые события недавнего прошлого и связывающие наши Рода обстоятельства. Эта информация носит совершенно секретный характер, более того, обладание ею опасно!

— Это отговорка для неопытного юнца, а на самом деле Ольга предназначена для меня? Вы специально приняли ее в Род, чтобы уложить в мою постель, и мы послушно стругали для вас наследников с фиолетовыми глазами?

Несколько мгновений Шувалов смотрит на меня непонимающе, а затем начинает громогласно хохотать, утирая выступившие на глаза слезы.

— Ну насмешил, Сашка, ну, насмешил! — говорит он, встает из-за стола и подходит ко мне.

Я вскакиваю на ноги, во мне мгновенно закипает злость, но старик чувствует, что его слова резанули мой слух, и на мои плечи ложатся тяжелые ладони. Он смотрит на меня с отеческой улыбкой, не с наигранной, как у Шефа в Приюте, а с теплой и искренней.

— Ольга Юрьевна Трубецкая вольна спать, с кем ей заблагорассудится! А вот замуж может выйти только после благословения Главы Рода! — Шувалов крепко сжимает мои плечи.

— Значит, дело в кабальном контракте, заключенном между Ольгой и нашим Родом? — спрашиваю я слегка заплетающимся языком.

— Кабальном? — брови старика взмывают вверх от удивления. — Стандартный контракт для лиц, принятых в Род не по праву рождения, он утвержден Имперской Канцелярией. После инициации ты подпишешь похожий. Ну да, ты же не аристо, и еще не знаешь всех нюансов…

Я же не аристо, конечно. Вот она, оговорка, которая все ставит на свои места. Я бастард, которого

спасли от верной смерти, приютили в Родовой Высотке, и который должен быть благодарен за это по гроб жизни! О необходимых проявлениях благодарности Великому Роду мне будут напоминать регулярно, и я должен буду послушно следовать указаниям всесильного Князя.

В голове эхом гуляет фраза Шувалова: «Ну да, ты же не аристо!». Я вылетаю из кабинета как пробка из бутылки и кляну себя за собственную сговорчивость. Мне претит быть марионеткой в руках опытных кукловодов, опостылело играть роли в чужих пьесах и во всем следовать замыслам невидимых сценаристов. Надоело!

— Послезавтра утром состоится твоя инициация, Император и Главы Великих Родов подтвердили свое участие! — доносится до меня до меня голос Шувалова, но я настолько взбешен, что не останавливаюсь и не реагирую на новость.

Охранники перед лифтом молча расступаются, видимо, уловив мое настроение, я забегаю в кабину и застываю перед зеркалом, глядя на собственное, перекошенное от бешенства лицо.

Прижимаюсь лбом к холодному стеклу и закрываю глаза, пытаясь успокоиться. Мне снова хочется послать все во Тьму, убежать из блестящего мира высших аристо куда-нибудь на край

Империи, спрятаться там ото всех во второсортном борделе и не вылезать из постели любой хорошенькой девчонки несколько дней подряд.

Второе правило Кодекса Агентов гласит: «Оставайся независимым!».

Я пытаюсь, Разделенный — свидетель, стараюсь как могу и строю планы по обретению могущества и независимости. Вот только в одиночку я их не достигну. Никогда. Доказано Историей. Значит, мне придется мириться с ограничениями, недоверием и насмешками. Придется плясать под чужие дудки, кларнеты и трубы, чтобы в один прекрасный день обрести настоящую свободу!

Скрежещу зубами от досады и признаюсь себе, что мною правит спермотоксикоз и ребячество в одном флаконе. На самом деле мне срочно нужно развеяться и выбросить деструктивные мысли из головы. Лучший способ — драка, но здесь даже рожу начистить некому, разве что виртуальному противнику в боевом тренировочном модуле!

Спортивный комплекс темен и пуст, ранним утром в нем никого нет. Белые лампы, освещающие узкий коридор, загораются и гаснут по мере моего бега к раздевалке. Интерактивный костюм я напяливаю прямо на одежду и врываюсь в кабину боевого тактического модуля, сгорая от

желания бить и крушить все подряд. В правой руке материализуется светящийся клинок, а в левой — небольшой щит.

Активирую режим одиночной тренировки на максимальном уровне сложности, и перед глазами возникает безликий черный силуэт с черным же кинжалом в руках. Я нападаю первым и неистово пластаю воздух в тех местах, где еще мгновение назад находился мой воображаемый соперник.

Он филигранно уклоняется, искусно уходит от атак, пригибается и отступает, будто предугадывая мои движения. Я знаю, что в этом сюрреалистичном танце мне не победить, и просто выплескиваю накопившуюся агрессию и неудовлетворенность. А виртуальный боевой манекен выжидает, пока я выдохнусь, как это мог бы делать реальный противник в настоящей дуэли.

Уже через несколько минут картина боя меняется. Я ухожу в глухую оборону, а черный силуэт гоняет меня по кабине как зайца и заставляет выписывать невообразимые танцевальные па и акробатические кульбиты.

Постепенно моя агрессия уступает место усталости, и я перехожу в режим ближнего боя, смертельного для обоих бойцов. Мой кинжал

вонзается в живот, грудь и шею противника, и на его черном костюме расцветают фиолетовые всполохи.

Уже падая на колени, он бьет меня в правый бок, и в кабине загорается яркий свет, свидетельствующий об окончании боя. На виртуальное табло я даже не смотрю: выигрыш или проигрыш по очкам мне неинтересен, цель была в другом.

Отдышавшись, иду в раздевалку. Боевой костюм и одежду сбрасываю на ходу, и в душевую кабину захожу уже обнаженным. Горячие струи обжигают тело и смывают пот вместе с въевшимися в кожу ароматами модных девичьих парфюмов.

Гель для тела и шампунь от Ралле дарят ощущение свежести и чистоты — как раз то, что нужно после посещения серпентария цветных аристо под названием Императорский Кремлевский Дворец, заполненного еще молодыми, но уже опасными представителями Великих Родов.

В крови бушует алкоголь и гормоны, скользкий пол под ногами нетверд, а разум гудит от мыслей о Мине, Наталье Романовой и Трубецкой. Я облокачиваюсь спиной на выложенную фигурной мозаикой стенку душевой кабины и закрываю глаза. Мои ладони движутся по скользкой от геля

коже, и я отдаюсь во власть собственных эротических фантазий.

Понимание того, что я не один, приходит слишком поздно. Трубецкая молча наблюдает за мной, стоя в дверях раздевалки. На ее щеках алеет румянец, а на губах застыла удивленная полуулыбка.

— Никогда не видела, как это делают парни! — говорит она.

— Ну так смотри, пока есть возможность: завтра попрошу поставить замок и прикрыть этот проходной двор под названием «мужская раздевалка»! — отвечаю я, не останавливаясь и нагло глядя ей в глаза.

— Не злись, я пришла проверить — нет ли у тебя на теле царапин, — мягким воркующим голосом произносит Ольга и направляется ко мне.

Подобно мальчишке я готов пуститься в очередное выяснение отношений с помощью словесной дуэли, но Трубецкая одним изящным движением сбрасывает тонкое шелковое платье и заходит в душевую кабину. Нижнего белья на ней нет, и я делаю стоическое усилие, чтобы не наброситься на девушку в это же самое мгновение.

— Изучай! — предлагаю я, запрокидываю голову назад и поднимаю руки.

— Развернись! — приказывает она, и я покорно

подчиняюсь.

Узкие ладошки нежно гладят мою шею, затем плечи, тонкие пальчики исследуют лопатки, опускаются по спине, обхватывают ягодицы и скользят по бедрам.

— Ни единой царапины! — сообщает мне Трубецкая с хрипотцой в голосе, и я поворачиваюсь к ней лицом.

Она внимательно осматривает меня, ведя ладонями по мокрой коже, а после обнимает за шею, прижимается всем телом и целует в губы, глядя в глаза. Наконец, даю волю рукам и нежно глажу ладонями совершенные изгибы тренированного девичьего тела.

— Я слышал, что у инициированных аристо в момент оргазма светятся радужки, — шепчу я Ольге, не в силах отвести взгляд от ее горящих желанием глаз.

— Уже скоро ты в этом убедишься, и, надеюсь, не раз…

Глава 26 — Храм в огне

Я просыпаюсь от энергичной тряски и тяжести на бедрах, открываю глаза и смотрю в потолочное зеркало над кроватью. Ольга что-то говорит, усевшись мне на ноги, и энергично жестикулирует. Спросонья не могу понять, о чем идет речь, и притягиваю девчонку к себе.

— Не знаю, смогу ли! — нежно шепчу я. — Это будет шестой раз или седьмой?! Ладно, дай пять минут, я хотя бы умоюсь и зубы почищу!

— Ты вообще меня слышишь? — Трубецкая вырывается из моих объятий. — Храм взорвали!

— Что?! — кричу я и, окончательно проснувшись, подпрыгиваю.

— Одевайся! — коротко бросает она. — Едем на набережную!

Девушка вскакивает с кровати, кое-как надевает измятое платье и бежит к двери. Затем оборачивается, возвращается и страстно целует.

— Волшебная была ночь, хочу повторить! — шепчет она, подмигивает и снова убегает.

Я встаю с кровати, и накопившийся недосып

сразу дает о себе знать: меня едва не качает от усталости. Нехотя плетусь к окну и вижу густые черные клубы дыма, поднимающиеся над центром Москвы. Честно признаюсь себе, что на Храм Разделенного мне по большому счету наплевать, и вдруг подобно яркой вспышке мозг пронзает мысль о Приюте.

Бросаюсь к шкафу, натягиваю футболку с джинсами, надеваю кроссовки и выбегаю в коридор. Портреты великих предков, висящие на стене, проносятся мимо меня подобно кадрам старой кинопленки.

Ольга уже ждет меня в лифтовом холле. Даже после бессонной ночи она выглядит ослепительно, и простые черные джинсы с черной же майкой этому ничуть не мешают. На ее лице счастливая улыбка, глаза светятся радостью, и я не могу не улыбнуться в ответ.

— Ты разные кроссовки надел! — говорит она мне уже в лифте. — И вообще, на бродягу похож: майка мятая, джинсы грязные и слишком низкие — хорошо, что трусы не видно!

— Их на мне нет! — я заговорщицки улыбаюсь и подмигиваю.

Смотрю на себя в зеркало и убеждаюсь, что Трубецкая права: в приличный дом меня в та-

ком виде точно не пустят. Я похож на бродягу, случайно оказавшегося в обществе прилично одетых людей.

— В Телеграфе куча фото и видео, пишут, что из разбитых окон Храма валит дым, площадь перед ним оцеплена, и туда никого не пускают, — сообщает мне Ольга, не отрывая взгляд от экрана смартфона. — Взрыв был в восемь утра, о жертвах ничего не сообщают…

— Наш первый секс случился в день, когда взорвали Главный Храм Империи, — говорю я с саркастической усмешкой. — Его будет сложно забыть!

— Лишь по этой причине?! — Трубецкая угрожающе вскидывает брови и целует меня в губы, лишая возможности ответить.

За улыбками и не самыми уместными шутками я прячу тревогу. Интуиция подсказывает, что взорван не Храм, а Приют под ним, и мысли снова и снова возвращаются к Мине. Я пытаюсь прогнать их прочь, потому что еще ощущаю на губах вкус Ольги, да и сама она стоит рядом, но поделать с собой ничего не могу.

— Шувалов не звонил? — спрашиваю я, чтобы переключиться.

— Берестов сказал, что Князь уехал сразу после

взрыва…

— Значит, не он взорвал, — тихо бормочу я себе под нос и закрываю глаза.

В мыслях калейдоскопом вспыхивают картинки из моего детства и отрочества, проведенных в Приюте. Я вспоминаю лица друзей и наставников, шалости и розыгрыши, первые поцелуи, многочисленные задания, успешно выполненные мной, и запоздало осознаю, что мне, действительно, не хватает острых ощущений!

Шеф был прав: выплески адреналина в кровь нужны мне как воздух! Моя душа требует свободы и приключений. Я жажду погрузиться в мир, где любое мое действие может стать последним, где гормональная буря пронизывает каждую клеточку моего существа.

Безопасность и комфорт родового гнезда Шуваловых не утоляют мою жажду жизни. Я хочу ощутить вкус опасности, хочу взглянуть ей прямо в глаза и пройти по тонкому лезвию между жизнью и смертью. Только так я смогу по-настоящему ощутить себя живым.

Пусть каждый мой шаг будет испытанием, каждый миг будет наполнен непредсказуемостью и риском. Я готов погрузиться в реальность, где каждый день будет новым вызовом и новой

возможностью проявить себя.

Лифт останавливается, я открываю глаза и нехотя возвращаюсь в реальность. Мы спешно покидаем здание через подземный гараж и садимся в спортивный Руссо-балт Трубецкой. Она — за руль, а я — на пассажирское сидение.

Охрана выпускает нас из высотки, не задавая вопросов. Княжна все еще мой пропуск во внешний мир, ключик, открывающий замок золотой клетки.

Выезжаем на Набережную и вливаемся в поток машин. Мимо проносится мотобайк государственного курьера, и я провожаю совершенный силуэт завистливым взглядом.

— Успеешь еще шею свернуть, — с усмешкой изрекает Трубецкая, жмет на педаль газа, и нас вжимает в ортопедические кресла, идеально облегающие тела. — Твой байк когда придет?

— Через неделю только, — отвечаю я, борясь с подступившей тошнотой. — Обязательно тебя прокачу, обещаю!

— Нет уж, благодарю покорно, я не планирую умереть в столь юном возрасте!

Противореча себе, Ольга совершает резкий маневр, мы выполняем разворот через две сплошные и разгоняемся под громкие сигналы

возмущенных водителей. Играю пай-мальчика и проглатываю десяток колкостей, ибо горячий секс с этой красоткой прельщает меня гораздо больше, чем очередная словесная пикировка сутки напролет.

— Какой план? — лениво интересуюсь я и кладу руку на стройное девичье бедро.

— Хотя бы сейчас можешь о сексе не думать? — спрашивает Ольга, неодобрительно косясь на мою ладонь.

— Ты будешь разочарована ответом, потому что в твоем присутствии я думаю о нем постоянно! — отвечаю я и подмигиваю.

На самом деле все мои мысли — о Приюте. Угольно-черный дым, поднимающийся над Храмом, виден даже отсюда, с Кутузовского проспекта у Москвы-реки. Трубецкая уверенно маневрирует в череде медленно ползущих машин, а по крайней левой полосе мимо нас периодически проносятся пожарные и полицейские автомобили. Их количество подсказывает, что в Храме или под ним произошло что-то из ряда вон выходящее.

С Нового Арбата мы поворачиваем на Знаменку, затем — на Волхонку и попадаем в пробку. Район Храма окружен полицией, движение перекрыто,

и городовые направляют поток в Колымажный переулок. Трубецкая показывает офицеру пропуск Тайной Канцелярии, но тот отрицательно качает головой и ссылается на высочайший приказ — не пропускать машины внутрь оцепления.

— Идем! — командую я.

Ольга останавливает Руссо-Балт посередине дороги, и мы покидаем его, сопровождаемые громкой руганью и сигналами недовольных водителей. Первые два кольца оцепления проходим относительно легко — Трубецкая тычет в лица военным пропуск с переливающимся всеми цветами радуги двуглавым орлом на обороте, и они не решаются нас остановить.

С Императорской Гвардией такой фокус не прокатывает. Зеленоглазый полковник вежливо объясняет нам, что проход к Храму запрещен всем, в том числе Главе Тайной Канцелярии Князю Шувалову, и потому пропуск, как и ссылки на его высокородную персону, нам не помогут.

Ольга набирает номер Князя, но он не отвечает, и механический голос оператора рекомендует перезвонить позже ввиду чрезвычайной загруженности сети. Лицо разгневанной Трубецкой идет пятнами, она вновь обращается к полковнику и проявляет чудеса красноречия, обильно

приправляя речь угрозами и сарказмом, но все бесполезно — офицер непреклонен.

Спорить и доказывать, что Великий Князь уже давно в Храме, и мы обязаны лично сопровождать его персону, бесполезно, и я принимаю единственно правильное решение. Столь же правильное, сколь и безрассудное.

Ничего не говоря увлеченной спором Ольге, поворачиваюсь к ней спиной, с трудом протискиваюсь сквозь вооруженную смартфонами толпу и оказываюсь за пределами оцепления. Только в этот момент я понимаю, что в воздухе воняет гарью, небо заволокло серым дымом, а жар, идущий от Храма, чувствуется даже на расстоянии нескольких десятков метров от него.

Внимание тысяч встревоженных зевак и сотен военных привлечено исключительно к пожару, и никто из них не обращает внимания на парня, быстро спускающегося к воде и перелезающего через гранитный парапет.

Забравшись под мост, я раздеваюсь догола и, поежившись, ныряю в мутные воды Москвы-реки. До подводного тоннеля, ведущего в Приют, недалеко, но на этот раз у меня нет буксира, и приходится рассчитывать только на собственную силу и выносливость.

Плыву, размеренно работая руками и ногами, и стараюсь большую часть времени держаться под поверхностью. К цели я продвигаюсь медленно и молю Разделенного, чтобы на моем пути не оказалось вооруженных агентов-подводников.

Набережная пуста: никому не приходит в голову любоваться красотами города, когда рядом полыхает главный Храм Российской Империи. Осмелев, я перехожу на кроль и плыву, особо не скрываясь. Закоченевшие мышцы немного разогреваются и пронизывающий до костей холод на время отступает.

Когда в поле зрения появляется Патриарший мост, я вновь погружаюсь под воду, периодически поднимая голову над поверхностью. Стынь мгновенно сковывает меня в своих объятиях, тело сотрясает мелкая дрожь, а зубы начинают отбивать чечетку.

Мост заполнен зеваками от края до края, а вдоль ограждения стоит оцепление. Люди, не отрываясь, глазеют на полыхающий Храм, но если я продолжу свой путь, кто-то из военных точно обратит внимание на одинокого пловца. В лучшем случае они бросятся меня спасать, а в худшем — заподозрят в намерении пробиться через оцепление.

Беспомощно оглядываюсь в поисках решения и вижу сучковатое бревно, дрейфующее по поверхности воды в тени гранитного парапета. Радуясь нежданной удаче, подныриваю под него и, спрятав голову в обломанных ветвях, отдаюсь во власть течения.

Поравнявшись с Храмом, набираю полные легкие воздуха и ныряю в темную муть. Ржавая решетка коллектора закрыта, но копия ключа, которую я много лет назад сделал на случай непредвиденных обстоятельств и спрятал между гранитными плитами набережной все еще на месте.

От ледяного холода сводит скулы, пальцы не слушаются, и я аккуратно достаю ключ двумя руками, чтобы не уронить его в мутную глубину. Ржавый замок открываю на ощупь, толкаю рычаг и вплываю внутрь хорошо знакомого тоннеля. Поднимаюсь к поверхности, на негнущихся ногах выхожу из воды и ничком падаю на бетон.

Первая и самая простая часть плана выполнена. Не плана даже, а возникшего вмиг безрассудного намерения прорваться в Приют. Я опираюсь на руки и пытаюсь встать, но сил не хватает. Мне кажется, что все мышцы в теле заменили на резиновые, а сам я стал детской куклой, неспособной

к самостоятельным движениям. Делаю ещё одну отчаянную попытку и, наконец, поднимаюсь на ноги.

Путь к замаскированной под серую стену двери преодолеваю мелкими шажками и всем телом прислоняюсь к бетону. После ледяного холода вод Москвы-реки он согревает.

Немного помедлив, приникаю глазом к сканеру, спрятанному под бутылочным стеклом. Сердце гулко отбивает редкие удары, а в мозгу пульсирует страх неизвестности. Луч лазера начинает сканировать сетчатку, и я вздыхаю с облегчением: система безопасности работает.

Дверь бесшумно отъезжает в сторону, и я врываюсь внутрь, не дожидаясь ее остановки. Горячий воздух обжигает кожу будто кипятком, а едкий дым мгновенно вышибает слезы. Путь до собственной спальни я мог бы пробежать и с закрытыми глазами, но осторожность берет свое.

Медленно крадусь по пустым полутемным коридорам, освещенным лишь мигающими аварийными лампами, и постепенно осознаю, что в Приюте никого нет: все двери широко распахнуты, в пустых комнатах царит беспорядок, а тишину нарушают лишь мои осторожные шаги.

Добравшись до общественной зоны, упираюсь

в бетонную переборку, которая пышет жаром, словно горячая печь. Сквозь узкие щели в жилой сектор струятся тонкие струйки дыма и наполняют воздух едкой гарью. Видимо, сработавшая сигнализация отрезала жилые помещения от эпицентра взрыва или пожара.

Я все еще не понимаю, что произошло в Приюте, но мои худшие ожидания не сбылись: в коридорах и комнатах нет обезображенных трупов, а воздух не наполнен тошнотворным запахом сгоревшего мяса.

Отступаю от переборки и возвращаюсь. Меня неудержимо тянет в собственную спальню. В нашу с Миной спальню. В отличие от прочих, дверь в нее заперта, и я медленно приоткрываю ее, осторожно заглядывая внутрь из-за толстой бетонной стены.

Лист бумаги, лежащий на полу, бросается в глаза сразу — его невозможно не заметить. В ритмично мигающем свете аварийных ламп он кажется кроваво-красным, и поэтому я не сразу замечаю на нем рисунок.

Схематичное изображение сердца аккуратно выведено красной губной помадой, а под ним красуется короткая подпись «Мина». Глаза наполняются влагой, но я убеждаю себя, что все дело в

едком дыме, полупрозрачным маревом висящем в воздухе.

С разбега бросаюсь на кровать, как делал это в детстве, и зарываюсь головой в подушки. Закрываю глаза, зажимаю ладонями уши и прячусь от враждебного мира, как десять лет назад. С удивлением для себя осознаю, что отчаянно хочу оказаться в прошлом и еще раз провести в Приюте несколько счастливых лет.

Ощущение опасности возникает внезапно. Я кубарем скатываюсь с кровати, мгновенно вскакиваю на ноги и вижу в дверном проеме темный мужской силуэт. Широкоплечая массивная фигура скрыта под длинным черным плащом, а лицо незнакомца — под низко надвинутым капюшоном.

Я не могу отвести взгляд от мрачного силуэта, который с каждой секундой кажется все более и более опасным. Мои мысли кружатся в поисках выхода, но все, что я могу видеть, это темную фигуру, которая его перегородила. Я подавляю ребяческое желание броситься на нее и проложить путь к свободе силой и жду.

Незнакомец делает шаг и будто перетекает из коридора в комнату. Он останавливается в паре метров от меня, и замирает. Мои мышцы

напрягаются, готовые к действию, а сердце начинает биться с удвоенной силой. Я напряженно вглядываюсь в темноту под капюшоном, пытаясь разглядеть лицо, но вижу лишь тьму.

Проклиная себя за безрассудство и отсутствие осторожности, приведшие меня в Приют, хватаю латунную прикроватную лампу, обрываю провод и разбиваю стеклянный абажур об угол тумбочки. Какое-никакое, но все же оружие!

Человек в черном откидывает капюшон за спину резким движением головы, принимает боевую стойку, и в его руках материализуется светящийся меч. Меч полыхает так же ярко, как ослепительно-белые радужки незнакомца. Струящийся из его глаз свет вызывает непроизвольное желание отвернуться, я отступаю, и время замирает.

Цвета смазываются, тускнеют, и мир превращается в черно-белую фотографию.

Продолжение (второй том): https://author.today/reader/330350/3019919

Nota bene

Книга предоставлена Цокольный этаж, где можно скачать и другие книги.

Сайт заблокирован в России, поэтому доступ к сайту через VPN. Можете воспользоваться Censor Tracker или Антизапретом.

У нас есть Telegram-бот, о котором подробнее можно узнать на сайте в Ответах.

* * *

Если вам понравилась книга, наградите автора лайком и донатом:

#Бояръ-Аниме. Кодекс Агента. Том 1